

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Том 6 № 1
Volume 6 2020

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal



НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media
(Roskomnadzor) Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016



Том 6. № 1. 2020

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X



Volume 6. № 1. 2020

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, доцент, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, профессор социальной работы в Колледже образования, психологии и социальной работы Университета Флиндерса, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, Академия труда и социальных отношений (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Врanye государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASJEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Associate Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia; Professor of Social Work at the College of Education, Psychology and Social Work at Flinders University, Commonwealth of Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Work, Academy of Labor and Social Relations (Moscow), Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрин Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Колесников С. А. Литература и пустота: стратегии деструктивности в русской литературе Серебряного века 4	Kolesnikov S. A. Literature and emptiness: the strategies of destructiveness in Russian literature of the Silver Age 4
Мальцев Я. В. Субъект современности в пространстве художественного вымысла 16	Maltsev Ya. V. The subject of modernity in the space of fiction 16
Даренский В. Ю. Диалогическая структура европейской культурной традиции 25	Darensky V. Yu. Dialogic structure of the European cultural tradition 25
Чистякова Е. Ю. Герменевтика Другого в социальной феноменологии А. Шюца и критической философии И. И. Лапшина 37	Chistyakova E. Yu. Hermeneutics of the Other in Shutz's social phenomenology and Lapshin's critical philosophy 37
Даренская В. Н. Культурно-историческое содержание концепта <i>homo universalis</i> 46	Darenskaya V. N. Cultural and historical content of the <i>homo universalis</i> concept 46
Коровина О. В. Дневник как практика культурно-исторической рефлексии (инициативы А.В. Никитенко) 59	Korovina O. V. Diary as a practice of cultural-historical reflection (initiatives of A.V. Nikitenko) 59
Адыгезалова М. Н. Синтез: к истории и литературно-философским контекстам понятия 66	Adigezalova M. N. Synthesis: to the history and literary and philosophical contexts of the concept 66
Домбровская А. Ю., Никулин Е. Р. Дискурсивное поле внешнеполитических установок в белорусском сегменте социальных медиа: технологический аспект 74	Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E. R. Discourse field of foreign policy agenda in the Belarusian segment of social media: technological aspect 74
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS
Масалов А. Г. Методология научных исследований и прикладной аналитики (заметки рецензента) 90	Masalov A. G. Methodology of scientific research and applied analytics (reviewer's notes) 90
Егоров Н. С. Интернет и личность «цифровых аборигенов»: к проблеме виртуальных границ 95	Yegorov N. S. Internet and personality of digital natives: the problem of virtual boundaries 95
Маслакова А. В. Религиозные сообщества в медиа-пространстве: информационные инициативы Марфо-Мариинского сестричества милосердия (Белгород) 103	Maslakova A. V. Religious communities in the media space: information initiatives of the Marfo-Mariinsky sisterhood of mercy (Belgorod) 103

**ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES**

УДК 091.18

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-1

Колесников С. А.

**Литература и пустота: стратегии деструктивности
в русской литературе Серебряного века**

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького,
д. 56 а, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные варианты деструктивных стратегий, реализованных русской литературой рубежа XIX-XX веков в отношении читательского сознания в частности и национальной культуры в целом. Методологически статья выполнена на основе междисциплинарных связей между философией, культурологией и литературоведением, с использованием теорий воспринимающего сознания и воздействия на него внешних, в данном случае литературно-художественных, факторов, ментальной презентации внутренней сферы человеческого сознания, а также с применением основных понятий онтологии деструктивности. Результатом исследовательской работы является выявление основных механизмов деструктивности, проявляющихся при воздействии на читательское сознание в процессе восприятия художественной литературы, хронологически ограниченной рамками Серебряного века. Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей читательского сознания, а также для создания эффективных механизмов противодействия деструктивным тенденциям в области словесно-художественной культуры. В качестве выводов можно определить демаскировку ведущих стратегий, направленных на разрушение сложившейся к данному периоду системы ценностей. К числу таких стратегий можно отнести стратегию опустошения читательского сознания информацией, разрушение читательского «я», сбивание адекватных «настроек» словесно-художественного сознания, культивацию мировоззренческого взрыва, стратегии ступора шокированного мировосприятия и другие. Именно реализация этих деструктивных стратегий может рассматриваться как одна из причин культурной катастрофы, произошедшей в России в начале XX века.

Ключевые слова: Серебряный век; русская литература рубежа XIX-XX веков; деструктивность; стратегии русской литературы; читательское сознание; опасность литературы

Для цитирования: Колесников С. А. Литература и пустота: стратегии деструктивности в русской литературе Серебряного века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-1

S. A. Kolesnikov

**Literature and emptiness: the strategies of destructiveness
in Russian literature of the Silver Age**

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
56a Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. The article deals with the main variants of destructive strategies implemented by the Russian literature of the 19-20th centuries in relation to the reader's consciousness in particular and national culture in general. Methodologically, the article is based on interdisciplinary connections between philosophy, cultural studies and literary studies, using the theories of perceiving consciousness and the impact on it of external, in this case literary and artistic, factors, mental presentation of the inner sphere of human consciousness, as well as using the basic concepts of ontology of destructiveness. The result of the research work is the identification of the main mechanisms of destructiveness, manifested when exposed to the reader's consciousness in the process of perception of fiction, chronologically due to the framework of the Silver Age. Application of the research results is possible in the construction of theoretical and methodological models of reader's consciousness, as well as to create effective mechanisms to counter destructive trends in the field of verbal and artistic culture. As conclusions it is possible to define a disguise of the leading strategies directed on destruction of the system of values developed by this period. These strategies include the strategy for the devastation of the reader's consciousness of information, the destruction of the reader's self, knocking down the appropriate "setting" of the verbal-artistic consciousness, cultivation of ideological explosion, the strategy of stupor, shocked the world and others. It is the implementation of these destructive strategies that can be considered as one of the causes of the cultural catastrophe that occurred in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: Silver Age; Russian literature at the turn of 19-20th centuries; destructiveness; strategies of Russian literature; reader's consciousness; danger of literature

For citation: Kolesnikov S. A. (2020), "Literature and emptiness: the strategies of destructiveness in Russian literature of the Silver Age", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 4-15, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-1

Рассмотрение механизмов разрушения стабильно-традиционных алгоритмов восприятия реальности сознанием читателя под воздействием деструктивных стратегий вербально-художественной культуры Серебряного века для современной культурной ситуации является актуальным, поскольку позволяет увидеть внутренние механизмы разрушения культуры посредством самой культуры, причем культуры самого высокого «качества».

Сама форма подачи литературного материала этой эпохи могла деструктивно воздействовать на глубинные уровни ре-

ципиентного сознания, стратегия «перегрузки» сознания осуществлялась с помощью амбивалентности жанровой системы. Смещение жанров, создание «мозаично-фрагментарных текстов» (Кондаков, 2008: 37), «скрещение» литературы с журналистикой, историей, политологией – даже с математикой (!) (к примеру, отдельные произведения А. Белого) – вели к расшатыванию читательского сознания. Если во времена Я.А. Коменского сознание могло противостоять «лабиринтам миров», то теперь оно было шокировано разнообразием форм, в том числе и жанрово-

коммуникативных. Реальным примером воплощения стратегии тотального смешения жанров могут служить предреволюционные салоны, например, «Медный всадник», «куда входили литераторы, актеры, композиторы, живописцы...» (Крейд, 2007: 234). Возникли новые жанры, в частности, «Опавшие листья» Розанова, разрушающие традиционное представление о «классической» жанровой закреплённости. У В. Брюсова в 1909 г. вышел сборник стихотворений «Все напевы», где представлены практически все известные и даже новые жанры: октавы, рондо, сонеты, триолетто, газэлы... Похожая жанровая смешанность уже обнаруживалась в истории отечественной художественной культуры во времена Киевской Руси¹, однако если в XI-XII вв. жанровая «свобода» являлась признаком роста литературы, то в Серебряном веке жанровый хаос лишь подстегивал развитие деструктивности.

Личностно ориентированные стратегии вербально-художественной культуры деструктивно воздействовали и на рефлексию индивидуального реципиентного сознания. Сам генезис понятия «Я», история персональности имели в отечественной культуре весьма своеобразные традиции (см.: Плотников, 2008). Серебряный век стремился заполнить «лакуну» в формировании понятия личности, но делал это преимущественно «апофатически», определяя «Я» негативно, делая доминантной семантику «пустотной» рефлексии, рефлексии над пустотой. Модели «автономной личности» Канта, «идентичной личности» Локка, «монадологической личности» Лейбница и другие концепции Нового времени не вписывались в деструктивный контекст персонологии Серебряного века². Для этого периода характерны скорее не положительные, а отрицательные дефиниции «Я», негати-

зация личностной идентичности. Культура рубежа XIX-XX вв. продуцирует глобальные, художественно оформленные, проекты-методики по уничтожению «Я», причем спектр этих методик «анти-самопознания» достаточно широк. Утверждается и внушается воспринимающему сознанию принципиальная возможность уничтожения «Я», постулируется принципиальная возможность аннигиляции «продуктивной способности рефлексии» (Э. Гуссерль), для подтверждения чего создается значительное число героев, т. е. нормативных образцов воспринимающего сознания, доказывающих то, что объект рефлексии, «Я», можно уничтожить.

Герой рассказа Л. Андреева «Нет прощения» утрачивает свое «Я», притворившись шпионом, а в «Рассказе о семи повешенных» приговоренный к смерти забывает о себе, о своем «Я». Здесь мы встречаем мощнейшее по своей эмоциональности описание уничтожения самосознания: «...человеческий мозг, поставленный на чудовищно острую грань между жизнь и смертью, распался, как комок сухой и выветрившейся глины» (Л. Андреев). Наглядность, визуальное-вербальное иллюстрирование процесса уничтожения «Я» подталкивали, по замыслу деструктивности, читательское сознание принять саму возможность этого уничтожения, принять в качестве мировоззренческого алгоритма постулат об имплицитной пустотности «я».

А. Грин в «Рассказе Бирка» (1910) детально и наглядно описывал «состояние трупа», психологического омертвения, когда остается «не сама жизнь, а только одна форма жизни», настаивает на возможности физического существования с отсутствующим «Я». По сути, Грин применял к читателю прием, который позднее Р. Лэнг определил как «разрушительный психопатологический механизм, перед лицом которого личность – относительно беспомощная жертва» (Лэнг, 1995: 127). Если Грин дает описание одномоментного разрушения сознания, то А. Чехов

¹ Подробнее см. (Лихачев, 1986: 79-95).

² Например, см. полемику в «Вехах» по вопросу самосознания, в частности, статью М. Гершензона «Творческое самосознание», работу Н. Бердяева «Самосознание» и др.

в «Ионыче» показывает возможность разрушения сознания в хронологической протяженности. Саморазрушивший себя Старцев трансформировался в пустоту Ионыча: Ионыч с его социальной стабильностью может восприниматься как соблазн деструктивности и, одновременно, как закономерный результат, как практическое подтверждение потенциальной возможности уничтожения собственного «Я». Причем пустота – удел не только провинциальных врачей. Только один пример, переводящий, казалось бы, сугубо теоретические рассуждения о «пустотности» «я» в практическую плоскость: В. Вересаев в «Живой жизни», обращаясь к биографии Достоевского, акцентирует наличие «пустот» в его реальной жизни, «как будто гигантский молот непрерывно бьет перед нами по жизни Достоевского» (Вересаев, 1991: 278), доказывая, тем самым, практическую возможность воплощения ситуации опустошенного сознания в реальной жизни. Тем самым, сама возможность уничтожения «Я», а следовательно, утверждение прайминг-эффекта опустошенной рефлексии для воспринимающего сознания постулируется вербально-художественной культурой Серебряного века. Самой яркой иллюстрацией к этому тезису является развернутая тема «взрыва», проходящая через многие произведения этой эпохи.

Взрыв как рефлексивно-культурологическое мировосприятие³ культивируется в «Петербурге» А. Белого, где герои будут «носить в себе бомбу», в «Красном смехе» Л. Андреева, где взрыв будет выжигать личное «Я», у Б. Савинкова в «Коне бледном», где тер-

акт бомбиста будет направлен против собственной личности и т. д.⁴

Кроме того, эффективности стратегии опустошения, взрыва собственного «я» и, как следствие, ступору воспринимающего сознания способствовала кампания разрушения позитивных характеристик, неонигилизм, предлагающий аргументы в пользу тотального разрушения. «Когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на которых строится жизнь теплая, жизнь сытая... – писал М. Горький Л. Андрееву 28 мая 1902 г. – зашатаются, как зубы в челюсти старика – благо ти будеши, долголетен будеши на земли». Сам М. Горький последовательно проводит идею «прекрасного разрушения», достаточно процитировать одну лишь фразу из его рассказа «Пожар»: «Пожар – это замечательно».

Неизбежность разрушения, в том числе и глубинных основ сознания, усиливается эпигонским нищезанятием, и здесь уместно вспомнить М. Арцыбашева, молодых футуристов, Б. Савинкова, пролетарских поэтов и прочих ниспровергателей существующего, ратующих за «прыжок через человека», представляемый как прыжок через пустоту.

Праймингу опустошенности сознания содействовало значительное количество видовых экспликаций таких сознаний. Логика реализации данной деструктивной стратегии утверждала: если есть множественные талантливые описания «пустых» сознаний, значит, такие сознания должны реально существовать. Апробировать погружение в пустоту и предлагалось читателю. Спектр вариаций опустошенных сознаний велик – от натуралистических до фантастических. Так, А. Чехов рисовал целый ряд опустошенных сознаний:

³ Представляется, что из двух метафор Ю. Лотмана о процессах развития культуры – «заминированное поле с непредсказуемыми местами взрыва» и «весенняя река, несущая свой мощный, но направленный поток» (Лотман, 1992, 18) – Серебряному веку ближе именно «взрывообразная» экспликация, и ведущую роль во взрывном движении культуры «рубежа веков» играла именно вербально-художественная культура.

⁴ Показательна результативность, та реальная сила воздействия, казалось бы, исключительно литературно маркированной темы «внутреннего взрыва» на реальное сознание Серебряного века. Ведь даже такой представитель политической элиты того времени, как Плеве в 1903 г. признавался французскому послу Бомпару: «Я сижу на пороховой бочке и взорвусь вместе с ней».

в «Моей жизни» ощущения опустошенности героев преобладают даже над чувством самосохранения, в «Душеньке» чужие мировоззрения полностью уничтожают «свое»... В. Вересаев в хронике «На японской войне» преподнес читателю «реалистические» зарисовки «выжженных» войной сознаний, идейной пустоты, «нет идеи!», – тезис, который стал девизом данного произведения; Л. Толстой в романе «Воскресенье» дал уникальный по своей глубине и деструктивному воздействию эпизод опустошенности сознания Катюши Масловой, стоящей у освещенного огнями поезда; М. Арцыбашев описал состояние «выжженной пустыни души» героини романа «Санин» Лиды после предательства ее любовника...

И не только представители «натуральной школы» вносили свой вклад в расширение пространства деструктивно ориентированной вербально-художественной культуры, вненатуралистские описания предлагают еще более экстравагантные, а потому впечатляющие «типы» опустошенных сознаний. Л. Андреев в «Красном смехе» создает образ: безногий офицер пытается на бумаге передать свое внутреннее состояние, но пишет «цветы и песни» сухими чернилами по чистому листу, пишет никому невидимые строки, идущие из пустоты разрушенного сознания. Именно так, настаивает автор, должен выглядеть человек, вернувшийся с войны, а всё, что не похоже на нарисованную картину, позиционируется как неистинность. Опустошенные войной, «порыжелые от крови», поля становятся внешними иллюстрациями внутренней личностной пустоты. В «Рассказе о семи повешенных» пустота сознания, ступор личности становится предметом пристального описания, читательское сознание завораживается высокоталантливым изображением того, как крестьянин Янсон забывает самого себя, свое преступление, свое я... У А. Грина в «Наследстве Пик-Мика» встречается парадоксально-образное описание личностной пустоты:

результатом сорокалетней жизни становится число 365, умноженное на 40, равное «ничему»; для героя «Возращенного ада» становится возможным обращение в пустоту своего прошлого мировосприятия. А. Белый в «Петербурге» дает развернутые ряды героев, носящих пустоту вместо «Я»: у террориста Дудкина сознание стремительно разлетается вовне, у его врага, Липпанченко, напротив, сознание раздавливается «толстой черепной коробкой носорога», поручик Лихутин утрачивает сознание в безумии, – и всё это методики уничтожения самосознания, генеральные пути, на реальности и действенности которых настаивает автор, тем самым провоцируя читательское сознание на прохождение подобных путей. При этом выявляется еще одна деструктивная грань стратегии опустошения: соблазн безответственностью. Создание ситуации «анонимного бытия» (Р. Ленг), погружение в нее читательского сознания ведет к снятию персональной ответственности, а значит, к возможности «благородной» капитуляции, оправданного эскапизма.

Открытие имплицитной опустошенности сознания содействовало шокированию, лишало сознание возможности адекватно воспринимать реальность. Средства, с помощью которых сознание читателя шокируется, в вербально-художественной культуре Серебряного века весьма разнообразны. Шок как средство блокирования защитно-воспринимающих механизмов сознания, как «уничтожение лабильности личности» (Смулевич А.Б., Воробьев В.Ю., 1973) использовался для более успешного «заражения» вирусами деструктивности читательского менталитета. Шокированное сознание, «бомбардированное сознание»⁵ легче поддается влия-

⁵ Представляется вполне оправданным употребление именно этого термина из области нейропрограммирования: можно отметить практически прямые параллели с технологиями влиянием на аутоуровень сознания вербально-художественной культуры Серебряного века и «деструктивных психотехник» современности (подробнее см., напр., Деструктивные психотехники, 2002).

нию, легче разрушается. В психиатрии существует термин «патологическое оцепенение» (И. Берце), результатом которого становится «отсутствие внутреннего душевного движения» (Деструктивные психотехники, 2002: 50). Остановившееся сознание становится легкой мишенью для деструктивности, и поэтому шок становится одной из ведущих разрушительных стратегий, причем стратегией разнообразной и многоликой. Данная стратегия настаивает на возможности появления понастоящему «пустой пустоты», и это не до-логосная «безвидность» в духовно-вербальной мировой традиции, а пост-литературная, пост-фикционная опустошенность. Если Сартр определял небытие как «нерасчлененность бытия, подвергнутая отрицанию» (Сартр, 2000: 70), то еще ранее художественная культура Серебряного века продемонстрировала описание «абсолютного ничто», безрезультатного и беспродуктивного, абсолютной пустыни, ситуации логосного анти-творения, возникшей уже после десакрального опустошающего «слова» в сознании читателя.

У большинства писателей Серебряного века имелись свои развернутые методики шокирования читательского сознания, причем эти приемы могли осуществляться как на алло-психическом уровне, т. е. в форме внешних шокирующих впечатлений, так и на ауто-психических, парализующих сознание внутренними переживаниями. Л. Андреев шокировал читательское сознание страхом смерти («Елизар»), звериностью отношений между людьми (см. рассказ «В тумане», где, казалось бы, традиционные образы юности и женственности шокируют своей бесчеловечностью, кровавой драмой), или, как в «Красном смехе», изображением изуродованного, искалеченного мира. А. Куприн в «Поединке» вводил в ступор реципиента, сопоставляя несопоставимые, казалось бы, образы: хрупкую образованную женщину и ее откровенное предательство. В. Вересаев шокировал статистикой, при-

водя факты жестокости врачей (искусственное, ради исследований, заражение болезнями и пр.), Б. Савинков – внечеловечностью террора, А. Белый и А. Ремизов – изощренным, письменно зафиксированным, безумием. Натуралистические откровенные описания как средства для ступора сознания использовали М. Горький и Скиталец, «животностью» поражали Л. Зиновьева-Аннибал и М. Арцыбашев, Ф. Сологуб – грязью межчеловеческих отношений, А. Толстой – откровенным порнографизмом, М. Кузмин – нетрадиционной ориентацией. Экстравагантность также входит в список шокирующих средств: В. Хлебников ударяет по сознанию читателя языковой безязыковостью («Бобэоби...»), братья Бурлюки – внешней эпатажностью, З. Гиппиус – невероятной экзотичностью...

В данном аспекте обнаруживается ситуация полимотивированности шока, «кризиса гипер-выбора» (Э. Тоффлер) шокирующих методик, ведущих к вакууму сознания. Последствия четко определены Р. Ленгом: «Индивидуум ощущает, что, как и вакуум, он совершенно пуст. Но такая пустота есть именно он. Хотя в других случаях он стремится к тому, чтобы эта пустота заполнилась, он боится, что это, возможно, произойдет, поскольку он стал чувствовать, что всё, чем он может быть, это жуткое ничто этого самого вакуума» (Ленг, 1995: 20). Результатом становится нарастание страха – одна из главных целей деструктивных стратегий художественной культуры Серебряного века. Актуальность этой стратегии подчеркнута постмодернизмом и выражена в соединении страха и удовольствия. Р. Барт в тексте с показательным названием «Удовольствие от теста» писал: «Вот эти-то причины и сблизжают страх с наслаждением: он таится в абсолютном мраке подполья, но не потому, что он “постыден” (хотя, по правде сказать, ныне никто не хочет сознаваться в своих страхах), а потому, что, раскалывая субъекта надвое и в то же время не затрагивая его целостности, страх имеет

в своем распоряжении только общепринятые означающие: человеку, чувствуящему, как в нем поднимается волна страха, заказан язык безумия» (Барт, 1994: 478). Можно утверждать, что Серебряный век являет первую попытку реализации проекта «удовольствия от страха» на масштабном культурном материале. Культивация «невротического страха» (см. у З. Фрейда: «Такой страх я назову реальным в противоположность невротическому. Реальный страх является для нас чем-то вполне рациональным и понятным. О нем мы скажем, что он представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, т. е. ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения... Теряем из виду связь между страхом и угрожающей опасностью») (Фрейд, 1999: 72) – одна из ведущих стратегий вербально-художественной культуры Серебряного века.

История взаимоотношений методик культивации страха как глубинного мировосприятия сознания и его вербально-художественных экспликаций в отечественной культуре имеет глубокие традиции. В Новое время мы встречаем свою методику «анти-страха» еще у Николая Сорского, определяющего страх, в соответствии со святоотеческой традицией, не уничтожающим, а преобразующим личность (см. Библиотека литературы Древней Руси, 1997: 167). «Страх Божий», благоговейный страх становится антидотом от страха безблагодатного, разлагающего. Сакрализованный страх в петровское время будет заменяться, с разным успехом, на рационализированный страх. Антифобийные методики Петра I будут основаны на «постоянстве, регулярности, обязательности и публичности» (Из истории русской культуры XVII в., т. 3: 551). Стремление Петра, в том числе и через литературу, придать мистическому страху более рационалистические очертания, приводил к новым формам антифобийных методик. Литература,

как и уроды Кунсткамеры, как и «шутейные соборы», как шокирующие приказания придворным «рвать зубами мускулы трупов в анатомическом театре» (см. Соловьев, 1993: 554), должна была способствовать трансполяции страха в рациональную сферу. Литература XVIII в. принимала живейшее участие в «инициации» Империи, в формировании ситуации «пролития крови» (В.М. Живов), в отказе от прежнего, допетровского страха и в создании страха государственного. Позднее, в эпоху Екатерины II литература выводила общество из зоны тотально рационализованного страха, культивировала пафос нарочитого бесстрашия, нового героизма, рождающегося не из страха перед государством, а из чувства долга...

Серебряный век создал новый формат взаимоотношений литературы и читательского сознания. Теперь методики испуга читателя совершенствуются, причем разрушительный вектор страха мог быть направлен не только в сторону читателя, но и в направлении автора. Знаковым является замечание Д. Мережковского в адрес «специалиста по испугу» Л. Андреева: «Я не боюсь того, чем Андреев меня пугает, но боюсь, чтоб он сам не испугался, как дети, которым во время игры в черта явился черт!» (Мережковский, 1914: 14). Стремление вовлечь в атмосферу страха всё, что доступно, создать брутально-фобийную онтологию, претендующую на мега-дискурсивность – одна из широко представленных форм деструктивных интенций вербально-художественной культуры начала XX в.

Страх должно излучать всё – даже позитивные стороны жизни. О распространности фобийного мироощущения в России начала XX в. может свидетельствовать, например, широкий успех, в том числе и финансовый, лекций М. Волошина на тему «Жестокость в жизни и ужасы в литературе» (1913) – страна желала быть испуганной. В XX веке Ж. Батай назовет такое направление в литературе «ужасом быть удовлетворенным» (Батай, 1994: 42),

но Серебряный век гораздо ранее реализовал эту методику. В «позитивном» страхе слились две деструктивные стратегии: крайняя идеализация реальности и радикальное культивирование страха.

Положительный объект желаний тесно связывается со страхом его потерять, будь то материальное благополучие и связанный с ним страх нищеты (В. Вересаев «Встреча»), страх перед потенциально возможным семейным неблагополучием, утратой любви (А. Чехов «Страх»), страх потерять обретенную «новую жизнь» (Л. Андреев «В подвале»)… У М. Горького гипер-оптимистичные «Итальянские сказки» прямо провоцируют читательские фобии перед неизбежной потерей «позитива» в отечественной действительности. Даже отсутствие страха может использоваться для испуга читателя, как, например, в романе Б. Савинкова «Конь бледный», где главный герой постулирует свою методику анти-страха: «умереть и убить», причем именно в такой последовательности (как вариант деструктивного «без-страшия» см. у Ф. Сологуба в рассказе «Земле земное»: «Всё – одинаково нестрашно»: у Л. Андреева в «Семи повешенных»: герой, не знающий страха, пугает своим безумием). Реакция реципиентного сознания программировалась вербально-художественной культурой: отсутствие страха в воспринимаемой реальности должно было пугать и шокировать сознание сильнее самого страха.

Понятно, что если позитивный дискурс реальности мог вызывать испуг, то, тем более, негативно артикулированные смыслы становились мощным источником взращивания фобий в читательском сознании. Количество пугающего зла переполняет страницы литературных произведений, практически невозможно классифицировать все объекты, используемые в качестве литературно оформленных «пугал». Свой значительный вклад в глобальную фобизацию читательского сознания вносила и литература высокохудожественная. Так, Д. Мережковский мо-

жет пугать читателя разбушевавшейся стихией, уничтожающей город (роман «Александр I»); Л. Андреев (рассказ «Город») и М. Горький («Букоёмов») пугают самым городом и населяющими его людьми; В. Вересаев в «Без дороги» описывает страх перед народной массой, а А. Куприн – страх перед колдовством отдельного человека («Олеся»); Л. Зиновьева-Аннибал рассказывает жуткую историю о реальном беспощадном насекомом («Чудовище»), а Ф. Сологуб – о выдуманном червяке, заползающем в мозг девочки («Червяк»); Скиталец устрашал натуралистическими описаниями, А. Белый в «Петербурге» – потусторонним ужасом. Страшно прошлое в «Смерти богов» Мережковского, пугающе настоящее – в «Детстве Темы» Н. Гарина-Михайловского, ужасающе будущее – в надвигающейся старости (В. Вересаев «Об одном доме»). Своеобразно стратегия культивирования ужаса в реципиентном сознании представлена прозаической и поэтической апокалиптикой К. Бальмонта, А. Блока, М. Волошина, Д. Мережковского («Грядущий хам»), М. Арцыбашева («У последней черты»), А. Крученых («Апокалипсис в русской литературе»), В. Розанова («Апокалипсис нашего времени»), Ф. Сологуба, Л. Андреева, старших и младших символистов А. Белого («Христос воскрес»), В. Брюсова («Конь блед»); сюда же можно отнести философские интерпретации апокалиптических мотивов у В. Соловьева («Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» с приложением краткой «Повести об антихристе»), М. Барсова («Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса») (1902 г.) и других, – всё это определяло тотальный масштаб воздействия фобийных методик на глубинные основания воспринимающего сознания.

Страх должен стать неотъемлемой характеристикой внутреннего мировосприятия, «обязательной» (Г. Олпорт, 2002: 170), аподиктической реакцией реципиента

на художественное произведение, – в этом суть деструктивной стратегии. Ее оттенки отмечены Р. Ленгом как разные смыслы «окаменения от страха»: «...форма ужаса, при которой человек каменеет... боязнь возможности превратиться в камень... магический акт, посредством которого можно попытаться превратить другого в камень» (Ленг, 1995: 21). По всем этим трем направлениям – а) шок или ступор сознания, б) внутренний страх пугающего воспринимаемого мира и в) деструктивное воздействие на внутренний мир личности – и реализуется стратегия культивации страха литературой.

При этом у художественной литературы есть еще один «стимулятор» – олицетворение страха, превращение страха в некую личность⁶. С помощью ярких талантливых образов создается «страх-в-себе», одновременно и метафизический, и личностный страх, семантически не закрепленный за конкретным референтом и одновременно пронизывающе-формирующий все личностно значимые смыслы. Значительно ранее, чем, например, Ж. Лефевр (подробнее см.: Лефевр, 1991, 1996), Серебряный век открыл возможность деструктивного искажения менталитета своей эпохи, используя метаолицетворение страха. Л. Андреев выдает уникальный по силе эмоционального воздействия образ «Красного смеха», вневещного, иррационального – и вместе с тем глубоко личностного. А. Куприн персонифицирует страх в образе фабрики-молоха в одноименной повести, А. Ремизов придавал своему страху призрачные, но удивительно узнаваемые черты, генетически восходящие к фольклорно-архетипическим образам, М. Горький создал параноидальный концепт «желтого дьявола»,

⁶ Научно-психологическое описание процесса персонификации страха у А.А. Меграняна: «У больного временами состояние безотчетного, непреодолимого страха и напряженной предуготованной тревожности настолько заострялось, что ему казалось, будто страх есть какое-то существо...» (Меграняна, 1962: 10).

Ф. Сологуб – «недотыкомку» как олицетворение хтонического ужаса, прорывающегося в современность, А. Белый пропитывал страхом весь «Петербург»...

Живость и живучесть страха имели еще один деструктивный результат: страх-личность способен эффективно уничтожать глубинные основы человеческой личности, ее способность к адекватному восприятию внешнего мира. В личности, шокированной личиной созданного литературой страха начинается «отчуждение самоидентификационных признаков, известное в клинической психологии как деперсонализация» (Деструктивные психотехники, 2002: 46), страх подменяет подлинную личность, имитируя, а по сути симулируя адекватную рефлексию. Серебряный век на практике применил методичку, которую Г. Марсель позднее назовет «неподлинным человеческим существованием», «забвением» истинного измерения личности (Марсель, 1988), при этом именно страх становится генеральным фактором, вытесняющий из сознания читателя «фрагменты» подлинности.

Литература вырабатывала у читателя «рефлекс страха», то, что позднее З. Фрейд назовет «автоматическим» или «сигнальным» страхом как «сигнал ожидаемой инстинктивной напряженности» (Эммануэль, 2002: 68). Огромное количество страха, исходящее со страниц книг, культивировало испуг как один из ведущих реципиентных «фильтров» читательского сознания Серебряного века. «Блуждающий страх» (Р. Эммануэль), привычка бояться, выработанная под воздействием талантливых произведений, как общий фон формировала деструктивно ориентированное мировоззрение, искажала бытийное зрение. Особо значимое деструктивное воздействие состояло в том, что литература переводила страх на онтологический уровень, при этом соединяя метафизический формат с рационально-современным, или, по крайней мере, замаскированным под современность. М. Хайдеггер разделит позднее страх на «жуть», когда «угрожающее

имеет характер целиком и полностью незнакомого», и «ужас», имеющий «черты встречаемого» (Хайдеггер, 1997: 82). Правда, Хайдеггер увидит и «позитив» в ужасе как «бытийной возможности для эксплицитного схватывания исходной бытийной целостности присутствия» (Хайдеггер, 1997: 103), но деструктивность Серебряного века еще «не дорастет» до подобного открытия глубин «ужасного». Страх как неотъемлемая часть бытия, как явление метафизического масштаба культивируется у К. Бальмонта (тема испуга перед миром), Ф. Сологуба (страшно упасть в «грязь», из которой и состоит весь мир «мелких бесов»), Д. Мережковского (апокалипсис в «Петре и Алексее»), А. Белого, З. Гиппиус, В. Вересаева («Хозяин») и других, причем даже единичные принципиально демонстрируемые модели безстрашного поведения, как, например, у Н. Гумилева или Б. Савинкова, лишь подчеркивали проявленность стратегии, развивающей онтологический ужас как принципиальную личностную рецепцию (см. характерное высказывание Н. Гумилева: «На земле я никакого страха не боюсь, от всякого ужаса можно убежать в смерть, а вот по смерти очень испугаться страшно» (Гумилев, 1989: 49). И еще одна интертекстуальная параллель – у протопопа Аввакума есть фраза, напрямую соотносимая с высказыванием Гумилева: «Без смерти и мы не будем», определяющая смерть как защиту.

У того же М. Хайдеггера четко продолжен логический вектор онтологического страха: «Дальнейшее видоизменение страха мы знаем как... ступор» (Хайдеггер, 1997: 82). Именно к состоянию ступора по-своему ведет страх сознание – и в этом специфика стратегии вербально-художественной культуры, культивирующей страх в сознании читателя. Закрывать сознание от пугающего окружающего мира, заблокировать его страхом перед замужеством (В. Вересаев «На повороте»), перед народной ненавистью (М. Горький «Друзья»), перед ненужностью другим (А. Грин

«Наследство Пик-Мика») и перед «другими-чужими» (Л. Андреев «Мысль») ... – главная цель деструктивной стратегии запугивания. Воздействие данной стратегии вело к некрозу сознания, и страх смерти использовался художественной культурой рубежа XIX-XX вв. как эффективный механизм блокировки сознания.

Таким образом, вышеуказанные деструктивные стратегии русской литературы рубежа XIX-XX вв. необходимо рассматривать как серьезный вызов общему уровню культуры, причем рассматривать не в отдаленной ретроспективе, микшированной и мало касающейся современности, а напротив, осознавая острую актуальность и сохраняющуюся опасность обозначенных стратегий.

Литература

Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. 615 с.

Батай, Ж. Литература и зло / пер. с фр., коммент.: Н.В. Бунтман, Е.Г. Домогацкая; авт. предисл. Н.В. Бунтман. М.: Изд-во МГУ, 1994. 165 с.

Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997.

Вересаев, В.В. Живая жизнь. М.: Политиздат, 1991. 336 с.

Гумилев, Н.С. Стихи, поэмы / Сост., авт. биогр. очерка и коммент. В.К. Лукницкая; ред. и авт. предисл. В.П. Енишерлов. Тбилиси: Мерани, 1989. 493 с.

Деструктивные психотехники: Технологии изменения сознания в деструктивных культурах / Пер. с англ. под ред. И. Митрофановой. СПб.: Экслибрис, 2002. 223 с.

Из истории русской культуры. Т. 3: XVII – начало XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 832 с.

История ментальностей, историческая антропология: Зарубеж. исслед. в обзорах и реф. / РАН, ИВИ, РГГУ. М.: Б. и., 1996. 254 с.

Кондаков, И.В. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России

XX-XXI веков) // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5-44.

Крейд, В.П. Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007. 428 с.

Лихачёв, Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1986. С. 79-95.

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992. 270 с.

Лэнг, Р.Д. Расколотое «Я»: Антипсихиатрия. М.: Изд. центр «Академия»; СПб.: Белый кролик, 1995. 350 с.

Марсель, Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Проблема человека в западной философии. Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 404-419.

Меграбян, А.А. Деперсонализация. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1962. 355 с.

Мережковский, Д.С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского: том 1-24. Т. 16: В тихом омуте. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. 205 с.

Олпорт, Г. Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева; пер. с англ. Л. В. Трубицына, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 464 с.

Плотников, Н.С. От индивидуальности к идентичности (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 64-83.

Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

Смулевич, А.Б., Воробьев, В.Ю. Деперсонализация (клинико-психопатологические аспекты) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1973. Т. 73. Вып. 8. С. 83-97.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Кн. 4. Т. 7-8. М.: Голос, 1994. 758 с.

Февр, Л. Бои за историю / Пер. А.А. Бобовича. М.: Наука, 1991. 629 с.

Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. СПб.: Алетейя, 1999. 200 с.

Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Эмануэль, Р. Проблемы психоанализа. Страх. М.: Проспект, 2002. 79 с.

References

Bart, R. (1994), *Izbrannye raboty: Semiotika, poetika* [Selected works: Semiotics, poetics], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Bataille, G. (1994), *Literatura i zlo* [Literature and evil], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia (in Russ.).

Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of ancient Russian literature] (1997), Nauka, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Destruktivnie Psikhotehniki. Tekhnologii izmeneniya soznaniya v destruktivnykh kul'tah. Sbornik (2002), [Destructive psycho-technologies of change of consciousness in destructive cults. Digest], Ekslibris, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Emanuel, R. (2002), *Problemy psikhoanaliza. Strah* [Problems of psychoanalysis. Fear], Prospekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Freud, Z. (1999), *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis], Aletejya, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Gumilev, N. S. (1989), *Stihi, poemy* [Poems], Merani, Tbilisi, USSR (in Russ.).

Heidegger, M. (1997), *Bytie i vremya* [Being and Time], Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Iz istorii russkoj kul'tury. T. 3: XVII – nachalo XVIII v. [From the history of Russian culture. Vol. 3: 17 – beginning of the 18th century] (1996), Yazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Kondakov, I. V. (2008), “Beyond words: the crisis of literaturecentrism”, *Voprosy literatury* [Questions of literature], 4, 22-40 (in Russ.).

Krejd, V. P. (2007), *Georgij Ivanov* [Georgy Ivanov], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Fevr, L. (1991), *Boi za istoriyu* [The Battle for history], Moscow, Russia (in Russ.).

Laing, R. D. (1995), *Raskolotoe «YA»* [The Divided "I"], Belyj Krolik, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1986), “Zarozhdenie i razvitie zhanrov drevnerusskoj literatury” [The origin and development of genres of old Russian literature], *Issledovaniya po drevnerusskoj literaturе* [Researches on ancient Russian literature], 79-95, Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Progress: Gnozis, Moscow, Russia (in Russ.).

Marcel, G. (1988), К трагической мудрости и за ее пределы [For a tragic wisdom and its beyond], *Problemy cheloveka v zapadnoj filosofii* [The problem of man in Western philosophy], Progress, Moscow, Russia, 404-419 (in Russ.).

Megrabyan, A. A. (1962), *Depersonalizatsiya* [Depersonalization], Armyanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, Erevan, USSR (in Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (1914), *Polnoe sobranie sochinenij. T. 16.* [Complete works. Vol. 16], Moscow, Russia (in Russ.).

Olport, G. (2002), *Izbrannye trudy* [Selected works], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Plotnikov, N. S. (2008), "From individuality to identity (History of concepts of personality in Russian culture)", *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 3, 64-83 (in Russ.).

Sartre, J.-P. (2000), *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: an essay in phenomenological ontology] Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Smulevich, A. B. and Vorob'ev, V. Yu. (1973), "Depersonalization (clinical and psychopathological aspects)", *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 73, (8), 83-97 (in Russ.).

Solov'ev, S. M. (1993), *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 7.* [History of Russia

since ancient times. Vol. 7]. Golos, Moscow, Russia (in Russ.).

Veresaev, V. V. (1991), *Zhivaya zhizn'* [Living Life], Izd. Politicheskoy literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д 56а, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, 56a Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

УДК 141.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-2

Мальцев Я. В.

Субъект современности в пространстве художественного
вымысла

Тюменское музейно-просветительское объединение, ул. Советская, д. 63, Тюмень,
625000, Россия; maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования является субъект перманентной современности как самостоятельное, активное начало, лежащее в основе и за рамками культуры, девиантное по отношению к ней, но рефлексизирующее и преобразующее ее. Рассматривается и то, как такое положение субъекта, как сам субъект отражаются на страницах массовой литературы девятнадцатого века, в романах-фельетонах Э. Сю и А. Дюма, и в популярном кино века двадцатого – в фильмах «Тёмный рыцарь» (К. Нолан, 2008) и «Джокер» (Т. Филлипс, 2019). Актуальность темы обосновывается текущими спорами вокруг субъекта, который вроде бы умер, а вроде бы жив, и необходимостью нового понимания современности – не как эпохи, ограниченной временным периодом, а как *переживания* понятого особым образом субъекта. Переосмысление субъекта и современности способно оказаться выходом из того тупика, в котором оказалась философия после Освенцима и Колымы. В качестве методов исследования используются нарратология, социология литературы и авторская концепция перманентной современности как ситуации личностного проживания текущего, личной сцепки с бытием, в результате чего возникает проект культуры, а совокупность проектов образует культурную матрицу. Основной вклад статьи в теорию перманентной современности, в философию культуры заключается в выявлении общих черт между субъектом современности, т. е. человеком культуротворческим, человеком из настоящего мира, и супергероем литературного нарратива – и тот, и другой обнаруживают одинаковые функции, модели действий, социально-культурное местоположение, отношение к Закону. Прослежена связь литературного и действительного пространств, а также их взаимопересечение, взаимовлияние в лице одного актора, преобразующего оба поля и через это самого себя. В качестве вывода выносятся положения о вневременном характере субъекта перманентной современности.

Ключевые слова: современность; перманентная современность; субъективность; картезианство; субъектность; философская практика; модернити; диалог

Для цитирования: Мальцев Я.В. Субъект современности в пространстве художественного вымысла // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 16-24. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-2

Ya. V. Maltsev

The subject of modernity in the space of fiction

Tyumen Museum-Educational Organization, 63 Sovetskaya St., Tyumen, 625000, Russia;
maltsevyaroslav@gmail.com

Abstract. The subject of research is the subject of permanent modernity as an amateur, active principle that lies at the basis and beyond the framework of culture, deviant in relation to it, but reflecting and transforming it, and how such a position of the subject, as the subject itself is reflected in the pages of mass literature of the nineteenth century: feuilleton novels by E. Sue and A. Dumas, and the popular movie of the twentieth century: in the films *The Dark Knight* (C. Nolan, 2008) and *The Joker* (T. Phillips, 2019). The relevance of the topic is justified by the current debate around the subject, who seems to have died and seems to be alive, and the need for a new understanding of modernity – not as the era limited by the time period, but as the experience of a subject understood in a special way. Rethinking the subject and modernity can be the way out of the impasse in which philosophy found itself after Auschwitz and Kolyma. As research methods, we use narratology, the sociology of literature and the author’s concept of permanent modernity, as a situation of personal living current, personal connection with being, resulting in a project of culture, the totality of which forms a cultural matrix. The main contribution of the article to the theory of permanent modernity, to the theory of philosophy of culture, is to identify common features between the subject of modernity, that is, a cultural man, a person from the real world, and a superhero of a literary narrative – both of them reveal the same functions, models of actions, socio-cultural location, relation to the Law. The connection between literary and real spaces, as well as their intersection, mutual influence in the person of one actor, transforming both fields and through it himself, is traced. As a conclusion, a statement is made on the timeless nature of the subject of permanent modernity.

Keywords: modernity; permanent modernity; subjectivity; agency; Cartesianism; philosophical practice; dialogue

For citation: Maltsev Ya. V. (2020), “The subject of modernity in the space of fiction”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 16-24, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-2

1. Субъект перманентной современности как феномен культуры

Субъект перманентной современности, или Я-субъект в терминологии А.В. Павлова (Павлов, 2013), – структурная составляющая концепта «перманентная современность», некоторый Пра-Код или Код Кодов (Эко, 2006: 15-16), действительно содержащий в себе зародыш всех возможных культурных кодов и вариаций. Субъект современности подразумевает человека, овладевшего, как

сказал бы Ж.-П. Сартр, собственным зародком (Сартр, 2015: 54), т. е. взявшего на себя ответственность не только за собственную жизнь, но и за ее смысловое наполнение, за формирование себя в соответствии со своими собственными принципами и целями, а не под влиянием внешних факторов: запросов родителей, общества, государства, рынка – символического порядка Большого Другого (Ж. Лакан); и не под влиянием того, что Л. Альтюссер обозначал как ситуацию узнавания/неузнавания

(recognition/misrecognition), интерпелляцию (Althusser, 2014: 263), когда *кто-то окликает нас как кого-то* (друга, гражданина и проч.), тем самым предъявляя некоторые требования и ожидания определенной модели поведения. Субъект современности экзистенциально принадлежит сам себе, сам несет ответственность за свой целостный образ, свою историю (как ее понимал Лакан), его Я равно Я, и он не раздвоен, не перечеркнут, но собран. При этом субъект современности активно участвует в формировании культурной среды, происходящем в ситуации перманентной современности.

Перманентная современность – это ситуация вызова, возникающего в пространстве-времени перед конкретным индивидом и требующего от него разрешения, достигаемого посредством рефлексии над проблемностью *собственного бытия*. То есть в ситуации перманентной современности субъект дает не просто некий *технический* ответ на поставленный ему фактом его существования вопрос-проблему, но любой его ответ – ответ экзистенциальный, затрагивающий проблему его собственного бытия-в-мире, значимый именно для него, влияющий на его самоощущение, на его самосозидание, на его деятельность и его волю к жизни (Ф. Ницше). В результате такой ответ обретает общечеловеческое значение и становится кирпичиком культуры, вокруг которого складывается конструкция (застывая, она обретает форму цивилизации), напоминающая круги, раскручивающиеся в многомерном пространстве-времени, потому как ответ субъекта, как правило, оказывает влияние не только в ограниченном моменте его собственной жизни, но и в исторической перспективе, в ходе и на ход общественного развития.

Ответ субъекта выдергивает самого субъекта из пространства обыденности. Обыденность – это ситуация конформизма с рутинной социальной практики, предъявляющей к человеку требования для выживания; рассредоточенной микровласти, на

каждом шагу предъявляющей нам запрос «Подчиняйся!» и «Желай!», как удачно показано Дж. Карпентером в фильме «Чужие среди нас» (1988), где за каждым рекламным визуальным рядом благодаря чудо-очкам герой обнаруживает истинное содержание послания, превращающего людей в марионетки консюмеризма. Господствующим структурам цифровой эпохи мало механического подчинения, им необходимо повиновение, скрытое от самого индивида: индивид должен верить в систему подчинения, что достигается посредством манипулирования его желанием. Подобно герою романа «1984» Уинстону индивид должен искреннее верить в Старшего Брата.

В ситуации обыденности основой существования индивида оказывается выживание и прожигание времени, сосредоточенность на материальном, потоковое восприятие ценностей внешнего мира: индивид без особых размышлений принимает то, что транслируется общественным мнением, масс-медиа, фигурами авторитета (родители, начальник на работе, чиновники). В обыденности человек погружен в рутинные практики и представления, удовлетворен этим, принимает их за данность и неизменность. Обыденность консервативна. Обыденность сосредоточена на принятии и погоне за наслаждением, воспринимаемым как бегство от принятия собственного отчуждения. Александр Македонский – пример индивида в ситуации обыденности, принимающего веяния времени после Анабасиса и под воздействием особенностей собственного социального положения. Обыденность – это сосредоточенность на текущем. Обыденность – это контрэкзистенция, отказывающаяся мыслить в категориях революционности и утопий, которыми мыслит современность. Обыденность лишена творческого начала, и человек в ней оказывается подобием машины искусственного интеллекта: он встроен в определенную структуру и мыслит речевыми паттернами, принятыми в этой структуре.

Субъект «увольняется» из подобных структур, потому как состояние субъекта – это состояние «задумчивости среди общего темпа труда» (Платонов, 2007: 7), испытанное Воцевым (А. Платонов). Субъекта не устраивает данность ни своя собственная, ни социальная, он находится в состоянии становления, постоянно осуществляя операцию *cogito*. Субъект – не данность, а проекция своего собственного и социального инобытия, потому как он всегда стремится за пределы существующего. Субъект противоположен индивиду: он разрывает ткань реальности на теоретическом и практическом уровнях политического пространства. Декларация субъекта всегда нацелена на подрыв существующего во имя грядущего, потому что современность, на самом деле, не сиюминутность, но будущность. В сиюминутности субъект стремится овладеть максимально доступным знанием, чтобы обладать силой прогноза, чтобы обладать силой критики, чтобы обладать силой выдвижения новых социальных проектов. Идеи личного и социального переустройства, выдвигаемые и развиваемые субъектом современности, формируют вокруг него группу сторонников – множества, которое транслирует идеи в массы (неизбежно их адаптируя под себя) и часто реализует их практически. Субъект – чаще фигура теории, так как мысль требует остановки. Множество – фигура действия: будучи вооружено мыслью субъекта, оно ее транслирует и реализует на площади, трансформируя политическое пространство. Субъект начинает актом высказывания, множество продолжает актом декларации, таким образом воздействуя на массовое сознание. Эта цепочка – субъект (высказывание) – множество (декларация) – масса (трансформация) – удачно представлена в жизни и романах Э. Сю, а также в двух кинокартинах последних лет: «Тёмный рыцарь» (К. Нолан, 2008) и «Джокер» (Т. Филлипс, 2019).

2. Э. Сю как Я-субъект социально-политического пространства: субъективация и действие

Э. Сю (1804–1857) представляет собой пример трансформации личности в субъекта современности, и более того, в своих произведениях отражает сущность того, что есть Я-субъект. Такое сочетание – определено редкость. Сю некоторым образом написал сам себя, превратив себя в структурную единицу собственных романов, пишу для которых он добывал через собственное погружение в чуждую ему изначально среду, расширение коммуникативных связей, результатом чего и оказалось его собственное преобразование. Сю оказался продуктом своих нарративных практик.

Если понимать Я-субъекта как вершину персональной эволюционной цепочки, начинаемой стадией зеркала (Ж. Лакан) – моментом идентификации физической и психической составляющих Я, – и последовательно переходящей через стадии индивида (человек как социальная единица), личности (человек, как образованное Я, плотно включенное в социальную ткань и обладающее критическим мышлением) и субъекта (человек, находящийся по ту сторону добра и зла, т. е. участвующий в деконструкции и пересборке культуры), то эту цепочку можно удачно проследить, обратив внимание на мировоззренческую трансформацию Сю. Начав свою молодость парижским денди, унаследовавшим миллионное состояние, Сю, посетив пьесу Ф. Пиа «Два слесаря» 25 мая 1841 года, а после совершив с Пиа визит в семью рабочего, увлекается социалистическими идеями. Свет воспринимал социализм Сю как его новое увлечение. Скорее всего, первоначально так оно и было: Сю увлекся новой идеей, нащупал новую ситуацию, открыл для себя новое измерение социального; нашел иной способ заработать в условиях книжного рынка: произведения Сю позволяли каждому читателю найти там что-то свое: либо описание собственной ситуации, либо романти-

ческие сюжеты, либо удовлетворение находением в иной социальной позиции. Романы Сю вызывают к совести, давая почувствовать представителям буржуазии, что они, читатели, еще люди, способные к сопереживанию, и могут даже делать какие-то шаги на благо обществу.

С 1842 года, когда выходят «Парижские тайны», Сю еще не верит в свой социализм, хотя и получает удовольствие от своих походов по значимым местам Парижа, активно пробует перо и вызывает бурную общественную реакцию, затрагивающую все социальные слои. Своим романом Сю, с одной стороны, запускает сложный механизм идентификаций человека из мира физического с человеком из мира вымысла, что в свою очередь запускает процесс реформирования физического мира: романы Сю показывали язвы общества и демонстрировали, что благородный светский человек (Родольф) должен помогать угнетенным. Изначальная позиция Сю – позиция увлечения, интереса, легкого переживания и умеренных реформ: я вижу, что это плохо, и предлагаю некоторую правку, потому что в целом все хорошо. Но по мере погружения в тему и среду, по мере поступающих откликов и ожиданий, по мере ответа описываемого Другого меняется и позиция Сю. Он понимает, с одной стороны, справедливость социалистических взглядов и несправедливость установившегося порядка, с другой, чувствует силу своего пера и видит оказываемое им воздействие, запускаемые механизмы социальных изменений: проводимые реформы и революция 1848 года, которая становится возможной во многом именно благодаря «Парижским тайнам», давшим рабочему классу возможность осознать себя как целое и почувствовать необходимость борьбы.

Если в «Парижских тайнах» Сю только описывал «вторую нацию» (Б. Дизраэли) и видел возможность социального примирения в благотворительности, то в романах «Вечный жид» (1845) и «Тайны народа» (1850) его взгляды ста-

новятся радикальными: он глубоко рефлексировал на тему классовой борьбы (настолько глубоко, что читать «Тайны народа» как роман становится невозможным), обнаруживает изначальную трещину, конституирующую социум, и начинает писать не о примирении, а о борьбе. Прозрения «Парижских тайн» конкретизируются, а трансформация Сю завершается: его речь обретает культуuroобразующее измерение, реанимирует политическую (Ж. Рансьер) ситуацию и приводит к декларации (А. Бадью) 1848 г.

3. Сю и Дюма: общие контуры Я-субъекта в поле литературы

Однако Э. Сю не только реализовался сам как субъект своего времени (и наш настоящий универсум соткан частично нитками Сю), но в своих произведениях описал субъекта. В 1950 году в работе «Литература и национальная жизнь» А. Грамши писал, что идея сверхчеловека у Ф. Ницше своим истоком уходит в произведения А. Дюма, в частности, в его роман «Граф Монте-Кристо» (Gramsci, 1996). У. Эко обратил взгляд чуть глубже: он отмечал, что модель супермена заимствована Дюма из «Парижских тайн» (Эко, 2018: 6). Далее Эко проводит параллели между Родольфом, Атосом и Дантесом (Эко, 2018: 75, 118-120, 126-127), обнаруживая их ключевую характеристику: расположение вне закона, по ту сторону добра и зла. По наблюдениям Эко, в литературном пространстве супергерою делегировано право на неожиданную развязку некоторой драмы или несправедливости. Но развязать это некоторое, руководствуясь принятыми нормами закона, у супергероя не получается, поэтому он успешно выходит (то есть без наказания: ему удастся его избежать или же у него есть лицензия на убийство, как у Джеймса Бонда) за границы закона, где и осуществляет свое собственное правосудие, исправляя ситуацию.

Супергерой, таким образом, оказывается вне существующего символического порядка, но устанавливает свой собственный, границы которого ограничены фанта-

зией автора: либо это локальная месть Миледи, либо череда мстительных актов со стороны Монте-Кристо, либо изменение всей социальной матрицы, как в фильме «Эквилибриум» (К. Уиммер, 2002). Безусловно, субъект современности в границах социального пространства находится, по крайней мере интеллигентно, точно в таком же положении: частично или полностью он не принимает существующий порядок вещей и старается его поменять, что удается ему в той или иной степени и что требует от него тех или иных жертв. В пространстве литературного вымысла супергерой, как правило, предстает уже как данность, как некая завершенная сущность, и наделяется сверхспособностями, практически приравнивающими его к божеству. В реальной жизни субъект остается человеком (и это хорошо, потому что помогает нам избегать антиутопии), он слаб, его возможности и инструменты ограничены, но он всё равно девиантен относительно существующего порядка, так как свою задачу видит в реализации собственного проекта бытия (индивидуального и общественного). И несмотря на эту разницу, возможности по глобальному изменению общества совпадают у субъекта в пространстве литературы и у субъекта в пространстве реальности.

4. Я-субъект в регистре Воображаемого: кино как проекция субъективации и субъектности

Деятельность Сю, прошедшего всю эволюционную цепочку персональной трансформации, привела к столкновениям на улицах Парижа в 1848 г. Представьте себе эту картину так ярко, как способны ее нарисовать ваше воображение. Представьте в середине этого действия Сю. А теперь сопоставьте эту картину с кадрами фильма «Джокер», таким образом замкнув круг реальности и фантазии.

Джокер – художественный пример той эволюции, которую прошел Сю, ставший, однако, очень остро вопросом о необходимости осуществления каждым человеком практик «заботы о себе»

(epimelia heautou), которым значительное внимание в процессе субъективации уделял М. Фуко (Фуко, 2007). Эти практики оказываются сутью «философского проекта для любого человека», поскольку нацелены на самопознание в его «самых глубоких формах», реализуемое «человеком на протяжении всей жизни»: эти практики – часть философского процесса, но человек часто устраняется от него, отстраняется от философии и проводит свою жизнь, прячась «за различного рода клише, масками» (Борисов, 2019).

Два спарринг-партнера мира комиксов – Бэтмен и Джокер – это два примера правильного и ложного процесса субъективации: результатом каждого процесса оказывается появление субъекта, но один из процессов приводит к появлению гармонично развитого человека, в то время как другой создает субъекта деструктивно по отношению к себе и социуму.

Если рассматривать Джокера через призму метамодернистской культуры, наделяющей индивида такими качествами как депрессивный реализм (разочарование, пессимизм, депрессия) и изоляция (люди становятся всё более изолированными друг от друга), то герой Х. Феникса, конечно же, воплощает в себе современного индивида как нельзя лучше: психотик, находящийся в постоянном стрессе, обладающий несформированной ценностной шкалой, несформировавшийся как рациональный субъект и с детства лишенный возможности формировать собственное целостное Я через рациональные практики осмысления себя, своих целей и миссии, своих отношений с миром. Стихийность и реакционность формирования самости, отсутствие людей, которые могли бы быть ему примером и руководителями (на пути к себе, фигура Учителя), приводят Артура Флека к превращению в Джокера. Общество же, которое само является таким макрорепрезентантом, не только не помогает герою, но давит на него бессмысленностью и жестокостью собственных практики и структур, лишая поддержки и заставляя

субъективироваться в противопоставлении: в качестве асоциальной личности. В фильме мы видим, как в современном капиталистическом обществе человек изначально оказывается под давлением среды, призывающей его к должностованию, но часто лишаящей возможности сформироваться в качестве полноценного экзистенциального субъекта – человека, выстроившего каркас собственного Я через формирование нравственных принципов, которые центрируют его понимание себя и наделяют его чувством ответственности как за себя, так и за общество, в котором он вынужденно живет. В фильме Т. Филлипса можно видеть, как под воздействием провоцирующих факторов среды Флек, как индивид, превращается в Джокера, в какой-то момент создав собственную ценностную шкалу и выведя себя за пределы символического порядка, продекларировав данный разрыв публичным актом высказывания, обеспечивающим ему множество. Джокер в результате становится иконой контркультуры в ее самом радикальном выражении – хаосе.

Пытаясь понять Джокера, зритель сталкивается с интересным антагонизмом между Бэтменом и Джокером, продемонстрированным в картине «Тёмный рыцарь», где Джокер (как и Двуликий) оказывается (-ются) второй стороной Бэтмена, его возможным альтер-эго. Дело в том, что Джокер действует не только из-за скуки, на что он ссылается в одном из своих монологов, а по причине пережитой в прошлом травмы, которая не показана в фильме 2008 года, но мы получаем представление о ней в фильме 2019 г. Интересно, что и Бэтмен, и Джокер, и Двуликий по-разному отреагировали на травмирующее событие своего прошлого. Джокер и Двуликий решили, что мир виноват перед ними и этому миру надо мстить, уничтожая его, издеваясь над ним, проверяя всех на стойкость и гнусность. Они решили, что раз мир несовершенен, раз он случаен, то нечего и пытаться создавать на

Земле рай – лучше просто наслаждаться вседозволенностью. Можно сказать, что их принципом стало: если мир построен на случае, то всё дозволено, можно развлекаться. Борьба с несовершенством через уничтожение всего.

Бэтмен, напротив, пытается заглянуть свою детскую травму (убийство родителей на его глазах, когда он был ребенком), свою «вину» перед родителями, посредством борьбы с преступностью и несправедливостью. То плохое, что произошло когда-то с ним, та трагедия потери близких, больше никогда не должна произойти ни с кем: никто не должен умирать и терять родных. Для Бэтмена человеческая жизнь становится абсолютной ценностью, и он считает себя обязанным сделать всё, чтобы ее спасти и улучшить. Де факто Бэтмен дает гуманистический ответ на тот же вопрос: что делать если нет Бога – если Бога нет, если мы предоставлены сами себе, то мы должны заботиться о себе сами, сами создавать рай в социуме, а человеческая жизнь является единственной ценностью, ибо у нее нет продолжения, ибо у человека есть только сейчас.

Если Джокер – пример негативной субъективации, то Бэтмен – пример субъективации позитивной, связанной как с удачными стартовыми условиями – наличием благополучной семьи в детстве, – так и с появлением фигуры Учителя (Ра'с аль Гула) в зрелом возрасте. Однако оба персонажа реализуют главную черту супергероя-субъекта: оказываются за пределами принятых юридических норм, действуя исходя из собственных представлений о границах добра и зла, пределов собственных полномочий, и своими действиями оказывают влияние на символический порядок, так или иначе его трансформируя.

5. Заключение

В результате видно, что субъект современности, человек культуротворческий, имеет одинаковые функции как на страницах романов или сценариев, так и в реальной жизни. По существу, разница

оказывается лишь в методах действия: если на страницах романа или сценария субъект действует, опираясь на силу мускулов (даже если они только сжимают кинжал или подсыпают яд), то в реальности основное орудие субъекта – перо и слово. Субъект современности всегда часть художественного вымысла, поскольку конструирует самого себя в границах текстов и посредством текстов: мы видим это, когда Дантес в минуту сомнения читает записки аббата Фариа; можем наблюдать процесс преобразования Джокера, в определенный момент решившего шагнуть из реальности, как она есть, в реальность, какой он, именно он, собирается ее воспринимать, в какой он собирается играть определенную роль, с каковой Артур Флек наконец определился; перед нами трансформация Э. Сю из денди в социалиста, осуществляемая им благодаря письму: описывая социальные проблемы для развлечения, он постепенно понимает их серьезность, а своей деятельностью вызывает социальные изменения. В Сю перед нами сращивание субъекта двух пространств – субъекта, который существует в реальности, и субъекта, существующего в тексте. Оба субъекта находятся внутри и вне символического порядка, активно на него воздействуя. Это важнейшая структуралистская черта субъекта, показывающая вневременной характер и субъекта, и самой современности, потому что образ субъекта, находящегося вне символического поля и воздействующего на его формирование, учреждающего самого себя и действующего сообразно собственному пониманию добра и зла, возник задолго до Ницше, Дюма, Сю или Декарта, и мы имеем множество имен субъекта под общим означаемым Бог. Бог умер, уступив место сверхчеловеку, но и сверхчеловек, и Бог – всего лишь художественно-философские выражения Я-субъекта, являющегося ключевой единицей любого времени и любой культуры.

Литература

- Борисов, С.В. Философия как проект самопознания: основные характеристики // Мировоззренческие основания культуры современной России. Магнитогорск, 2019. С. 38-45.
- Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5-14.
- Платонов, А. Котлован. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 473 с.
- Сартр, Ж.-П. Дороги свободы. М.: Издательство АСТ, 2015. 976 с.
- Сю, Э. Парижские тайны. Знаменитый авантюрный роман в одном томе. М.: Эксмо, 2012. 1440 с.
- Сю, Э. Тайны народа. М.: «Мир книги», 2011. 224 с.
- Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
- Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: «Симпозиум», 2006. 544 с.
- Эко, У. Superman для масс. Риторика и идеология народного романа. М.: Слово/Slovo, 2018. 248 с.
- Althusser, L. On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses. VERSO. 2014. 288 p.
- Gramsci, A. Letteratura e vita nazionale. Roma: Editoriuniti, 1996. XXI, 487 p.

References

- Althusser, L. (2014), *On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses*, VERSO, London, UK.
- Borisov, S.V. (2019), "Philosophy as a project of self-knowledge: basic characteristics", *Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury sovremennoj Rossii* [Worldviews of the culture of modern Russia], Magnitogorsk, Russia (in Russ.).
- Eco, U. (2006), *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju* [The Missing Structure: Semiotic Research], Simpozium, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).
- Eco, U. (2018), *Superman dlja mass. Ritorika i ideologija narodnogo romana* [Superman for the masses. Rhetoric and ideology of a folk novel], Slovo/Slovo, Moscow, Russia (in Russ.).
- Fuko, M. (2007), *Germevntikasub#ekta: kurslekcij, prohitannyh v Kollezh de Frans v 1981—1982 uchebnomgodu* [The Hermeneutics of

the Subject], Nauka, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Gramsci, A. (1996), *Letteratura e vita nazionale* [Literature and national life], Editoririuniti, Roma, Italy (in Ital.).

Pavlov, A.V. (2013), "Notes on modernity and subjectivity. Modern criteria", *SOCIUM and POWER*, 4, 5-13 (in Russ.).

Platonov, A. (2007), *Kotlovan* [The Foundation Pit], AST, AST MOSKVA, HRANITEL, Moscow, Russia (in Russ.).

Sartre, Zh.-P. (2015), *Dorogi svobody* [The Roads to Freedom], Translated by Valyano, D., Grigoryan, L., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Sue, E. (2012), *Parizhskie tajny. Znamenitjy avantjurnyj roman v odnom tome* [The Mysteries of Paris], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Sue, E. (2011), *Tajny naroda* [The Mysteries of the People], Mir knigi, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Мальцев Ярослав Владимирович, кандидат философских наук, методист, Тюменское музейно-просветительское объединение, ул. Советская, д. 63, Тюмень, 625055, Россия; maltsevyaroslav@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Yaroslav V. Maltsev, Candidate of Philosophy, Methodist, Tyumen Museum-Educational Organization, 63 Sovetskaya St., Tyumen, 625000, Russia; maltsevyaroslav@gmail.com

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-3

Даренский В. Ю. | Диалогическая структура европейской культурной традиции¹

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2,
г. Луганск, 91011, Луганская Народная Республика; darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется диалогическая структура европейской культурной традиции. Показано, что самосознание европейской цивилизации традиционно тяготеет к монологизму, что обусловлено ее активно-колонизаторским отношением к остальному миру. Однако в современных условиях взаимная открытость разных цивилизационных регионов мира нуждается в актуализации диалогического потенциала Европы для реализации ее важнейшей культурной миссии – несения христианских ценностей в глобализированный мир. Изначально европейская культура отличается сущностным внутренним диалогизмом, обусловленным ее «генотипом», в котором «пересекаются» библейский и античный компоненты, а также индивидуализм Нового времени. Современной доминантой становится необходимость диалога разных содержательных уровней этой традиции с целью воспроизведения общего «генотипа» (традиционалистского и индивидуалистического). Внутренняя рефлексивность и универсализм как сущностные характеристики европейской культуры позволяют ей выполнять роль посредника в глобальном диалоге цивилизаций современного мира, но в настоящее время происходит обратный процесс – глобализация как унификация.

Ключевые слова: Европа; диалог; традиция; религия; глобализация; сложность.

Для цитирования: Даренский В.Ю. Диалогическая структура европейской культурной традиции // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 25-36. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-3

V. Yu. Darensky | Dialogic structure of the European cultural tradition

Lugansk Taras Shevchenko National University, 2 Oboronnaya St., Lugansk, 91011,
Lugansk People's Republic; darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. The article explores the dialogic structure of the European cultural tradition. It is shown that the self-consciousness of European civilization traditionally tends to monologue, which is due to its actively colonizing attitude to the rest of the world. However, in modern conditions, the mutual openness of different civilizational regions of the world needs to actualize the dialogical potential of Europe in order to realize its most important cultural mission – bringing Christian values to the glob-

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа» (Белгород, 21-22 октября 2019 г.). Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00403.

alized world. Initially, European culture is characterized by an essential internal dialogism, due to its “genotype”, which “intersect” the biblical and ancient components, as well as the individualism of Modern times. The modern dominant is the need for a dialogue of different content levels of this tradition in order to reproduce a common “genotype” (traditionalist and individualist). Internal reflexivity and universalism as essential characteristics of European culture allow it to act as a mediator in the global dialogue of civilizations of the modern world, but now the opposite process is happening-globalization as unification.

Keywords: Europe; dialogue; tradition; religion; globalization; complexity

For citation: Darensky V. Yu. (2020), “Dialogic structure of the European cultural tradition”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 25-36, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-3

Европа всюду, где... возникает принципиально открытая, сознательно спорящая внутри себя, актуально не совпадающая с собой культура.

Л.М. Баткин (Баткин, 1991: 288).

Исследование сущностной специфики европейской цивилизации является одной из самых интересных и принципиальных тем современной философско-культурологической рефлексии. Большую актуальность сейчас приобретают попытки оригинальной интерпретации специфики европейского культурно-исторического опыта и того цивилизационного типа, который его выражает. Обращение к этой проблематике обусловлено также и спецификой русской культуры, поскольку специфическое «пограничное» расположение России между разными культурными «мирами» сложилось объективно-исторически, и оно побуждает к формированию своего плодотворного взгляда на Европу в целом с точки зрения ее внутреннего разнообразия и диалогичности.

Важность такого подхода обусловлена, прежде всего, двумя факторами. Во-первых, только исходя из сущностной диалогичности европейской культурной традиции и созданной ею цивилизации является возможным утверждение в ее рамках особых и глубоко оригинальных национальных культур. Во-вторых, выявление такой диалогичности имеет и самостоятельную теоретическую ценность, поскольку культурологическим

концепциям Европы всегда в той или иной степени был присущ определенный монологизм, который состоял в противопоставлении «европейского» и «неевропейского» культурных миров, абстрагируясь от их органической связи между собой, элементов общности и разностороннего взаимодействия (Нойман, 2004). Актуальным предметом анализа предстает именно это измерение «европейскости». Как справедливо отметил Эдгар Морен в книге «Мысли о Европе» (1987), «важная черта европейской культуры есть встреча, диалог между верой и разумом, религией и секулярным миром, духовной и светской жизнью. Именно в диалоге культур сформировалась Европа, и этот диалог объединяет разнообразные наследия: греческие мнения, римское право, иудаизм, различные христианские традиции... ислам, Возрождение, Реформацию, Просвещение и Французскую революцию, научную мысль, гуманизм» (Morin, 1987: 46). Еще более радикально мыслит внутреннюю диалогичность европейской культурной традиции Ж. Лакруа, делая следующее историософское обобщение: «Наша культура является диалектической, потому что в результате постоянного сопоставления идей она все время стремится

к самопреодолению. Поэтому правильно было бы определять европейскую цивилизацию, то есть цивилизацию Европы без границ, Европы без берегов, как цивилизацию «диалога» (Лакруа, 2004: 520).

В.С. Библиер и А.В. Ахутин в статье «Новой философской энциклопедии» сформулировали особую внутреннюю логику самого понятия «диалог». По их определению, диалог культур «предполагает выход за пределы любой данной культуры к ее началу, возможности, возникновению, к ее небытию. Это... беседа разных культур в сомнении относительно собственных возможностей мыслить и быть. <...> В споре начала одной логики (возможной) культуры с началом другой логики бесконечно разворачивается и преобразуется неисчерпаемый смысл каждой культуры»; диалог предполагает «амбивалентность данной культуры, ее несовпадение с собой, сомнительность (возможность) для самой себя. Логика диалога культур есть логика сомнения» (Ахутин, Библиер, 2001: 660). В этом нетривиальном определении диалога сделан акцент не на диалоге самодостаточных культур, а на внутреннем диалоге каждой из них с самой собой, что является следствием их внутренней сложности и источником их развития. *В каждой культуре есть внутренние компоненты ее «генотипа», борющиеся между собой и благодаря этому создающие пространство производства новых смыслов.* Можно согласиться с такой формулировкой общей закономерности бытия культуры в ее истории: «культура не может существовать и осуществлять себя только за счет одной идеи, пусть даже очень широкой. Принцип неполноты, открытый Гёделем, компенсировался принципом неопределенности, сформулированным В. Гейзенбергом... и принципом дополненности Н. Бора... Шире: неполнота нашего знания о мире должна компенсироваться стереоскопичностью языков описания» (Руднев, 1993: 22). Данный принцип и создает «генотип» культуры как

комплексный набор ее внутренних «языков».

Акцентирование понимания диалога культур как процесса, производного от их самотрансформации и от их устремленности к самопреодолению, встречается и у ряда западных авторов. Например, по определению М. Ребока, «Культуры делают ставку на что-то высшее по отношению к самой жизни. На основе их сети связей и их творческой воли, они сохраняются в результате переоценки (transvaluation) их проектов... отношения между ними складываются согласно парадигме перевода, поэтому межкультурный диалог может иметь место, поскольку ставки превращаются в обязательства... с целью обеспечения свободы и движущих творческих ресурсов культуры. На самом деле, все виды централизации должны быть сняты: индивидуального эгоцентризма, а также коллективного этноцентризма, логоцентризма, европоцентризма, чтобы разорвать круг, в котором универсальность находится в особенном, а особенное в универсальности» (Rebok, 1998: 33). Именно с такой точки зрения – внутренней сложности европейского культурного «генотипа» – должен быть понят тот часто декларируемый «универсализм» европейской культурной традиции, который утрачивается тогда, когда вся эта сложность сводится к какому-либо одному признаку путем забвения других. Целью данной статьи является анализ диалога внутренних компонентов европейской культурной традиции.

Как известно, первым в истории концептом, с помощью которого предки современных европейцев отличали себя от остального мира, было противопоставление себя «варварам», что было присуще древним грекам. Позже оно было принято римлянами имперского периода, а затем и европейцами Средневековья, в хрониках которых термин «варвары» употреблялся не только применительно к нехристианским народам, но даже в отношении собственных «учителей», от которых они по-

лучили большинство достижений античной цивилизации, – византийцев, а также к православной Руси. Характерно, что очень часто народы, к которым европейцы применяли термин «варвары», совсем не уступали последним в уровне развития цивилизации, а следовательно, этот унизи-тельный термин мог применяться и по ка-ким-то другим причинам и соображени-ям – в первую очередь, с целью их идеоло-гического подавления.

Второй принципиальный концепт, с помощью которого Европа отличала себя от других цивилизаций, было понятие Христианского Мира (Pax Christiana), к которому относили себя европейцы в отличие от «варваров» (хотя среди по-следних также могли быть христиане). Этот второй концепт, в отличие от перво-го, имел фундаментальное онтологическое измерение, поскольку был связан с принципиальной обращенностью к во-просу об Истине. Христианский мир, по этой концепции, – это мир, который несет в себе Истину бытия, то есть веру в Хри-ста – Спасителя мира; а значит, Европа в качестве Христианского мира является «Светом миру» и онтологически превосхо-дит все другие цивилизации. Это открыва-ло своеобразный «карт-бланш» на покорение всего остального мира с целью его об-ращения в истинную веру, которое пони-малось как основное историческое предна-значение Христианского мира и главный нравственный императив его историческо-го существования.

Однако почти с самого начала этот императив вырождается в способ идеоло-гического прикрытия экспансионизма с сугубо меркантильными целями. Впер-вые это ярко оказалось в эпоху Крестовых походов и особенно в коварном захвате и варварском разграблении западными «крестоносцами» фактической в то время столицы христианского мира – Константи-нополя, по сравнению с которым тогдаш-няя Западная Европа еще оставалась вар-варской провинцией. После этого уже не было чем-то странным почти полное ис-

требление населения Северной и Южной Америк и вообще жестокая колонизация неевропейского мира (в том числе и долговременное преобразование в соб-ственную колонию большей части восточ-ной, православной части самой Европы). Понятно, что всё это не было выражением христианского мировоззрения, а наоборот, было его искажением. Впрочем, с XVIII века идеология экспансии Запад-ной Европы по миру приобретает уже бо-лее адекватную идеологическую окраску.

Этим новым концептом, который оправдывал экспансию, стал концепт «ци-вильзованного мира», который, в свою очередь, опирался на теорию прогресса цивилизации, при помощи которой Запад-ная Европа (а позже и Северная Америка) обосновывали свое «право» на захват, ограбление и геноцид целых стран и континентов, которым «не повезло» стать «прогрессивными». Правда, здесь также имела место подмена понятий, как и в предыдущем случае. Ведь прогресс всегда толковался его теоретиками именно как прогресс гуманности, а следовательно, указанная практика никак не вписывалась в «прогресс цивилизации». Этим опреде-лялся определенный трагизм «бремени бе-лого человека» (Р. Киплинг), которое он взял на себя, героически колонизируя мир: считая себя носителем более прогрессив-ного типа цивилизации, он нес в первую очередь страдания местному населению.

Наконец, последняя концептуальная система, которая лежит в основе противо-поставления западной цивилизации (Евро-пы в широком, не в географическом, а в цивилизационном смысле слова) остальному миру вплоть до нашего време-ни, идеология, впервые сформулированная в эпоху Великой Французской Революци-ей, – это идеология эгалитаризма, то есть равенства всех людей в социальном, поли-тическом, религиозном, гендерном и других отношениях. И так же, как и ее предшественники, эта идеология (ее но-вейшими спецификациями являются идео-логии демократии, глобализации, «инфор-

мационного общества» и постмодерна) выполняет роль «легитимации» колониционных практик по отношению к неевропейскому миру, где в той или иной степени сохраняются неэгалитарные структуры традиционного общества.

Все названные концепты и соответствующие идеологии отличались ярко выраженным монологизмом по отношению к неевропейскому миру, который фактически рассматривался в рамках этих идеологий как сырой и пассивный «человеческий материал», с которым можно было делать всё, что угодно (пределным примером такого мышления было отношение к ним марксистской идеологии как самого радикального проекта «европеизации» покоренных народов). А. Глюксман в параграфе под красноречивым названием «Анти-Европа родилась в Европе» писал о европейцах: «они лишают корней, подавляют обычаи, традиции и структуры колонизированных обществ. Под цветом эмансипации Европа везде утверждает еще больший хаос, сущностью которого она оказалась» (Глюксман, 1994: 74). Это, в свою очередь, вызывало и вызывает соответствующую реакцию не-европейцев на такое отношение к ним, которое чревато социальными катаклизмами в мировом масштабе, которые известный украинский социолог Е. Головаха определяет как «глобальную антисловную революцию», имея в виду, что неевропейский «третий мир», в котором проживает четыре пятых населения Земли, сейчас оказался в положении угнетенного «сословия» (Головаха, 2002: 3). Тем самым, актуализация диалогического потенциала европейской культурной традиции приобретает не только теоретический, но и острый практический смысл – возвращение способности европейской цивилизации к равноправному взаимодействию с другими хотя бы ради самосохранения. Впрочем, понятно, что способность к диалогу с неевропейским миром не является какой-то самоцелью (к тому же в наше время она в определенной мере уже культивируется

с помощью идеологии «мультикультурализма»). Главной же целью актуализации этого потенциала является реализация в современных условиях первоначальной и самой важной миссии Европы как типа цивилизации – несения евангельской вести и света Христова в глобализированный мир. Несмотря на все искажения и «псевдоморфозы» (О. Шпенглер) этой миссии в прошлом, несмотря на катастрофическую потерю самими европейцами способности к жизни в соответствии с христианскими ценностями, – всё равно именно эта миссия вплоть до настоящего времени остается главным смыслом исторического бытия европейской цивилизации.

В основе такой актуализации, в свою очередь, должна лежать актуализация диалога внутренних элементов европейского культурного «генотипа», который является достаточно сложным и неоднозначным. Основными внутренними составляющими этого «генотипа» традиционно определяются античная культура и христианство, которые, взаимодействуя между собой, образовали все специфические формы европейской культуры – от культуры личности до экспериментальной науки и правового государства. По известному выражению Э. Левинаса, «Европа – это Библия и греки» (Левинас, 1999: V).

В массиве литературы по этой проблематике четко прослеживаются две тенденции, одна из которых акцентирует первую из этих составляющих, а другая – вторую. Среди последних наиболее интересных концепций происхождения Европы как типа культуры и цивилизации именно из «греческого чуда», то есть из античности, следует отметить работы Ж.-П. Вернана и Ф. Кессиди, которые акцентировали модель «агоры» и свободного полисного индивида как своеобразную «генетическую модель» будущей Европы (Вернан, 1988; Кессиди, 1998). М.К. Петров обосновал генетическую концепцию европейской цивилизации, согласно которой она является результатом от-

крытия древними греками универсально-понятийного кода культуры (Петров, 2004: 173-199). В этом же контексте не потеряла актуальности и концепция Э. Гуссерля. По его мнению, «историческое движение, которое приняло стилистическую форму европейской общности, было ориентировано на нормативный образ, который лежит в бесконечности, но, впрочем, не такой, который можно было бы вывести путем чисто внешнего морфологического наблюдения структурных изменений [здесь очевидна полемика с методологией О. Шпенглера. – В.Д.] <...> Создав первую концепцию идеи, человек становится существенно иным. Его духовное бытие вступает на путь постоянного обновления... новый путь свободной критики, ориентированный на бесконечные задачи, владеет человечеством, творит новые, бесконечные идеалы!» (Гуссерль, 2004: 248). Названные концепции, особенно Гуссерлевская, акцентируя греческий и вообще античный генетический «корень» Европы, позволяют понять и то, почему именно эта историческая «почва» античной цивилизации оказалась наиболее благоприятной для принятия откровения Нового Завета. Действительно, *именно идея как нормативная форма мышления, которая ориентирована на бесконечное обновление и универсализм, была наиболее адекватной формой для рецепции сущности христианского учения* (в отличие, например, от мифопоэтического мышления или статичных, замкнутых в себе восточных мировоззренческих систем).

С другой стороны, сейчас активно ведутся исследования и христианско-библейского происхождения Европы как цивилизационной общности, которые имеют глубокие исторические корни в концепции Европы как *Rex Christiana*. Среди новейших всемирно известных исследователей в рамках этой парадигмы следует в первую очередь назвать академика С.С. Аверинцева (Аверинцев, 2006) Хотя аутентичная христианская культурная традиция в современной Европе фак-

тически сейчас маргинализована, однако, даже и в таком состоянии без учета особенностей библейского типа мышления нельзя объяснить возникновение европейской цивилизации Нового времени, в частности, таких ее компонентов, как идея самоценной личности и экспериментальная наука. Первый из них происходит не от модели «агоры», которая ограничивалась лишь социальной эмансипацией индивида, а от библейской модели человека как образа Божия и понимания Бога как абсолютной Личности. Экспериментальная наука, как это хорошо было показано еще О. Шпенглером, а также и современными исследователями (П.П. Гайденко и др.) не могла бы возникнуть без разрушения античной созерцательной модели космоса как живого тела и акцентуации библейской концепции человека как хозяина («экспериментатора») над всей «тварью» (материальным миром). Даже сама историчность и инновационность европейской цивилизации не могли бы возникнуть только лишь на основе античного мира с его циклическими представлениями об историческом времени – эти особенности также происходят из библейской «модели» исторического времени как необратимого постепенного движения с заданной целью. Тем самым, совершенно независимо от того, какое место занимает христианство в современной Европе, его роль в формировании европейского культурного «генотипа» если не превосходит роль античности, то по крайней мере, не уступает последней и до настоящего времени.

В свою очередь, наличие двух разнородных и разнокачественных составляющих, участвовавших в зарождении европейского цивилизационного типа и формировании его парадигмальной модели, означает принципиальную заданность ее внутреннего диалогизма. Этот диалогизм может приобретать различные культурные формы, однако не может исчезнуть как таковой, поскольку в таком случае исчез бы и сам европейский тип цивилизации. Среди этих форм следует

в первую очередь определить следующие: 1) доминирование библейских составляющих культурного «генотипа» и использование его античных составляющих в «инструментальной» функции; 2) доминирование античных составляющих и как следствие – прогрессирующая секуляризация всех сфер жизни; 3) напряженное конкурентное взаимодействие двух составляющих; 4) отказ от любого взаимодействия с утверждением их принципиальной несовместимости. Очевидно, что идеальной диалогической ситуацией является третья, но она в чистом виде бывает достаточно редко. Впрочем, и три другие также несут в себе элементы диалога, хотя в них часто преобладает монологизм. В свою очередь, этот монологизм уже вторичен, поскольку соотнесение с противоположными составляющими «генотипа» сохраняется в каждой из тенденций европейской цивилизации – и в секулярной, и в традиционалистской. Распространенная ныне концепция «двух Европ» – Европы христианской традиции и Европы секулярного модерна и постмодерна – явно абстрагируется от этого внутреннего диалогического соотнесения их между собой, что явно некорректно. Четвертая ситуация и является именно таким радикальным абстрагированием. Другой яркий и наиболее философский пример разрыва можно видеть в книге Л. Шестова «Афины и Иерусалим». Но весьма примечательно, что сам Л. Шестов, радикально отрицая ценность античного типа мышления для принципиальных онтологических и экзистенциальных вопросов, признавался, что любит читать своих радикальных оппонентов, в частности, Э. Гуссерля. Это означает, что фактически интенсивный диалог имел место даже в этом случае.

Признавая решающее значение двух названных составляющих – христианства и античности – для формирования культурного «генотипа» Европы, вместе с тем хотелось указать на ошибочность игнорирования третьего фактора – народной, «варварской» культуры этносов, из которых

складывались европейские нации, и которая затем стала решающим фактором внутреннего культурного многообразия Европы. Этот «варварский» фактор в становлении европейской цивилизации глубоко понимал А. Дж. Тойнби в рамках своей теории «вызова-и-ответа». Однако в его концепции «варвары» были лишь внешним «вызовом» Европе, преодолев который путем их аккультурации, она стала иной, чем была до того (Тойнби, 2010: 153). Важным является именно последний момент, поскольку перенос христианской и античной традиции на новую, «свежую» этническую «почву» (к тому же весьма разнообразную) и был главным импульсом для дальнейшей эволюции Европы. Это «свежее» сознание «варваров», активно усваивая уже готовые формы утонченной и сложной культуры, не столько примитивизировало ее (это имело место только на ранних этапах), сколько переосмысливало ее по-новому, вдыхало новую жизнь, обогащали новым опытом. Уже в XII-XIII веках фактически заканчивается период ученичества, и новая христианская Европа начинает творить свои оригинальные формы жизни, мышления, художественного творчества и т. д., не известные ни Европе античной, ни восточным традициям. Стоит отметить также, что апеллирование к «туземным» ментальным и культурным стереотипам, идущим еще от дохристианских времен, стало очень характерным для процессов «создания наций», которые происходили в XIX-XX веках. Тем самым, этот фактор до сих пор не исчез полностью и оказался весьма актуальным.

Однако это направление цивилизационных трансформаций, заданное доминантой индивидуализма, оказалось кризисным и глубоко противоречивым по своей сути. Как это ни парадоксально, но принцип индивидуализма, в конечном счете, обернулся дегуманизацией всех сфер жизни. Этот парадокс обусловлен той сущностной диалектикой развития культуры в Новое время, о которой писал Р. Гвардини: «Человек получает простор для движения, но стано-

вится бездомным... Новое время пытается вытащить человека из центра бытия. В эту эпоху человек не ходит больше под взглядом Бога, Который обнимает мир со всех сторон; человек теперь автономен, волен делать, что хочет и идти, куда вздумается, – но и венцом творения он уже не является, став лишь одной из частей мироздания. Новое время, с одной стороны, возвышает человека – за счет Бога, против Бога; а с другой стороны, с геростратовской радостью, оно делает его частью природы, которая по большому счету не отличается от животного и растения. Обе стороны взаимосвязаны и неотъемлемы от общего изменения картины мира... С неведомой силой просыпаются первобытные аффекты: страх, насилие, восстание против порядка» (Гвардини, 1998: 548).

В XX веке разрушение основ христианской цивилизации стало уже необратимым, и в ней стали господствовать антихристианские устремления. Как афористически выразился Ж. Эллюль в 1960-е годы, «Запада (L'Occident) больше не существует. Победила логика структур, игра механических сил, диктат систем» (Ellul, 1965: 95). В результате этого, как писал В. Краус, «разочарование и горькая неприязнь к истории, к прошлым иллюзиям и современной реальности, которые обещают не больше, чем на самом деле могут дать, становится причиной того нигилизма, который овладевает нами всё больше. Нигилизм – это обратная сторона надежд на земной рай, и этой обратной стороны мы уже достигли. Стремление человека сравнивать себя с Богом разрушает в нем ощущение возможного» (Краус, 1994: 108). Именно этот дух господствует в современной глобальной политике и ее культурных притязаниях. Генри Киссинджер в лекции, прочитанной 12 октября 1999 г. в Тринити колледже (Дублин, Ирландия), признался: «то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» (Макбрайд, 2003: 80).

Тем самым, глобальная диктатура США в культурологическом смысле является прямым действием западного нигилизма, поскольку он не признает никаких иных субъектов истории, кроме самого себя.

Новейшим вариантом внутреннего диалогизма европейской культурной общности является диалог современного индивидуализма и «потребительского общества» как его цивилизационной формы с христианской традицией и соответствующим ей типом жизни. Последние стали маргинальными в общей картине современной Европы, но остаются единственным путем преодоления новейшего смыслового и общекультурного кризиса. Поскольку именно в восточной, православной Европе и в России развитие «потребительского общества» является принципиально ограниченным, то именно она уже начала олицетворять диалогическую альтернативу деструктивным тенденциям.

В этом контексте важно отметить, что в свое время именно христианская культурная традиция спасла наших предков от исчезновения в историческое небытие. На этот очень важный историософский аспект нашего наследия в свое время обратил внимание П. Кулиш. Речь идет о временах после татарского нашествия. «Начало христианства, – писал П. Кулиш, – de facto было положено на Руси не тогда, как торговцы-греки во времена Олега и Игоря склоняли некоторых киевлян в свою веру, – не тогда, когда церкви строились за княжеский счет, а княжеские священники с вооруженными дружинами разгоняли в рощах древние славянские культы; нет, оно было положено тогда, когда люди остались на произвол судьбы на опустошенных варяжских городищах и селениях, а монахи со священниками должны были обратиться к ним поапостольски с поучением. Киев снова стал рассадником Христовой веры, только уже без принуждения» (Кулиш, 2007: 303). Очевидно, что современная ситуация во многом аналогична той, и оздоровление и даже само физическое выживание со-

временного европейского и российского социума (преодоление острого нравственного и демографического кризиса) ныне возможно только на основе возрождения христианских ценностей и соответствующего им образа жизни.

Внутренне диалогическая и одновременно универалистская природа европейской культурной традиции (а эти ее сущностные признаки являются взаимообусловленными) определяла ее привлекательность для целых народов и отдельных личностей. Приобщение к этой культурной традиции требовало отнюдь не «унификации» собственных культурных признаков по какому-то заранее заданному образцу, но, наоборот, требовало максимального проявления собственной оригинальности. В.С. Горский предложил очень четкое и емкое определение этой парадоксальной природы «европейскости» в ее культурном измерении: «Европа – это не богатство и сила, это не аккуратность и пунктуальность тому подобное. Европа прежде всего – дух постоянного поиска. Европейец – это тот, кто всегда находится в сомнении, это индивид, изначально настроенный на дискуссию... в постоянном процессе поиска желаемого»; и поэтому настоящий «путь в Европу – в возрождении центра в себе. Утверждать европейскость собственной культуры следует не путем бегства от себя “в Европу”, а впитывая Европу в себе, развивая собственную идентичность через диалог с другими европейскими (и не только европейскими) культурами. В этом утверждении многообразия, культурного плюрализма» (Горский, 2006: 231).

Тем самым, «европейский» в культурологическом смысле всегда означает – индивидуальный, неповторимый, локальный. «Локальный – отмечает Е.К. Быстрицкий, – сегодня прежде всего должен означать экзистенциально-особый. Так, например, универсальная – мировая – религия приобретает для определенного жизненного мира экзистенциальный смысл сохранения "своей собственной веры" <...>

Именно поэтому имеет смысл понимать «локальность» конфликта глубже – как конфликт культурных миров жизни, всегда особенных, даже уникальных, способов бытия или как конфликт онтологий разных культур. <...> Человек культуры теряет смысл жизни вместе с возможной гибелью собственного жизненного мира» (Быстрицкий, 1997: 152). Исходя из этого, Е.К. Быстрицкий актуализировал понятие *подлинности* как общий критерий ценности и самореализации индивида в культуре: «понятие подлинности указывает на “этого” индивида, который требует признания своей особенности не только у себя и для себя, но и ради признания того, относительно чего он желает иметь аутентичность коллективную (этническую, национальную и т. п) идентичности собственного культурного мира. То есть понятие аутентичности указывает на изначально присущую ей (подлинности) общественно-коллективную структуру: аутентичность изначально общественна, она является множественным бытием» (Быстрицкий, 2005: 50). С другой стороны, такая онтология «локальности» не означает закрытость культур, но как раз наоборот, обеспечивает реальную возможность достижения совершенства человеческого бытия в любой из них. Как пишет Е.К. Быстрицкий, «есть нечто такое, благодаря чему, основываясь на собственной культурной традиции, каждый из нас может претендовать на сверхиндивидуальное совершенство, то есть на способность трансцендировать пределы своей субъективности... Вообще речь идет о том, способна ли локальная, то есть (этно)национальная культура, определенная человеческая общность порождать универсально-человеческие ценности и значения, в том числе воспитывать своих представителей – людей культуры – как Человека... В терминологии Декарта речь идет о поисках совершенного бытия в пределах самой локальной культуры» (Быстрицкий, 1996: 95).

«Стереоскопичность» любой локальной традиции, которая хранит в себе (в большей или меньшей степени) своеобразный «микрокосм» культуры как таковой, и является тем «ключом» ко всей проблеме «диалога культур». Универсалии культуры всегда локально конкретизированы и предметно воплощены. Для того чтобы усвоить их в большей степени, чем они даны в какой-нибудь из локальных культур, нужно сначала усвоить их именно в этой локальной форме как родной и единственно возможной. И только после этого можно положительно преодолеть ее ограниченность – но не путем отторжения, а путем ее обогащения. Если же с самого начала занять позицию игрового безразличия по отношению ко всем локальным культурам как таковым – то это и означает с самого начала отрезать себе путь к постижению универсального, поскольку оно всегда конкретное. *Априорная невозможность восприятия универсальности культуры вне и помимо ее локальной, ограниченной, но «родной» для нас формы онтологически задана, однако требует своего осознания на уровне моральной рефлексии в виде выработки императива смиренной любви к своей культурной Родине* (Даренский, 2005). История всегда *de facto* была и всегда будет борьбой культур, в которой борются за свое – с чужим и неприемлемым, и в которой каждая из них старается утвердить себя как более развитую, как признанный образец для всех других. И только сознательно признавая это обстоятельство, можно затем также эффективно культивировать не только взаимную терпимость культур (за которой на самом деле очень часто скрывается лишь взаимное безразличие), но и тот *взаимный интерес, который обычно бывает между заядлыми конкурентами*.

Рассмотрение внутреннего диалогизма как базового сущностного признака европейской культурной традиции позволяет сделать следующие выводы. 1. Самосознание европейской цивилизации традицион-

но тяготеет к определенному монологизму, что обусловлено ее активно-колониаторским отношением к остальному миру. 2. В современных условиях взаимная открытость разных цивилизационных регионов мира нуждается в актуализации диалогического потенциала Европы для реализации ее важнейшей культурной миссии – несения христианской вести и христианских ценностей в глобализированный мир. 3. Европейская цивилизация отличается сущностным внутренним диалогизмом, обусловленным ее культурным «генотипом», в котором «пересекаются» библейский и античный компоненты, а также индивидуализм Нового времени. 4. Для современной Европы доминантой становится необходимость внутреннего диалога между разными компонентами ее «генотипа» (традиционалистского и индивидуалистического). 5. Внутренняя рефлексивность и универсализм как сущностные характеристики европейской культуры позволяют ей выполнять роль посредника в глобальном диалоге цивилизаций современного мира. Россия занимает парадоксальное положение: она включена в европейский культурный тип, но одновременно и не замкнута в нем, сохраняя свое автономное внутреннее пространство культуротворчества. Благодаря этому российский культурный «генотип» обладает большей открытостью и большей диалогичностью, чем европейский. Эти качества российского культурного «генотипа» становятся особо актуальными в эпоху «конца Запада» и требуют отдельного изучения.

Литература

Аверинцев, С.С. Будущее христианства в Европе // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. София – Логос. Словарь. К.: Дух і Літера, 2006. С. 763-766.

Ахутин, А.В., Библер, В.С. Диалог культур // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. С. 659-662.

Баткин, Л.М. Статья Европой // Баткин, Л.М. Возобновление истории: Размышле-

ния о политике и культуре. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 281-293.

Бистрицкий, С.К. Культурно-історичне апіорі // Вимога раціональності: спадщина Рене Декарта у світі сучасної культури. Київ: Стилос, 1996. С. 85-101.

Бистрицкий, С.К. Метафізика суспільного, що сумірна людині // Концепція мультикультуралізму. Київ: Стилос, 2005. С. 43-51.

Быстрицкий, Е.К. Конфликт культур и философия толерантности // Демоны мира и боги войны. Социальные конфликты в посткоммунистическом мире. К.: Політична думка, 1997. С. 139-165.

Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 220 с.

Гвардини, Р. Конец Нового времени // Культурология: Уч. пос. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 537-551.

Глюксман, А. Одинадцата заповідь. К.: Дух і Літера, 1994. 287 с.

Головаха, Є. Нові стани нового тисячоліття // Критика. 2002. № 6. С. 3-9.

Горський, В.С. Біля джерел (Нариси з історії філософської культури України). К.: ВД «Києво-Могилянська академія», 2006. 262 с.

Гуссерль, Е. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 400 с.

Даренский, В.Ю. «Диалог культур»: панацея или новая мифология? // Глобальное пространство культуры. Материалы междунар. науч. форума 12–16 апреля 2005 г. СПб: Центр изучения культуры, 2005. С. 212-216.

Кессиди, Ф. К проблеме «греческого чуда» // Культурология: Уч. пос. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 560-571.

Краус, В. Нігілізм сьогодні, або Терплячість світової історії. К.: Основи, 1994. 122 с.

Куліш, П. Погляд на усню словесність українську [Публікація] // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Вип. 41. Львів, 2007. С. 298-305.

Лакруа, Ж. Смысл диалога // Лакруа Ж. Персонализм / Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. С. 451-535.

Левинас, Е. Між нами: Дослідження Думки-про-Іншого. К.: Дух і Літера, 1999. 312 с.

Макбрайд, У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. – 2003. № 1. С. 79-88.

Нойман, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Петров, М.К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал-УРСС, 2004. 328 с.

Руднев, В.П. Сновидение и реальность // Малкольм Н. Состояние сна / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. С. 3-34.

Тойнби, А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-пресс. 2010. 640 с.

Ellul, J. Trahision de L'Occident. Paris: Plon, 1965. 199 p.

Morin, E. Penser l'Europe. Paris: Calimard, 1987. 218 p.

Rebok, M.G. Civilization and Cultural Identity in Postmodernity // Topoi. 1998. № 17. P. 33-45.

References

Ahutin, A. V. and Bibler, V. S. (2001), "The dialogue of cultures", *Novaja filosofskaja entsiklopedija: V 4 t.* [The New philosophical encyclopedia: in 4 vol.] in Stiopina, V. S. (ed.), *Mysl'*, Moscow, Russia, 659-662 (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2006), "The future of Christianity in Europe", *Averintsev S.S. Sobranie sochinenij. Sofija – Logos. Slovar'* [Averintsev S.S. Collected works. Sofia-Logos. Dictionary] Duh i Litera, Kyiv, Ukraine, 763-766 (in Russ.).

Batkin, L. M. (1991), "Becoming Europe", *Vozrobnovlenie istorii: Razmyshleniya o politike i kul'ture* [Resuming history: Reflections on politics and culture], Mosk. rabochij, Moscow, Russia, 281-293 (in Russ.).

Bistrickij, E. K. (1996), "Cultural and historical a priori", *Vimoga racional'nosti: spadshhina Rene Dekarta u sviti suchasnoï kul'turi* [The requirement of rationality: the legacy of Rene Descartes in the world of modern culture], Stilos, Kyiv, Ukraine, 85-101 (in. Ukr.).

Bistrickij, E. K. (1997), "Conflict of cultures and philosophy of tolerance", *Demony mira i bogi vojny. Social'nye konflikty v postkommunisticheskom mire* [Demons of peace and gods of war. Social conflicts in the post-Communist world], Politichna dumka, Kyiv, Ukraine, 139-165 (in. Ukr.).

Bistrickij, E. K. (2005), "Metaphysics of social, that is commensurate to a person", *Koncepcija mul'tikul'turalizmu* [The concept of multiculturalism], Stilos, Kyiv, Ukraine, 43-51 (in. Ukr.).

Darenskiy, V. Ju. (2005), "Dialogue of cultures": a panacea or a new mythology?", *Global'noe prostranstvo kul'tury. Materialy mezhdunar. nauch. foruma 12-16 aprelja 2005 goda* [Global culture space. Proceedings of the international. science. forum April 12-16, 2005], Centr izuchenija kul'tury, St.-Petersburg, Russia 212-216 (in Russ.).

Ellul, J. (1965), *Trahision de L'Occident*, Plon, Paris.

Gljuksman, A. (1994), *Odinadcjata zapovid'* [The Eleventh commandment], Duh I Litera, Kyiv, Ukraine (in. Ukr.).

Golovaha, E. (2002), "New states of the new millennium", *Kritica* [Critique], 6, 3-9 (in Ukr.).

Gors'kij, V. S. (2006), *Bilja dzherel (Narisi z istorii filosofskoi kul'turi Ukraini)* [Near the Sources (Essays on the History of Philosophical Culture of Ukraine)], Kievo-Mogiljans'ka akademija, Kyiv, Ukraine (in. Ukr.).

Gusserl', E. (2004), *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology], Vladimir Dal', St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Gvardini, R. (1998), "The end of a New time", *Kul'turologija: Uchebnoe posobie* [Cultural Studies: A textbook], Feniks, Rostov-on-Don, Russia, (in Russ.).

Kessidi, F. (1998), "To the problem of the 'Greek miracle'", *Kul'turologija: Uchebnoe posobie* [Cultural Studies: A textbook], Feniks, Rostov-on-Don, Russia, 560-571 (in Russ.).

Kraus, V. (1994), *Nigilizm s'ogodni, abo Terpljachist' svitovoji istoriji* [Nihilism today, or the Patience of world history], Osnovi, Kyiv, Ukraine (in. Ukr.).

Kulish, P. (2007) "View on Ukrainian oral literature (publication)" *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Serija filologichna* [Bulletin of the Lviv University. Philological series], 41, Lviv University, L'viv, Ukraine, 298-305 (in Ukr.).

Lakrua, Zh. (2004), "Meaning of the dialogue", *Lakrua Zh. Personalizm* [Lakrua Zh. Personalism], ROSSPEN, Moscow, Russia, 451-535 (in Russ.).

Levinas, E. (1999), *Mizh nami: Doslidzhennja Dumki-pro-Inshogo* [Between us:

An Opinion-about-Other study], Duh i Litera, Kyiv, Ukraine (in. Ukr.).

McBride, W. (2003), "Globalization and intercultural dialogue", *Voprosy Filosofii* [Philosophy Issues], 1, 79-88 (in Russ.).

Morin, E. (1987), *Penser l'Europe*, Calimard, Paris.

Neumann, I. (2004), *Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* [Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, (in Russ.).

Petrov, M. K. (2004), *Jazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture], Editorial-URSS, Moscow, Russia, (in Russ.).

Rebok, M. G. (1998), "Civilization and Cultural Identity in Postmodernity", *Topoi*, 17, 33-45.

Rudnev, V. P. (1993), "Dream and reality", *Malkol'm N. Sostojanie sna* [Malcolm N. State of sleep], Progress, Moscow, Russia, 3-34 (in Russ.).

Toynbee, A. J. (2010), *Postizhenie istorii* [A Study of History], Ajris-press, Moscow, Russia (in Russ.).

Vernan, J.-P. (1988), *Proishozhdenie drevnegrecheskoj mysli* [Origin of ancient Greek thought], Progress, Moscow, Russia, (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2, г. Луганск, 91011, Луганская Народная Республика; darenskiy1972@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy Ju. Darenskiy, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Lugansk Taras Shevchenko National University, 2 Oboronnaya St., Lugansk, 91011, Lugansk People's Republic; darenskiy1972@rambler.ru

УДК 1 (91)

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-4

Чистякова Е. Ю.

Герменевтика Другого в социальной феноменологии А. Шюца и критической философии И. И. Лапшина¹

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *chistyakova_e@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается герменевтическая проблема понимания Другого в историко-философском наследии А. Шюца и И.И. Лапшина. Уточняются философские предпосылки австрийского социолога, основателя социальной феноменологии Альфреда Шюца (1899-1959) и реконструируется его способ понимания Другого в «социальном мире». Выявляются особенности и контексты понимания «чужого я» русским неокантианцем Иваном Ивановичем Лапшиным (1870-1952). Проводится сравнение между социологически ориентированной мыслью Шюца и критической установкой Лапшина. Выясняются различия и точки сближения мыслителей в рассмотрении проблемы Другого.

Ключевые слова: герменевтика; Другой; А. Шюц; И.И. Лапшин; перевоплощение; социальная феноменология; русская философия.

Для цитирования: Чистякова Е. Ю. Герменевтика Другого в социальной феноменологии А. Шюца и критической философии И. И. Лапшина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 37-45. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-4

E. Yu. Chistyakova

Hermeneutics of the Other in Shutz's social phenomenology and Lapshin's critical philosophy

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
chistyakova_e@bsu.edu.ru

Abstract. This article addresses the hermeneutic problem of understanding the Other in the philosophical works of A. Schütz and I. Lapshin. The author clarifies the philosophical background of the Austrian sociologist, founder of social phenomenology Alfred Schütz (1899-1959), and reconstructs the way of understanding the Other in the "social world". The author finds the particular details and contexts of understanding the "alien self" by the Russian neo-Kantian philosopher Ivan Lapshin (1870-1952). There is a correlation between Schütz's sociologically thought and Lapshin's critical position: some differences and points of convergence of thinkers in this problem.

Keywords: understanding; Other; A. Schütz; Ivan I. Lapshin; impersonation; social phenomenology; Russian philosophy

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа» (Белгород, 21-22 октября 2019 г.). Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00403.

For citation: E. Yu. Chistyakova (2020), “Hermeneutics of the Other in Shutz’s social phenomenology and Lapshin’s critical philosophy”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 37-45, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-4

Проблема обоснования метода гуманитарных наук (в его противопоставлении естественнонаучному) активно обсуждалась на рубеже XIX-XX веков в рамках философии жизни, неокантианства, феноменологии и герменевтики. Довольно ощутимые методологические интуиции по этому вопросу содержатся уже в критической философии И. Канта, который перенес акцент внимания на субъективную сторону процесса познания и признал его ограниченным опытом. Гуманитарные исследования сосредоточены на проявлениях человеческой субъективности, и поэтому вопрос об их методологических основаниях напрямую связан с проблемой рационального понимания Другого. Поскольку чужой внутренний мир не доступен непосредственному опыту, поиском путей непрямого понимания Другого занимается герменевтика, интерпретируя различные проявления человеческой субъективности.

Возможности реконструкции субъективного смысла социального действия исследует социальная феноменология А. Шюца. Ее интерпретативная установка позволяет понять мотивы действующего, исходя из его биографических и личностных особенностей, актуальных целей и задач. Подобным образом обращена к проблеме истолкования творческой деятельности философов, поэтов и музыкантов мысль представителя русского неокантианства И.И. Лапшина.

Интерпретация субъективного смысла деятельности Другого социальной феноменологией А. Шюца

Широко известный на Западе и в России австрийский социолог Альфред Шюц (1899-1959) для решения проблемы понимания Другого обращается к социально-феноменологической герменевтике в своей ранней работе «Смысловое строение

социального мира». Он решает ее как проблему возможности понимания в социальной коммуникации (Wagner, 1970). Испытывает прямое влияние феноменологии Э. Гуссерля, понимающей социологии М. Вебера, учения о внутреннем времени А. Бергсона и теории intersubjectivity М. Шелера, Шюц создает свою уникальную понимающую феноменологическую социологию (Barber, 2004). Он пытается найти границы социального понимания, детально описать процесс обретения знания о Другом, методы социальных наук. Отправной точкой исследований для него стало прояснение понятия «субъективного смысла действия» М. Вебера (Barber, 1988). Шюц полагает, что это место концепции о «социально ориентированном действии» является слабо проработанным и требует прояснения (Шюц, 2004: 693). Он отмечает, что сам Вебер не стремился подвести серьезный теоретический фундамент под свои социологические исследования, проясняя только те моменты, которые обладали для него практическим значением. Шюц полагает, что для уточнения «субъективного смысла действия» весьма уместно прибегнуть к помощи феноменологического метода, а именно, рассмотреть этот вопрос с точки зрения интенциональности сознания, в которой посредством конституирования рождается смысл (Шюц, 2004: 724). Интенциональность сознания предполагает его направленность, сфокусированность на объектах жизненного мира, на собственном действии, которым придается определенный субъективный смысл на основе социального опыта, ценностных ориентаций и планов на будущее (Wagner, 1984).

Поскольку субъективный смысл действий Другого не дан нам непосредственно, его интерпретация становится важнейшим условием для социального понима-

ния. По мнению Шюца, интерпретация переживаний Другого становится возможной благодаря тому, что всякое его подлинное интенциональное понимание опирается на акты самоистолкования понимающего Я (Шюц, 2004: 820). Поэтому в ситуации понимания переживаний действующего с помощью фантазии намечается цель действия Другого: «мы как бы занимаемся подменой личности, ставя себя на место действующего и отождествляя при этом свои переживания сознания при однотипной с наблюдаемой деятельностью с чужими переживаниями сознания» (Шюц, 2004: 822). Через подобную постановку себя на место Другого появляется возможность интерпретировать по аналогии с самим собой интенциональность сознания Другого, способы конституирования им собственного действия, или его «субъективный смысл». Однако «всякое смыслополагание этого мира через *меня* отсылает к смыслополаганию, которое этот мир испытывает в *твоем* переживании через тебя, и таким образом происходит утверждение смысла как интересубъектного феномена» (Шюц, 2004: 721) (курсив мой. – Е. Ч.).

Уточняя отношения «я» – «ты», Шюц ставит принципиальную для социальной феноменологии проблему интересубъективного понимания (Zaner, 1961). Социальный мир представлен как «мир значений, переживаемых и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни» (Смирнова, 2004: 1042). Интересубъективный социальный мир представляет собой поле коммуникации и взаимодействия индивидов в связи с их системами релевантности – интересов и ценностных установок. Обладание набором знаний о социальном мире способствует формированию готовых образцов действий.

Необходимым условием понимания Другого становится взаимность перспектив, основанная на двух идеализациях: взаимозаменяемости точек зрения и соответствия систем релевантности (Шюц, 2004: 15). Взаимозаменяемость точек зрения предполагает, что если бы

я прошел такой же жизненный путь, как и Другой, то смотрел бы на мир так же, как и он, имел бы такой же социальный опыт. Идеализация соответствия систем релевантности раскрывает биографически детерминированную ситуацию формирования интересов и целей, стремление к которым может быть осуществлено через усвоенные образцы социального действия (Шюц, 2004: 127). Общий же их смысл заключается в допущении, что если поменять местами биографические ситуации двух людей, то их системы релевантностей изменятся соответствующим образом.

Иными словами, Шюц выносит за феноменологические «скобки» все различия между людьми, и для социального понимания имеет значение лишь разница в их происхождении и сформированном в силу этого жизненном опыте, который приводит к определенным системам ценностей и установок (Costelloe, 1996). Идеализации делают возможным понимание мотивов действий Другого: «мотива-для» – цели действия или «мотива-потому-что» – его причин. «Мотив-для» связан с системой релевантности и ориентирован в будущее. «Мотив-потому-что» – объяснение поступка, исходя из биографически детерминированной ситуации. Знание одного мотива позволяет реконструировать недостающий, знание обоих позволяет с высокой точностью объяснить поведение Другого (Шюц, 2004: 106).

Так же в «Смысловом строении социального мира» Шюц ставит вопрос о «мы-отношениях» и о ближайшем окружении, однако предпочитает следовать феноменологическому методу в своей аргументации. Шюц выводит понятие ближайшего социального окружения как совокупности «ты», сосуществующих с «я» во времени и пространстве. Поэтому ситуация ближайшего окружения предполагает синхронность и непосредственно данный характер существования «я» и «ты» (Шюц, 2004: 886). Он называет такое социальное отношение ближайшего окружения, в котором «я» и «ты» взаимно ориентиро-

ваны, «мы-отношением». Этот совместно пережитый опыт, который «я» и «ты» одновременно воспринимали, и позволяет говорить о наличии некоторого «мы».

Сам факт рождения в ближайшем социальном окружении формирует базовое «мы». «Я» добавляет к «ты» все предварительные знания о нем, включающие в себя интерпретативные схемы и мотивы, которые считаются общими. Отношения ближайшего окружения не поддаются рефлексии, а просто, как утверждает Шюц, проживаются, поэтому «я в состоянии одновременно взирать на пофазовое построение переживаний своего собственного сознания и на пофазовые процессы в сознании ты и переживать обе последовательности событий как одну, как общее мы» (Шюц, 2004: 895). Таким образом, «я», находясь в отношениях ближайшего окружения, может приобщиться к «ты» и совместно с ним сопереживать успехи и неудачи его деятельности. «Я» и «ты» в таком отношении живут в общем интересубъективном мире. Это позволяет подвергать проверке интерпретацию чужих проживаний сознания посредством ты-вопроса. Реакция «ты» становится «мотивом-для» моего поступка, «мотивы-для» моего поступка являются мотивами «потому-что» реакции «ты». Шюц феноменологически описывает процесс понимания Другого, в котором сначала возникает «ты», а затем в ситуации ближайшего окружения возникает и «мы» как коллаборация «я» и «ты», направленная на взаимопонимание, не рефлексирующая себя в момент осуществления, но дающая богатый опыт социальной интерпретации.

Во время работы в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке (Embree, Barber, 2017) А. Шюц переводит вопрос о «мы-отношениях» в социологическое русло. В эссе «Возвращающийся домой» он демонстрирует значимость общей системы интерпретаций и релеванностей в отношениях ближайшего окружения. Домашняя и повседневная жизнь содержат в себе большое количество при-

вычных способов действий и решения проблем, обычно не рефлекслируемых нами, но временный разрыв с которыми может затруднить коммуникацию. Комментируя понятие первичных групп Ч. Кули, которое зачастую используется для описания социальных отношений дома, Шюц подмечает различие между отношениями «лицом-к-лицу» и близкими отношениями. Отношения «лицом-к-лицу» предполагают общность пространства и времени, некоторую синхронность, а также общий горизонт и внутри него общие интересы. Это непосредственное участие во внутренней жизни другого Шюц называет «чистым мы-отношением», причем «все другие социальные отношения могут, а для некоторых целей и должны быть интерпретированы как производные от него» (Шюц, 2004: 552). В отличие от них, близкие отношения предполагают повторяющийся и прерывающийся характер. Прерванные отношения восстанавливаются с момента разрыва, как будто его не было. Примерами таких отношений выступают дружба и семья. Именно такие отношения сочетают в себе общность системы релеванностей, планы на будущее и шанс на возобновление прерванных отношений. «Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии» (Шюц, 2004: 553). Так, возвращающийся домой чувствует образовавшийся за время его отсутствия зазор между системами релеванности своей и домашней группы. Для ждущих возвращения мир их группы остается прежним или меняется незаметным для них образом, поэтому им трудно понять, что же изменилось в том, кто возвращается. У ожидающих возвращения зачастую складывается искаженное представление о возвращающемся на основе собственных ожиданий, что затрудняет возобновления «мы-отношения». Возвращающемуся кажется, что его домашнее окружение отличается от сохраняемого в памяти во время его отсутствия. Ему приходится трансформировать этот опыт чуждости привычного домашнего мира,

вновь направить его в рутинное русло, возобновить нарушенную релевантность близких отношений.

Альфред Шюц приводит в качестве примера солдата, возвращающегося домой с войны и сталкивающегося с непониманием близких, которые руководствуются воспитанным пропагандой образом героя, ожидают услышать рассказы о его подвигах и победах. Однако для солдата этот подвиг был делом выживания, а героической он считает жизнь на фронте, полную ограничений и неожиданностей. Для устранения этой разницы интерпретаций Шюц предлагает заменить пропаганду образа героя на правдивые рассказы о тяжелой жизни на войне. По его мнению, эти действия будут способствовать скорейшему возвращению солдат в русло мирной жизни за счет понимания и поддержки близких. Таким образом, Шюц подчеркивает, что в данной практической ситуации возвращающегося домой для возобновления близких отношений необходимо взаимное движение навстречу друг другу, сотрудничество и совместная работа понимания Я и Ты.

Исследование возможностей понимания «Чужого Я» И.И. Лапшиным

Русский философ Иван Иванович Лапшин (1870-1952), русский неокантианец, ученик А.И. Введенского, обделен вниманием исследователей русской философии. Скромного упоминания он удостоился лишь у В.В. Зеньковского в «Истории русской философии» (Зеньковский, 2001) как несамостоятельный философ. По счастью, сегодня происходит развенчание этого образа, и Лапшин открывается нам как самобытный русский мыслитель (Чернышева, 2011), интеллектуальная деятельность которого сосредоточивалась вокруг проблем философской герменевтики (Ольхов, 2011).

Особое внимание он уделял теоретическому вопросу о возможности понимания «чужого я» исходя из кантовской феноменологии (Путина, 2011). В своей ра-

боте «Проблема “чужого я” в новейшей философии», написанной в 1910 году, Иван Лапшин отмечает, что специальных работ на данную тему еще не было, поэтому предпринимает подробный обзор различных вариантов ее решения после Канта, который в «Критике чистого разума» вскользь оговаривает, что: «О мыслящем существе я могу иметь представление только путем самосознания, но никоим образом не путем внешнего опыта. Поэтому такие объекты суть не что иное, как перенесение моего сознания на другие вещи, которые лишь благодаря такому перенесению представляются мной как мыслящие существа» (Кант, 1999: 316). Кант полагает, что такой аналогии вполне достаточно для признания наличия сознания у других и далее не углубляется в эту тему.

Между тем, как замечает Лапшин, проблема понимания Другого весьма значима для права и социологии, а также «включает в себя и проблему эстетического одухотворения или вчувствования» (Лапшин, 1910: 5). Лапшин рассматривает шесть возможных догматических решений проблемы «чужого я» в новейшей философии: наивный реализм, материализм, гилозоизм, монистический идеализм, монадология, солипсизм. Кроме этого, выделяет такие недогматические точки зрения как скептицизм, интуитивизм и фидеизм. Завершая рассмотрение проблемы критицизмом, он приводит основные тезисы из работы своего учителя А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления» (Введенский, 1892). В заключение Лапшин отмечает, что «глубоко убежден в том, что проблема «чужого Я» разрешима строго научным, теоретическим путем на почве критической философии» (Лапшин, 1910: 192).

Собственно, позднее, в 1924 году он находит такое решение в своей развернутой статье «Опровержение солипсизма», где подмечает некоторый парадокс, основанный на кантовском представлении об ограниченности познания опытом: «между отдельными сознаниями существует как

будто абсолютная разобщенность, а с другой стороны, чувствуется какая-то глубочайшая, интимная, внутренняя связь» (Лапшин, 1924: 41). Дальнейшее рассмотрение вопроса Лапшин проводит в терминологической оппозиции: непосредственное – опосредованное признание «чужого Я». Хотя оно не может быть нам дано непосредственно, поскольку является «вещью в себе» для познающего субъекта, «в духовном общении мы постоянно переживаем иллюзию непосредственной данности чужого “я”, мы вынуждены признать его гипотетическое существование» (Лапшин, 1924: 42). Так как мы принципиальным образом не можем прийти к признанию чужой одушевленности эмпирическим путем, тот факт, что нам кажется очевидным существование «чужих я» – не более чем иллюзия сознания, которая коренится в способности человека к вчувствованию.

Опосредованное же признание чужой одушевленности объясняется Лапшиным переносом: «чужое “я” как непрерывная тождественная личность есть конструкция мысли, фактически же я познаю лишь непрерывные подстановки душевных состояний в чужом я» (Лапшин, 1924: 55). Объясненный таким образом механизм восприятия чужой одушевленности помогает избежать противоречий солипсизма, к которым приводит кантианская феноменология. И хотя «реальность чужого Я для нас несомненна, несомненно и то, что мы постигаем ее опосредствованным образом, частью путем заключения по аналогии, главным же образом пользуясь чувством формы <...> нами унаследованы известные эмоциональные реакции на типические формы человеческой экспрессии и интонирования» (Лапшин, 2006: 264). Иными словами, непосредственное восприятие «чужого Я» маскирует действительный процесс интерпретации его через единственно доступное нам знание о собственном сознании и соотносении внешних проявлений состояний Другого с собственной психикой. Такой процесс

переноса или вчувствования Лапшин называет «перевоплощаемостью» и утверждает, что она не тождественна ни аналогическому, ни ассоциативному, ни интуитивному познанию «чужого Я».

И. Лапшин посвящает несколько специальных работ подробному рассмотрению процесса «перевоплощаемости» в философском и художественном творчестве. Он обращается к биографиям и автобиографиям художников, писателей, музыкантов, философов для психологического анализа их способности к вчувствованию. Лапшин приводит пример Теккерера и Гоголя, которые, благодаря своей эстетической способности к вчувствованию, могли с поразительной точностью воспроизвести биографию незнакомых людей, угадать их профессию и черты характера.

Выводя истоки способности к перевоплощению из детского опыта, Иван Лапшин отмечает, что она становится возможной благодаря инстинкту подражания у ребенка и его способности к внушению. Помимо внешнего подражания, со временем у ребенка развивается и внутреннее, а первичный контраст «моего» и «данного мне» сознания постигается на примере внутренней и чужой речи. Для развития способности к перевоплощению необходимы самонаблюдение, экспериментирование над собой, фантазия и мышление. Поэтому «познания своей и чужой душевной жизни до того взаимно проникают друг в друга, что едва ли возможно углубленное постижение Я без Ты, как Ты без Я» (Лапшин, 1922: 14). Глубокое понимание «ты» требует развитого самосознания и общности опыта. В процессе понимания «я» уточняет свои собственные состояния и мотивы, внимательнее всматривается в себя, чтобы найти там возможности понять Другого: «из стремления к общительности, как из общего корня, вырастают и нравственная симпатия, и эстетическое вчувствование» (Лапшин, 1999: 278).

Общие основания

Проблема понимания «чужого я» является центральной для Лапшина. Он приходит к выводу о возможности понимания Другого через «перевоплощение» под влиянием идей Канта и неокантианской традиции, применяя эстетический подход. Для Шюца проблема понимания Другого не менее принципиальна, в связи с исследованием возможностей социального понимания. Он приходит к своим выводам под влиянием социологии М. Вебера и феноменологии Э. Гуссерля. Предлагаемый способ понимания Другого, заключающийся в постановке себя на его место, основан на предпосылке общего социального опыта.

А. Шюц и И.И. Лапшин преследуют различные цели герменевтики Другого. Лапшин исследует роль перевоплощения в создании и понимании художественных и философских произведений. Шюц полагает своей целью понимание мотивов действий людей в социальном мире. Так же различны исследуемые ими формы проявления внутреннего мира Другого. Шюц реконструирует субъективный смысл, который придает действующий в социальном мире собственному действию. Лапшин делает предметом интерпретации социальные проявления Другого в художественном и философском творчестве.

Несмотря на то, что оба мыслителя признавали аналогию не лучшим способом заключения о внутренней жизни чужого сознания, «перевоплощение» Лапшина, очень похоже на «постановку на место Другого» Шюца. Некоторый момент эмпатии предполагается в позиции Лапшина по этому вопросу, однако перевоплощение не тождественно ей, поскольку основано не только на интуиции и жизненном опыте, а предполагает наличие герменевтической установки, позволяющей вникнуть в историю личности и ее контексты. Шюц полагает в основе социального поведения общие образцы, которые упрощают понимание чужой мотивации. Однако в случае ближайших социальных отношений по-

знанию становятся доступны и личные мотивы, данные нам через знание о биографической ситуации Другого и его системе релевантностей. Иными словами, Шюц и Лапшин считают важнейшим условием наиболее полного понимания сочувственное узнавание биографии Другого.

Удивительно, что к таким схожим выводам пришли мыслители, которые, хотя и были современниками, писали в разной интеллектуальной среде. «Совместность» их мышления опознается разве что при уточнении общих, типических мест их биографии – при обращении к ими же разработанному биографико-феноменологическому методу. И.И. Лапшин и А. Шюц пережили эмиграцию и вынуждены были интегрироваться в чуждую культуру. Лапшина выслали на «философском пароходе» в Европу, где он обосновался в Чехословакии. Шюц же вынужден был эмигрировать в годы Второй мировой войны из-за своего еврейского происхождения в США. И хотя оба мыслителя задумывались над проблемой понимания Другого еще у себя на родине, более подробное ее осмысление было достигнуто ими вдали от дома, в трезвящем положении отчуждения от своего.

Литература

Введенский, А. И. О пределах и признаках одушевления: Новый психофизический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. 119 с.

Зеньковский, В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Кант, И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999. 655 с.

Лапшин, И. И. О перевоплощаемости в художественном творчестве // Художественное творчество. Петроград: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1922. С. 5-141.

Лапшин, И. И. Опровержение солипсизма // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. 1924. Т. 1. С. 13-64.

Лапшин, И. И. Проблема «Чужого Я» в новейшей философии. СПб: Сенатская типография, 1910. 199 с.

Лапшин, И. И. Феноменология нравственного сознания // Неизданный Иван Лапшин. СПб.: Издательство СПбГАТИ, 2006. С. 244-279.

Лапшин, И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.

Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В.Н. Брюшинкина, В.С. Поповой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 359 с.

Ольхов, П.А. Проблема «Чужого я» в методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского (кантианские мотивы) // Кантовский сборник. 2011. № 3. С. 59-66.

Попова, В.С. Проблема «другого Я» в культурфилософском свете (о некоторых идеях русских мыслителей) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 4. С. 195-203.

Путина, Е.М. Феноменология нравственного сознания И. И. Лапшина // Вече. 2011. № 22. С. 24-42.

Смирнова, Н.М. Альфред Шюц на книжной полке // Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. С. 1023-1049.

Чернышева, А.В. Проблема солипсизма и творчества в философии И.И. Лапшина // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2011. № 1 (5). С. 77-85.

Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. 1056 с.

Шюц, А. (перевод Корбут, А.) О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. № 2. С. 3-34.

Barber, M. D. (1988), *Social Typifications and the Elusive Other: The Place of Sociology of Knowledge in Alfred Schutz's Phenomenology*, Associated University Presses, Cranbury, USA.

Barber, M. D. (2004), *Participating Citizen, The: A Biography of Alfred Schutz*, State university of New York Press, NY, USA.

Costelloe, T. M. (1996), "Between the subject and sociology: Alfred Schutz's phenomenology of the life-world", *Human Studies*, 19, 247-266.

Embree, L. and Barber, M. D. (2017), *The Golden Age of Phenomenology at the New School for Social Research, 1954-1973*, Ohio University Press, Ohio, USA.

Wagner, H. R. (1970), "Introduction", in Wagner, H.R. (ed.), *Alfred Schutz on Phenomenology and Social Relations*, University of Chicago Press, Chicago, USA, 1-52.

Wagner, H. R. (1984), "Schutz's Life Story and the Understanding of his Work", in Wolff, K.H. (ed.), *Alfred Schutz: Appraisals and Developments*, Springer Science & Business Media, 5-14.

Zaner, R. M. (1961), "Theory of intersubjectivity: Alfred Schutz", *Social Research*, 28, 1, 71-93.

References

Barber, M. D. (1988), *Social Typifications and the Elusive Other: The Place of Sociology of Knowledge in Alfred Schutz's Phenomenology*, Associated University Presses, Cranbury, USA.

Barber, M. D. (2004), *Participating Citizen, The: A Biography of Alfred Schutz*, State university of New York Press, NY, USA.

Chernysheva, A. V. (2011), "The problem of solipsism and creativity in the philosophy of I.I. Lapshina", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarno-jekonomicheskogo institute*, 1 (5), 77-85.

Costelloe, T. M. (1996), "Between the subject and sociology: Alfred Schutz's phenomenology of the life-world", *Human Studies*, 19, 247-266.

Embree, L. and Barber, M. D. (2017), *The Golden Age of Phenomenology at the New School for Social Research, 1954-1973*, Ohio University Press, Ohio, USA.

Kant, I. (1999), *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Translated by Lossky, N. O., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Lapshin, I. I. (1910), *Problema «Chuzhogo Ja» v novejshej filosofii*. [The problem of “Alien Self” in the latest philosophy], Senatskaja tipografija, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Lapshin, I. I. (1922), “About reincarnation in art”, *Hudozhestvennoe tvorchestvo* [Artistic creation], Central'noe kooperativnoe izdatel'stvo “Mysl”, St.-Petersburg, Russia, 5-141 (in Russ.).

Lapshin, I. I. (1924), “Refutation of solipsism”, *Uchenye zapiski, osnovannye Russkoj uchebnoj kollegiej v Prage* [Academic notes founded by the Russian academic Board in Prague] 1, 13-64 (in Russ.).

Lapshin, I. I. (1999), *Filosofija izobretenija i izobrenie v filosofii: Vvedenie v istoriju filosofii*. [Philosophy of invention and invention in philosophy: Introduction to the history of philosophy], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Lapshin, I. I. (2006), “Phenomenology of moral consciousness”, *Neizdannyy Ivan Lapshin* [Unreleased Ivan Lapshin], Izdatel'stvo SPbGATI, St.-Petersburg, Russia, 244-279 (in Russ.).

Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskij, Ivan Ivanovich Lapshin (2013), [Neo-Kantianism in Russia: Alexander Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin], in Brjushinkin, V. N. and Popova, V. S. (ed.), *Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija* (ROSSPJeN), Moscow, Russia (in Russ.).

Olkhov, P. A. (2011), “The ‘Alien Self’ problem in the methodology of the history of A. S. Lappo-Danilevsky (Kantian motives)”, *Kantovskij sbornik* [Kant's collection] 3, 59-66 (in Russ.).

Popova, V. S. (2013), “The “Other Self” Problem in the Philosophical Philosophical Light (On Some Ideas of Russian Thinkers)”, *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, [Вестник Русской христианской гуманитарной академии], 14 (4), 195-203 (in Russ.).

Putina, E. M. (2011), “The phenomenology of moral consciousness I. I. Lapshina”, *Veche* [Veche], 22, 24-42 (in Russ.).

Schütz, A. (2004), *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom* [Selected: A world shining with meaning], “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija”, Moscow, Russia, (in Russ.).

Schütz, A. and Korbut, A. (2003), “On the plurality of realities”, *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], in Smirnova N.M. (ed.), 2, 3-34.

Smirnova, N. M. (2004), “Alfred Schütz on a bookshelf”, *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom* [Selected: A world shining with meaning], in Smirnova N.M. (ed.), “Rossijskaja politicheskaja entsiklopediya”, Moscow, Russia, 1023-1049 (in Russ.).

Vvedenskij, A. I. (1892), *O predelah i priznakah odushevlenija: Novyj psiho-fizicheskij zakon v svjazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki* [On the limits and signs of animation: A new psycho-physical law in connection with the question of the possibility of metaphysics], Tip. V.S. Balasheva, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Wagner, H. R. (1970), “Introduction”, *Alfred Schutz on Phenomenology and Social Relations*, in Wagner, H.R. (ed.), University of Chicago Press, Chicago, USA, 1-52.

Wagner, H. R. (1984), “Schütz’s Life Story and the Understanding of his Work”, *Alfred Schutz: Appraisals and Developments*, in Wolff, K. H. (ed.), Springer Science & Business Media, 5-14.

Zaner, R. M. (1961), “Theory of intersubjectivity: Alfred Schutz”, *Social Research*, 28, 1, 71-93.

Zenkovsky, V. V. (2001), *Istorija russkoj filosofii*. [History of Russian philosophy], Akademicheskij Proekt, Raritet, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чистякова Екатерина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; chistyakova_e@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina Yu. Chistyakova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; chistyakova_e@bsu.edu.ru

УДК 130.2: 101.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-5

Даренская В. Н.

Культурно-историческое содержание концепта
homo universalis

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2,
г. Луганск, 91011, Луганская Народная Республика; vera_darenskaya@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется культурно-историческое содержание концепта *homo universalis* и обосновывается его актуальность для современной философии культуры. Концепт коррелирует с понятием гармонической личности как носителя различных культурных традиций, способного соединять их в единое целое, выстраивая свой индивидуальный «жизненный мир». «Универсум» или универсальная целостность человека является продуктивной теоретической абстракцией, позволяющей осмыслить главный императив развития личности в культуре. Показано, что в основе человеческой универсальности лежит воспроизведение в культуре универсальной модели бытия в целом, которая определяет смысловую ориентацию человека в мире. Эту модель можно интерпретировать как «основной миф» культуры (победа космоса над хаосом), а его историческая спецификация соответствует трем историческим типам культур – космоцентрическому, теоцентрическому и антропоцентрическому. Показана специфика воплощения человеческой универсальности в традиционной и посттрадиционной культурах (в последней – в искусстве и в философии).
Ключевые слова: *homo universalis*; универсальность; целостность; личность; культура; традиция.

Для цитирования: Даренская В.Н. Культурно-историческое содержание концепта *homo universalis* // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 46-58. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-5

V. N. Darenskaya

Cultural and historical content of the *homo universalis* concept

Lugansk Taras Shevchenko National University, 2 Oboronnaya St., Lugansk, 91011,
Lugansk People's Republic; vera_darenskaya@mail.ru

Abstract. The article explores the cultural and historical content of the concept of *homo universalis* and justifies its relevance to the modern philosophy of culture. This concept correlates with the concept of a harmonious personality as a carrier of various cultural traditions, able to combine them into a single whole, standing out their individual “life world”. Man as a “universe” or as a universal integrity is a productive theoretical abstraction that allows us to understand the main imperative of personal development in culture. It is shown that the basis of human universality is the reproduction in culture of the universal model of being in general, which determines the semantic orientation of a person in the world. This model can generally be defined as the “basic myth” of culture (the victory of the cosmos over chaos), and its historical specification corresponds to three historical types of cultures – cosmocen-

tric, theocentric, and anthropocentric. The author shows the specifics of the embodiment of human universality in traditional and post-traditional cultures (in the latter – in art and in philosophy).

Keywords: homo universalis; universality; integrity; personality; culture; tradition

For citation: Darenskaya V. N. (2020), “Cultural and historical content of *the homo universalis* concept”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 46-58, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-5

В современной философии культуры и культурологии вновь стала актуальной концепция гармонической личности как носителя различных культурных традиций, способного соединять их в единое целое, выстраивая свой индивидуальный «жизненный мир». Вместе с тем, в новейшей статье Е.Д. Божович «Гармоническая личность: структура, механизмы развития, индивидуальные различия» (2019) отмечается, что «в справочной литературе крайне редко можно встретить отдельные статьи, раскрывающие понятие "гармоническая личность", и в статьях, определяющих понятие "личность", как правило, едва-едва затрагивается это ее качество – гармоничность или гармония. Строгого определения это понятие пока не получило» (Божович, 2019: 92). Автор разрабатывает понимание гармонической личности как личности, способной эффективно преодолевать свои внутренние и внешние конфликты, когда «на уровне осознания и ситуации, и своих стремлений личность достигает внутреннего согласия, баланса посредством разных механизмов и/или разных функций одного и того же механизма и его инструментального обеспечения наличными психологическими ресурсами личности» (Божович, 2019: 97). Главным же механизмом такого разрешения рассматривается «вербализация» конфликта и переводение его в интеллектуальный план. «Развернутая вербализация внутреннего интеллектуального плана, – пишет автор, – не только способствует принятию эмоционально трудного решения, противостоящего непосредственной потребности, но и выполняет инструментальную функцию копинг-стратегии, способствующей сни-

жению эмоциональной напряженности и разрешению внутреннего конфликта. Это те случаи, когда внутренний конфликт осознан человеком. А вопрос о том, осознано ли применение такой копинг-стратегии, пока остается без ответа» (Божович, 2019: 97). Однако понятно, что и «вербализация» конфликта, и переводение его в интеллектуальный план – это в первую очередь культурные навыки человека, и они зависят от уровня его личностной культуры.

Что является противоположностью гармонической личности, как можно концептуально определить ее общую дисгармоничность? Известный российский философ А.А. Горелов в работе «Расщепленный человек в расщепленном мире» (1991) констатировал: «современная культура (даже та, которая действительно оправдывает свое название), являясь отражением расщепленности человека и произведением расщепленного человека, конечно, не может не быть расщепленной... Источник кризиса современной культуры в том, что люди утратили способность духовно-душевного общения... а без этого нормальное развитие культуры невозможно» (Горелов, 1991: 52). Позднее автор развивал концепцию «расщепленного человека» как феномена современной цивилизации и путей его преодоления в ряде других работ (см. Горелов, Горелова, 2004; 2019). В свою очередь, нерасщепленный человек определяется через его экзистенциальную *целостность*. Последняя не означает универсальности человека как деятеля – это невозможно, но означает владение им универсальными такими *смыслами*, благодаря которым любая его деятельность, пусть

даже и несовершенная, становится частью «самотворчества» (А.А. Горелов) целостной личности. В этом смысле человек целостен как «незавершенная завершенность» (Шведов, 2004).

Мыслители эпохи Возрождения сформулировали и воплотили в собственной индивидуальности идеал «универсального человека», *uomo universale* или *homo universalis*. Как пишет О.П. Лановенко, «человек как универсум и целостность или как универсальная целостность, тотальность – продуктивная теоретическая абстракция, позволяющая осмыслить общую направленность развития человека постольку, поскольку она наполняется в ходе анализа непосредственным конкретно-историческим содержанием» (Лановенко, 1988: 83). Поэтому «каждое из качественно определенных отношений человека к миру, базируясь на некоей своеобразной доминирующей плоскости взаимодействия <...> тем не менее в том или ином виде включает и все другие плоскости взаимодействия, хотя последние имеют при этом подчиненный, второстепенный характер. Уже это само по себе вполне определенно указывает, что в рамках любой специфической деятельности человек способен реализовывать себя как существо всеобщее, целостное и универсальное, что не может не сказаться на его мироотношении» (Лановенко, 1988: 84).

Для постмодернистского типа философствования идея исследования «универсального человека» кажется анахронизмом, поскольку такая модель человека в наше время кажется полностью разрушенной, с одной стороны, «концом метанарратив» (Ж.-Ф. Лиотар), а с другой – «смертью человека» (М. Фуко) в метафизике. Однако не трудно заметить, что оба названные «конца» также являются утверждениями универсалистского типа, очерчивая некую универсальную ситуацию человеческого существования, хотя бы и чисто негативным образом. Действительно, с сугубо логической точки зрения, используя само понятие «человек», мы *de*

facto уже мыслим определенную универсалию, – даже и в том случае, если сознательно отрицаем наличие некой универсальной «природы человека». Однако это не является парадоксом, поскольку такое отрицание является лишь отрицанием философского «эссенциализма» (отождествления «природы человека» с некоторым множеством ее фиксированных признаков и качеств), но не отрицанием определенных онтологических инвариантов, по которым мы отличаем человеческое бытие от любого другого. В современной ситуации «конца метафизики», который на самом деле является лишь путем к переосмыслению ее концептуальных основ, рефлексия относительно универсалий человеческого бытия является крайне актуальной.

Целью данной статьи является философский анализ образа целостного, «универсального» человека, с помощью которого можно исследовать важные процессы в культуре, обеспечивающие условия для гармонического развития личности. Это предполагает также и анализ онтологических характеристик бытия человека в модусе *homo universalis*, а также основных культурно-исторических типов его реализации. Одним из направлений такого анализа может быть исследование концепта *homo universalis*, в котором зафиксировано определенное измерение человеческого бытия, которое конкретно раскрывается через целую систему культурных инвариантов (универсалий). Правда, само понятие «универсалии культуры» часто понимается в чисто эмпирическом смысле. Например, А.Я. Флиер предлагает такое его определение: это «наиболее распространенные в социокультурной практике культурные формы (нормы, образцы, стереотипы сознания и поведения), которые отличаются сравнительным однообразием своих черт у самых различных народов» (Флиер, 1997: 482). Однако представляется более верным, что эта система универсальных форм не сводится лишь к эмпирическим феноменам, но имеет ме-

тафизическое измерение, причем последнее и является определяющим. В философском смысле его, вслед за С.Б. Крымским, можно определить как «ценностно-смысловой универсум человека», а личностное бытие как его актуальную форму. Этот универсум структурирован: в частности, его базовой универсалией является целостность человека, которая никогда не может быть окончательно разрушена, например, процессами социального отчуждения и другими деструктивными процессами в культуре, поскольку это привело бы к деградации человеческого существа как такового.

Целостность как универсалия человеческого бытия – это фундаментальная способность человека сохранять самоидентичность, сочетая многообразие форм собственной деятельности и сознания в континууме личности, в целостном собственном способе мироотношения, который может быть предметом свободного выбора, творческой трансформации и нравственной самооценки. Именно целостность является той универсалией, которая полуметафорически определялась М. Бахтиным как «мое не-алиби в бытии». Степень реализации человеком этой универсалии может быть разной, но ее не может не быть, поскольку это означало бы распад личности, переход на чисто биологический уровень жизни. В частности, экзистенциальные противоречия, которые растут и углубляются у культурно утонченного человека, вовсе не означают его «нецелостности» как личности, но наоборот, являются результатом мощной внутренней универсальности, которая способна вырабатывать в себе эти противоречия как источник саморазвития.

Рассматривая концепт homo universalis, мы исходим из того, что универсальная сущность человека не отрицается разнообразием культурно-исторических параметров ее бытия, но напротив, раскрывается именно через это разнообразие. Именно многообразие локальных форм опредмечивания человеческой сущ-

ности свидетельствует о ее универсальности, поскольку эти формы являются неисчерпаемыми в своем разнообразии, а человек как родовое существо остается тем же самым. Другое измерение концепта homo universalis – гносеологическое. Можно утверждать, что в человеческом мироотношении всегда имеет место своеобразный «антропный принцип» – в более широком смысле, чем это понятие используется в космологии. Он заключается в том, что объективные характеристики мира и его элементов должны быть такими, чтобы приводить к его пониманию и освоению человеком; и наоборот, сущностные силы человека таковы, что всегда хотя бы в минимальной степени обеспечивают восприятие и практическое освоение объективной реальности. Речь идет о тех характеристиках мира, которые определяются в философии как его «человекомерность». С этой точки зрения, концепт homo universalis фиксирует принципиальный факт онтологической укорененности человеческого бытия в целостной Вселенной, – такой укорененности, которая обеспечивает его воспроизводимость в любых сложных природных и исторических условиях.

В отечественной философской традиции тема поиска принципов человеческой целостности всегда была одной из центральных. В частности, проблема духовного самопознания у Г. Сковороды или гносеология «сердца» П.Д. Юркевича были путями именно к такому целостному знанию, которое синтезирует в себе отдельные познавательные способности человека – ум, волю и интуицию. В свое время «знаковой» для этой темы стала монография В.А. Малахова «Культура и человеческая целостность» (1984), в которой главная интенция всей Киевской философско-антропологической школы, направленная на поиск универсалий человеческого мироотношения, впервые была исследована именно через категорию целостности.

Исследование универсалии человеческой целостности позднее имело яркое

продолжение в работах С.Б. Крымского. Конститутивным принципом личности в его концепции является трансценденция, то есть процесс, который «специфицирует человека как связь разных миров и возможных сфер бытия» (Крымский, 2003: 42). В трансценденции через реализацию высшей человеческой целостности восстанавливается целостность Универсума, а поскольку сама «личность не задана природой, даже в ее сочетании с социальными условиями, но возникает из бунта, тайны, борьбы человека с самим собой» (Крымский, 2003: 35) – то всегда необходимо опосредована «таинством свободы». С.Б. Крымский предложил эвристически плодотворную аналогию между созданием мира, описанным в Книге Бытия, и этапами становления человеческой личности, поскольку последняя «оказывается включенной в мировой процесс творения как его олицетворение», и поэтому являет антропный смысл символики шести дней творения: «1) увидеть свет; 2) противопоставить бездне свой берег, свою землю и небеса веры; 3) найти опору, твердь; 4) дать форму стихиям; 5) засвидетельствовать судьбу тварного мира; 6) получить бессмертную душу. И, наконец, создать паузу в деятельности и заполнить ее воскресным созерцанием итогов. Такова духовная космогония создания личности» (Крымский, 2003: 38). Резюмируя этот ход мысли, можно сказать, что человеческая сущность воспроизводит в себе архетипы образования Вселенной, реализуя принцип единства микро- и макрокосма как высшей формы целостности, которая включает в себя также и преодоление дихотомии субъекта и объекта.

Среди других представителей Киевской антропологической школы эвристическим для нашей темы является и наследие В.Г. Табачковского (1944-2006) – философа, который специально исследовал универсалии человеческого мироотношения и его различные исторические типы, а также понимание сущности человеческой

практики как человекосозидания. По его словам, «росли мы в убежденности, что что бы там ни было, практическое в человеческом мироотношении всегда духовно-практично» (Табачковский, 2006: 19). И в этом контексте в конце концов возникал «фундаментальный вопрос: не существует ли в структуре человеческого мировосприятия области, где личностное и безличностное еще не разделены, не разъединенные прежде всего благодаря тому, что объективно-общие формы мировосприятия, представленные когнитивными его ингредиентами, слиты с некогнитивными, где рациональность не ограничена “чистым разумом”?» (Табачковский, 2006: 19). Соответственно, концепция «полисущностного Ното», развернутая этим философом на широком теоретическом и эмпирическом материале истории культуры, может рассматриваться как реконструкция первоначальной целостности и универсальности человеческого существа, благодаря которым она способна становиться радикально полисущностной в своих способах самореализации в культуре и личностном бытии. Как справедливо отмечает Д.М. Скальская, «онтология человека» В.Г. Табачковского имеет большое эвристическое значение для концептуализации «коллизийности существования человеческого мироотношения и акта самосозидания человека» (Скальская, 2007: 16).

В нашем анализе мы исходим из того, что в основе каждого из конкретно-исторических типов человеческой универсальности лежит определенная модификация универсальной модели человеческого бытия в целом, которая определяет смысловую ориентацию человека в мире. Такой онтологический «сюжет» бытия человека и Вселенной в их единстве можно, пользуясь термином, который был предложен В.Ф. Петровым-Стромским, определить как «основной миф» культуры. Как пишет этот автор, основной миф культуры «разгадывает тайну жизни и закликает ужас вечного повторения, калейдоскопического

разнообразия жизни... принципиально отличается от того, что называют мифологией... Это образ изоморфной причастности ритуальных движений, звуков и ритмов к жизни космических стихий» (Петров-Стромский, 200: 157). «Основной миф культуры» является универсальной внутренней формой человеческого мироотношения, однако наиболее непосредственно он воплощается в традиционной культуре и опосредованно – в посттрадиционной. Его универсальное содержание, независимое от конкретной культурной формы, в которой он может быть «закодированным», может быть представлено определенной схемой. Первой частью «сюжета» в этой схеме будет священная история о том, каким образом всё возникло; об этом рассказывает космогонический миф, который символически разыгрывается в «главном» ритуале данной культуры. Вторая часть схемы (и второй, производный, тип ритуальных действий) представляет собою «вечное повторение подобного» – ее развертывание в пространстве и времени человеческой практики. Ритуалы, таким образом, дают «абсолютное» понимание сути и смысла мироздания и благодаря этому выполняют функцию глубинного смыслового структурирования сознания людей.

Преимственность в передаче «основного мифа культуры» от архаических культур к современным формам и типам культуротворчества исследована на примере становления жанров художественной литературы в работах О.М. Фрейденберг. Как отмечает этот автор, «в первобытной семантике мы вскрываем прежде всего картину мировой жизни, того, что происходит вокруг днем и ночью, на земле и в обществе, под землей и на небе. Эта метафорическая картина остается единой, и она же осмысляет и komponует обряд, бытовой обычай, вещь, действие, слово... То, что сюжет рассказывает своей композицией, то, что рассказывает о себе герой сюжета, есть “автобиография природы”, рождающейся в борьбе, страдающей и терпящей

смерть, чтоб возродиться снова» (Фрейденберг, 1997: 298-299). Универсальный сюжет воспроизведения жизни и победы над смертью (хаосом) в «скрытой» форме содержится и во всех других сферах культуры модерна (в том числе, даже и в научной картине мира). Но на более поздних этапах развития цивилизации, когда непосредственное, то есть «ритуальное» в узком смысле слова, воспроизведение «основного мифа» исчезает, возникает мощный эффект отчуждения от первоначальной осмысленности мира, замещаемой здесь формами социальной и технологической целерациональности.

В простейшем и самом абстрактном виде космогонический миф может быть представлен схемой: Космос-1 (первоначальное состояние бытия) – Хаос (смерть) – Жертва (творческое действие) – Космос-2 (Возрождение). Исследование типов и способов культурного воплощения «основного мифа» может рассматриваться как фундаментальный принцип анализа морфологии культуры и преемственности разных стадий ее развития. Исторически первый тип человеческой универсальности, который можно определить как космоцентрический, – представляет бытие как одушевленный, разумный, имманентный самому себе организм – Космос, за пределами которого ничего нет; а человека – как индивидуальный «сгусток» космических стихий. Этот тип универсализма, присущего первобытному и античному человеку, опирается на синтетическое единство жизни как ритуала, в котором моменты творческой импровизации подчинены сакрализованному правилам.

Выход из состояния родового бытия происходит впервые на стадии возникновения древних цивилизаций Ближнего Востока, Индии, Китая и Средиземноморья, характеризуется появлением трудовой специализации, отделением умственного труда и развитием рефлексии у его представителей – но при сохранении в целом космоцентрического типа личности. Это дало эффект, который К. Ясперс назвал

«осевым временем» истории, поскольку это был период возникновения мировых и национальных религий, форм высокой культуры (философия, искусство, наука), основных социальных институтов (государство, право, рынок) и т.д. Монотеистические религии сформировали в рамках «осевого» типа личности теоцентрический тип универсализма. Его принципиальная специфика заключается в том, что индивидуализация личности здесь становится опосредованным отношением к единому Богу через выполнение Его заповедей, молитвенную практику и перспективу вечной жизни души. Здесь в понятие индивидуальности входят не только и не столько определенные натуральные признаки человека (знания, характер, привычки, способности и пр.), сколько его особая духовная диспозиция в перспективе спасения или гибели души.

Разрушение «осевого» типа личности происходит как следствие индивидуализма эпохи Возрождения и Нового времени. Здесь возникает доминирование индивидуалистического эгоцентризма над космическим измерением человеческого бытия. Вследствие этого такой тип личности теряет органическую связь с обществом, природой и Богом, становясь на путь кризиса и саморазрушения. Трагедии Шекспира, как писал А.Ф. Лосев, выражают особенность этого типа человека, предсказывая его гибель, всегда заканчиваются «горами трупов» (Лосев, 1982: 604). Антропоцентрический тип универсальности, который возникает в условиях техногенной цивилизации, рассматривает мир как объект подчинения и утилизации человеком, бессмысленный и мертвый сам по себе; а человека – как наиболее мощное среди существ, цель которого заключается в эксплуатации окружающей его действительности и своих собственных «сущностных сил». Сначала этот тип выступает как «проект Модерна» – то есть проект человеческого бытия как тотально-деятельностного самоутверждения в подчиненном капризной человеческой воле

мире. Одним из основных измерений этого проекта является стремление человека господствовать над природой, делать ее объектом изучения и силового «укрощения». На следующей стадии своей эволюции, которая представлена уже в «проекте Постмодерна», этот тип в конце концов приходит к проблематизации воспроизведения культурных универсалий человеческого бытия (концепт «пост-человека»).

Первоначальной синкретической формой воспроизводства целостности «жизненного мира» была традиционная народная культура, которая являла его непосредственным образом в устоявшихся формах. Ритуализованность традиционной культуры давала человеку «абсолютное» понимание сути и смысла мироздания в сакрализованных символах бытия. «Внутри» мифа человек чувствует себя властелином универсума, поскольку последний разворачивается как внутреннее пространство его сознания, а само сознание становится всеобъемлющим и бесконечно мощным, охватывающим своими смыслами бытие в целом. Живя «внутри» мифа, человек уже обладает осуществленной полнотой культурно-исторического бытия, хотя при этом внешние формы его культурной самореализации могут быть очень бедными и примитивными с точки зрения внешнего наблюдателя. Однако переход от мифа к внешней целерациональности, который происходит в эпоху модерна, приводит к смысловой катастрофе, разрушению осмысленного «образа мира» и попыткам его восстановления путем мифологизации более поздних культурных форм – науки, искусства, политики и т.д. Но если это не удастся, то человек попадает в смысло-жизненный тупик с суицидальным исходом.

Другим аспектом универсализма традиционной культуры была выработка универсальных признаков «мужского» и «женского», которые активно «размываются» и разрушаются в посттрадиционной цивилизации. В любом обществе существуют два типа функций – продуктивная

и репродуктивная, и они нуждаются в двух отдельных институциональных системах: профессиональной системе и семейной системе. Последние, в свою очередь, требуют двух типов ролей, которые должны иметь своих особых исполнителей, для того чтобы общество успешно функционировало. Профессиональные роли требуют рациональности, самостоятельности и соперничества; семейные роли требуют воспитательных способностей для обеспечения социализации следующего поколения. Традиционные культуры распределяли эти функции между мужчинами и женщинами вполне органично, опираясь на опыт тысячелетий и в соответствии с требованиями религиозной морали. Именно поэтому для современной цивилизации, которая опирается на принцип гендерного равенства, опыт традиционной культуры остается единственным аутентичным источником дифференциации «мужского» и «женского», поскольку современные социокультурные практики делают гендерные роли всё более нивелированными.

Исследования традиционной народной культуры актуализируются в современную эпоху, которая нуждается в возрождении целостного и органического миропонимания современного человека, который хотя и не может вернуться в прошлое, но нуждается в его экзистенциальном опыте в решении собственных проблем, в собственном творческом самовыражении. Традиционная культура является источником мировоззренческого опыта.

Потребность в целостной осмысленности мира является имманентной человеку как разумному и духовному существу – а значит, и в посттрадиционных культурах мы находим культурные явления, выполняющие ту же самую функцию универсализации смыслов, которую ранее выполнял символизм и ритуализм традиционной культуры. В частности, искусство выполняет функцию гармонизации, ценностной универсализации и интеграции жизненных процессов человека посредством их переживания в контексте эстетических качеств

мира. В секуляризованной культуре именно искусство и философия становятся главными универсализирующими средствами мировосприятия и, благодаря этому, средствами трансформации и самосовершенствования личности в соответствии с высшими ценностями, средствами восприятия мира и человека как единого осмысленного целого.

В частности, искусство является одним из наиболее эффективных средств познания универсальных человеческих смыслов, поскольку художественный образ в своей глубине является ни чем иным как определенной экзистенциальной моделью, фиксацией личного человеческого опыта автора в произведении. Художественное произведение является структурным аналогом духовных процессов, экзистенциальных усилий человека, направленных на определение своего места в мире и воспроизведение собственной целостности. Поэтому художественный образ, по формуле А.В. Азархина, является «фиксированным в художественной форме... образом видения человеческого бытия как специфически субъективного способа его проблематизации, о-смысления, о-определения... Ведь до того, как что-то создается человеком, оно уже находится (находит себя) в исторически определенной фактической ситуации бытия, усвоенной им в собственном опыте и раскрытой в его жизнеобразе... Поэтому в творчестве автор не просто отражает что-то и не просто выражает свою эмпирическую субъективность, он, прежде всего, осуществляет свое онтологическое назначение, раскрывает бытие с точки зрения своего незамечаемого местонахождения в мире» (Азархин, 1992: 61). Иначе говоря, художественный образ фиксирует человекомерную качественность сущего (человека во Вселенной) в уникально личностном модуле его восприятия.

Во время своего становления как формы культуры отдельные виды искусства генетически возникали как самостоятельное, автономное развитие отдельных

выразительных средств не только культа («магическое» происхождение искусства), но и вообще ритуализованных форм быта, труда и праздников. В условиях традиционной цивилизации религиозный культ, ритуализованный быт и искусство, которое только начинает свое автономное существование, несут в себе единственный универсальный смысл – предельный смысл человеческого мироотношения, воплощенный в мифообразе мироздания. Но в искусстве он уже почти сразу выражается в секуляризованных, ярко-развлекательных игровых средствах. Например, как показано в известном исследовании М.М. Бахтина, народная карнавальная-смеховая художественная культура воспроизводит мифообраз мироздания в целом как живого и бессмертного общечеловеческого тела. Но и позже, когда искусство становится полностью секуляризованным и автономным, оно не только не теряет своих «мирообразных» измерений, но остается единственным средством воспроизведения целостного миропонимания. Как писал В.Г. Табачковский, «именно через свою способность обращать внимание на те измерения бытия, которые не привлекли бы внимание обычного человека, литератор – особый восприниматель мира. Поэт испытывает радость от красоты любых вещей с того времени, как он почувствовал интуитивно таинственные законы, которые он несет сам в себе. А от него эти таинственные законы простираются ко всем вещам и дают этим вещам одну и ту же жизнь. Художник или поэт затем словно обменивает “свою душу на универсальную душу”, он способен устанавливать коммуникацию с красотой (=сущностью) целого мира» (Табачковский, 2003: 104).

Главной культурной функцией искусства является гармонизация жизненного мира людей в результате эстетической универсализации содержания человеческого бытия, то есть, восприятия и переживания конкретных жизненных ситуаций в их эстетическом модусе – как прекрасных,

трагических, драматических, комических и тому подобное. Названные эстетические качества миропереживания являются инвариантами, которые позволяют нам осваивать жизненный опыт людей других исторических эпох и цивилизаций, делать его неотъемлемой частью собственного личного культурного опыта. Эстетическая универсализация человеческого опыта в искусстве является результатом художественного обобщения содержания неповторимых ситуаций личностного бытия людей. Таким образом, художественное познание является двояко направленным: оно открывает новые качества в самой объективной реальности и тем самым формирует сам субъект, его способности к восприятию мира и самовосприятию. Личностный опыт благодаря художественно-эстетической универсализации приобретает всеобщее, общечеловеческое значение и непосредственно-переживательный характер. Искусство как специфический модус воспроизведения *homo universalis*, кроме того, является также и наиболее доступным способом переживания человеком собственной целостности.

Специфическим, с усложненным специальным понятийным аппаратом и особым типом рефлексии, является осмысление универсальности человека в философии. Однако несмотря на чрезвычайное разнообразие философских направлений, можно определить несколько типичных подходов к тому, как философы понимают универсальную сущность человека. Первым подходом, который является определяющим для всех философских направлений, является универсализация человека как «существа, имеющего разум». Однако, как справедливо писал В.В. Зеньковский, «тождество ума во всех индивидуальных сознаниях делает их “одинаковыми”, но такое объяснение единства человеческого духа достигается ценой того, что это единство оказывается неличностным, имперсональным. Если же усилить принцип индивидуальности, то теряется бесспорность единства разума»

(Зеньковский, 2003: 159). Тем самым, кризис классической философии может пониматься как следствие непреодолимости этой антиномии.

С другой стороны, классический тип философии сохраняет другую важную презумпцию в мышлении о человеке, без которой концептуализация феномена *homo universalis* была бы в принципе невозможной. Это понимание человека как существа, причастного к бесконечности. Эту важнейшую презумпцию А.Ф. Лосев сформулировал в своей последней книге «Дерзание духа» очень просто – так, что она не может не быть приемлемой и понятной для человека с любым мировоззрением. Как пишет этот автор, «уже самая элементарная философия говорит, что мир есть бесконечность и что каждый из нас является частью этой бесконечности, то есть так или иначе несет на себе ее печать. Правда, бесконечность нельзя охватить, но зато к ней можно вечно стремиться... Но если конечная вещь, поскольку она является частью мироздания, отражает на себе бесконечность, такая вещь, согласитесь, есть определенного рода чудо... Если сама действительность есть сплошное чудо, то и я как ее частный момент тоже чудо, тоже иду в бесконечную даль, почему я и переживаю свой труд как радость» (Лосев, 1988: 308; 310). Возможно, что цитируемые формулировки являются лучшим определением того, что лежит в основе понимания человека как *homo universalis*.

Среди неклассических подходов наиболее распространенными и продуктивными являются следующие. Во-первых, это концептуализация универсальности человека с помощью категории практики в том ее специфическом понимании, которое сложилось в марксизме. Здесь универсальность человека определяется как производная от «конкретно-всеобщего» характера практики, которая является единством освоения мира и самопреобразования человека, формируя универсальные способы жизнедеятельности. Во-вторых, это кон-

цептуализация универсальности через феномен языка в его онтологизованном понимании, в соответствии с которым язык является основой мышления и вообще любой целесообразной деятельности (В. фон Гумбольдт), или даже «домом бытия», который хранит человеческую сущность (М. Хайдеггер). Такое понимание легко наталкивается на внутренние противоречия (гипотеза Сепира-Уорфа). В-третьих, это «психоаналитическая» идея универсальности человеческой сущности в сфере единых для всех «архетипов». В обоих последних случаях личностный модус бытия человека практически полностью нивелируется и обесценивается, и поэтому такой способ универсализации является, на наш взгляд, мнимым.

Особым основанием в XX веке стала активная разработка категории «личности» как онтологической основы человеческой универсальности. Это происходило не только в философских направлениях, которые получили общее название «персонализм», но также и в массовом культурном сознании. Если посмотреть на «неклассические» подходы, упомянутые выше, нельзя не заметить явного «логического круга» в определении универсальности человеческого существа, которое они предлагают. Например, практика имеет конкретно-всеобщий характер потому, что ее субъектом является человек как носитель универсальных «сущностных сил», которые она «опредмечивает». Однако почему мы считаем, что человек как существо является именно таким? Исключительно по факту такой практики и т.д. Можно называть это «диалектикой», однако это ничего не меняет: всё равно оказывается полная логическая пустота именно там, где должна быть основа понимания сущности человека, которая бы одновременно пояснила и его бытие как универсальность, и его деятельность как «практику». В остальных из названных подходов также присутствуют подобные «логические круги». Когда же вводится категория «личности» в ее чисто философском смысле, то эта категория по-

стулирует особый онтологический статус человеческого бытия, конкретные проявления которого (ум, практика, язык и т.д.) оказываются необходимыми эмпирическими экспликациями такого статуса.

Следовательно, категория «личности» выполняет функции того, что Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали «концептом» – базовой ментальной структуры, которая конституирует саму предметность философского мышления, в данном случае – мышления об универсальной сущности человека. Категория «личности» стала уже настолько привычной, что трудно задумываться над ее собственными смысловыми предпосылками. Известно, например, что античная философия не знала такой категории вообще, в Средние века она выступала под другими именами, и только в Новое время постепенно приобретает тот смысл, который мы знаем сейчас. Отсюда возникает определенный парадокс: ведь, с одной стороны, категория «личности» имеет известное историческое происхождение, а с другой – претендует на статус универсальной онтологической константы, которая постулирует особый статус человека как существа. Очевидно, что эта категория фиксирует в нашем сознании нечто такое, что никоим образом не зависит от самого ее наличия в нашем мышлении и является действительно самым существенным в человеке. Как это было показано В. Зеньковским, а также другими авторитетными философами XX века, предельным смыслом этой категории, из которого она исторически возникла, является христианское откровение об «образе Божиим» в человеке. Поэтому даже и в том случае, когда категория «личности» употребляется в сугубо секулярном и даже атеистическом смысле, всё равно сама способность видеть в человеке то, что мы называем «личностью», не могла бы вообще возникнуть без опыта библейского откровения – и продолжает воспроизводиться в культуре даже и после того, как этот опыт был забыт. Действительно, наличие «личности» в человеке никоим образом

нельзя вывести из наличия у него разума, «практики», языка и тому подобного. Всё это есть только всеобщности, которые хотя и предусматривают необходимое наличие «личности» для собственного существования, но сами ее не образуют. Откуда же она берется?

Конечно, можно постулировать наличие в человеке личности как определенной онтологической константы просто в качестве *causa sui*. Но можно и постулировать, что личность является онтологически производной – не от собственных эмпирических проявлений (разум, практика, речь...), но от чего-то онтологически высшего, чем сам человек. В этом случае ничего, кроме откровения о человеке как «образе Божиим» здесь не остается. В свое время В. Зеньковский, исходя из классической проблемы «единства разума», объяснял явленность и действие «образа Божьего» в человеке следующим образом: «Единство разумности, – писал он, – обусловливается не единством сверхиндивидуальных, трансцендентальных функций, которые стоят вне эмпирической ткани личности, – это единство обусловливается единством и тождеством того “предмета”, на который направлено наше духовное зрение... Мы смотрим в тварную Бесконечность, в идеальную основу мира, мимо которой нам не дано пройти к Абсолютному, потому что мы в ней находимся, в ней живем. Это значит, что мы являемся “единственными” не только с человечеством, но и со всем Космосом, с его софийной основой... Индивидуальность не может оторваться от этой космической основы, она идет к Богу сквозь Космос, идет с ним к Богу – и именно поэтому в духовной жизни в нас рождается единство разумности в нас, рождается разум. Образ Божий становится умом, волей, в которых мы видим проявления и объективации духовной жизни в нас» (Зеньковский, 2003: 160).

Понятно, что такое понимание предельного смысла универсальности челове-

ка уже не может быть лишь продуктом спекуляций «чистого разума», но возникает только при условии интенсивного «духовной жизни в нас», о которой и говорит В. Зеньковский. Однако совесть философствующего ума заставляет его без остановок пройти весь логически последовательный путь осмысления нашей сущности – вплоть до этого пункта, за которым сам разум уже недостаточен и открыт действию духовного Откровения.

Проведенный анализ поставленной проблемы позволяет сделать следующие обобщающие выводы: 1) в основе человеческой универсальности лежит воспроизведение в культуре универсальной модели бытия в целом, которая определяет смысловую ориентацию человека в мире; 2) эту модель можно определить как «основной миф» культуры, который соответствует символической схеме победы Жизни над Смертью; 3) типы универсальности человека, к которым следует отнести космоцентрический, теоцентрический и антропоцентрический, являются экзистенциально-смысловой основой типов культуры, которые по-разному воспроизводят ее «основной миф»; 4) спецификой воспроизведения «основного мифа» культуры в искусстве является гармонизация жизненного мира людей в результате эстетической универсализации содержания человеческого бытия; 5) суть философского понимания человека как *homo universalis* всегда заключается в определенной концептуализации феномена личности: либо через категорию «ума» или ее «неклассические» производные (практика, речь, архетип «самости» и др.), либо непосредственно через максимальную смысловую нагрузку категории «личности», которая восходит к христианскому догмату о человеке как «образе Божиим», но затем может выражаться в самых различных формах.

Литература

Азархин, А.В. Духовная жизнь человека и художественно-образные структуры

искусства // Искусство: художественная реальность и утопия / Под ред. В.И. Мазепы. К.: Наукова думка, 1992. С. 59-71.

Божович, Е.Д. Гармоническая личность: структура, механизмы развития, индивидуальные различия // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 91-98.

Горелов, А.А. Расщепленный человек в расщепленном мире. М.: Знание, 1991. 64 с.

Горелов, А.А., Горелова, Т.А. «Расщепленный» человек и идея всеединства // Человек. 2004. № 5. С. 39-46.

Горелов, А.А., Горелова, Т.А. Самотворчество как протестный потенциал духовной культуры // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 148-170

Зеньковский, В.В. Об образе Божиим в человеке // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 140-161.

Кримський, С.Б. Запити філософських смислів. К.: Вид. ПАРАПАН, 2003. 240 с.

Лановенко, О.П. Научно-технический прогресс и природа искусства // Взаимодействие науки и искусства и творчество художника / Ред. В.И. Мазепа. К.: Наукова думка, 1988. С. 69-89.

Лосев, А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.

Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Искусство, 1982. 623 с.

Петров-Стромский, В.Ф. Три эстетики европейского искусства // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 152-164.

Скальська, Д.М. Ідеї до проекту побудови «естетичної антропології» // Актуальні філософські та культурологічні проблеми сучасності. Зб. наук. праць. Вип. 18. К.: Вид. КНЛУ, 2007. С. 7-16.

Табачковський, В.Г. Життєвий світ людини і пізнання: персоналістична інтерпретація // Філософська думка. 2006. № 2. С. 7-21.

Табачковський, В.Г. Чи може феноменолог «зрадити» філософії заради літе-

ратури? // Філософська думка. 2003. № 2. С. 97-109.

Флиер, А.Я. Универсалии культурные // Культурология. XX век. Словарь / Под ред. М.С. Кагана. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 483-485.

Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Шведов, М.Ш. Человек как незавершенная завершенность // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 177-180.

References

Azarhin, A. V. (1992), "Spiritual life of a person and artistic and figurative structures of art", *Iskusstvo: hudozhestvennaja real'nost' i utopiya* [Art: artistic reality and utopia], in Mazepa, V.I. (ed.), Naukova dumka, Kyiv, Ukraine, 59-71 (in Ukr.).

Bozhovich, E. D. (2019), "Harmonic personality: structure, mechanisms of development, individual differences", *Cultural-Historical Psychology* [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya], 15 (2), 91-98 (in Russ.).

Flier, A. Ja. (1997), "Cultural universals", *Kul'turologija. 20th vek. Slovar'* [Culturology. Of the twentieth century. Dictionary], in Kagana, M.S. (ed.), Univ. kniga, Saint-Petersbourg, 483-485 (in Russ.).

Frejdenberg, O. M. (1997), *Pojetika sjuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre], Labirint, Moscow, Russia (in Russ.).

Gorelov, A. A. (1991), *Rasshheplennyj chelovek v rasshheplennom mire* [A split man in a split world], Znanie, Moscow, Russia (in Russ.).

Gorelov, A. A. and Gorelova, T. A. (2004), "The "split" man and the idea of unity", *Chelovek* [Human], (5), 39-46 (in Russ.).

Gorelov, A. A. and Gorelova, T. A. (2019), "Creativity itself as a protest potential of spiritual culture", *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of the Moscow humanitarian University], (1), 148-170 (in Russ.).

Krims'kij, S. B. (2003), *Zapiti filosofskih smisliv* [Requests for philosophical meanings], PARAPAN, Kyiv, Ukraine (in Ukr.).

Lanovenko, O. P. (1988), "Scientific and technical progress and the nature of art", *Vzaimodejstvie nauki i iskusstva i tvorchestvo hudozhnika* [Interaction of science and art and the artist's creativity], in Mazepa, V.I. (ed.), Naukova dumka, Kyiv, Ukraine, 69-89 (in Ukr.).

Losev, A. F. (1982), *Jestetika Vozrozhdenija* [The Renaissance Aesthetic], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Losev, A. F. (1988), *Derzanie duha* [Daring of the spirit], Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Petrov-Stromskij, V. F. (2000), "Three aesthetics of European art", *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy], (10), 152-164 (in Russ.).

Shvedov, M. Sh. (2004), "Man as incomplete completion", *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy], (2), 177-180 (in Russ.).

Skal's'ka, D. M. (2007), "Ideas for the project of building 'aesthetic anthropology'", *Aktual'ni filosofsk'i ta kul'turologichni problemi suchasnosti. Zb. nauk. prac'* [Current philosophical and cultural problems of our time. Collection of proceedings], 18, KNLU, Kyiv, Ukraine, 7-16 (in Ukr.).

Tabachkovs'kij, V. G. (2003), "Can a phenomenologist "betray" philosophy for the sake of literature?", *Filosofs'ka dumka* [Philosophical thought], (2), 97-109 (in Ukr.).

Tabachkovs'kij, V. G. (2006), "The life world of man and knowledge: a personalistic interpretation" *Filosofs'ka dumka* [Philosophical thought], 2. 7-21 (in Ukr.).

Zen'kovskij, V. V. (2003), "About the image of God in man", *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy], (12), 140-161 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2, г. Луганск, 91011, Луганская Народная Республика; vera_darenskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vera N. Darenskaya, PhD of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Lugansk Taras Shevchenko National University, 2 Oboronnaya St., Lugansk, 91011, Lugansk People's Republic; vera_darenskaya@mail.ru

УДК 008.001

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-6

Коровина О. В.

Дневник как практика культурно-исторической рефлексии
(инициативы А. В. Никитенко)

Пушкинская библиотека-музей Централизованной библиотечной системы г. Белгорода,
ул. Ватутина, д. 4, г. Белгород, 308013, Россия; *olga-helga.1987@yandex.ru*

Аннотация. В настоящее время наблюдается рост внимания научного мира к изучению автобиографических жанров. Такой интерес обусловлен тем, что автобиографии позволяют исследовать самосознание человека через свидетельства о себе без посредников в разных аспектах, применяя различные методы гуманитарных наук. Большая ценность дневника профессора Санкт-Петербургского университета, действительного члена Академии наук, цензора Александра Васильевича Никитенко как источника исторических сведений признана давно. В двухтысячных годах ученые, признав историографический подход к дневнику Никитенко недостаточным, стали изучать его с литературоведческих позиций; культурно-философский же подход к этому личному документу еще не найден. В исследовании, представленном в статье, использовались сравнительно-исторический, историко-культурный, герменевтический и онтологический подходы и методы. Дневник А.В. Никитенко занимает особое положение в обширном корпусе российской дневниковой литературы. Это культурно-историческая рефлексия на общественную жизнь XIX века и осмысление своего места в этой жизни. Рефлексия внутренней жизни автора дневника не выходит за пределы обозначенной им самим доктрины и является отражением собственных реакций и установок на всё ту же жизнь общественную.

Ключевые слова: дневник; А.В. Никитенко; автобиография; русская литература XIX в.; культурно-историческая рефлексия; общественная жизнь в России XIX века.

Для цитирования: Коровина О. В. Дневник как практика культурно-исторической рефлексии (инициативы А.В. Никитенко) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 59-65. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-6

O. V. Korovina

Diary as a practice of cultural-historical reflection
(initiatives of A. V. Nikitenko)

Pushkin Library-Museum of the Centralized Library System of Belgorod, 4 Vatutin St.,
Belgorod, 308013, Russia; *olga-helga.1987@yandex.ru*

Abstract. Currently, there is a growing attention of the scientific world to the study of autobiographical genres. This interest is due to the fact that autobiographies allow the researcher to study a person's self-consciousness through evidence about themselves without intermediaries in different aspects of the humanities, using different approaches and methods. The great value of the diary of a Professor of St. Petersburg

University, a full member of the Academy of Sciences, censor Alexander V. Nikitenko as a source of historical information has long been recognized. In the 2000-s scientists began to study it from literary positions, recognizing that the historiographical approach to the diary of Nikitenko was insufficient. But the cultural and philosophical approach to this personal document has not yet been found. The study presented in the article used comparative-historical, historical-cultural, hermeneutic and ontological approaches and methods. The diary of Alexander Nikitenko occupies a special position among the vast body of Russian diary literature. Nikitenko's diary is an extensive cultural and historical reflection on the social life of the 19th century and understanding of its place in this life. The reflection of the inner life does not go beyond the doctrine indicated by the author himself and is a reflection of his own reactions and attitudes to the same social life.

Keywords: diary; Alexander V. Nikitenko; autobiography; Russian literature of the 19th century; cultural and historical reflection; Russian public life in the 19th century

For citation: Korovina O. V. (2020), "Diary as a practice of cultural-historical reflection (initiatives of A.V. Nikitenko)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 59-65, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-6

Дневник профессора Санкт-Петербургского университета, действительного члена Академии наук, цензора Александра Васильевича Никитенко занимает особое положение среди обширнейшего корпуса российской дневниковой литературы. Помимо значительной историко-культурной ценности, он осознается учеными как образец литературного жанра и культурно-исторической рефлексии, которая, применительно к автобиографической прозе Никитенко, еще нуждается в изучении.

Прежде чем стать практикой культурно-исторической рефлексии, дневниковая форма повествования прошла долгий путь длиною в несколько столетий. Осуществляя культурно-исторический обзор развития автобиографизма, мы не используем жесткое жанровое разграничение мемуаров, дневников, воспоминаний и автобиографий. Обобщая эти жанры в единый документальный массив автобиографической литературы, мы применяем по отношению к нему понятие «мемуаристика», а также вошедшие в научный обиход сравнительно недавно понятия «эго-документы» и «личные документы».

Исследователь жанра дневника О.Г. Егоров считает его прообразом «Размышления» римского императора Марка Аврелия (Егоров, 2002). О близости этого

произведения к дневниковому жанру говорит его ориентированность на внутреннее «я», однако «Размышления» не содержат описания событий внешней жизни, которые характерны для дневникового жанра в традиционном его понимании. В данном исследовании мы не будем касаться автобиографических моментов в сочинениях авторов европейского средневековья (Аврелий Августин, Пьер Абеляр), но обратимся к дневниковой практике культурно-исторической рефлексии на русской почве.

Минимальные элементы автобиографического характера исследователи находят уже в литературных образцах Древней Руси, однако религиозное мировоззрение древнерусского человека противоречило публичному высказыванию личных переживаний и мнений. Тщательное изучение летописных сводов может обнаружить личный взгляд автора в них на те или иные события, но это – исключение из правил. Как отмечал Д.С. Лихачев, безличностный характер средневекового исторического повествования, довлевший в древнерусской литературе, препятствовал развитию мемуаристики (Лихачева, Лихачев, 1971: 52-70). Известный исследователь древнерусской литературы Н.К. Гудзий первыми образцами автобиографического повество-

вания на русской почве называет «Поучение Владимира Мономаха» (XII в.) и «Житие протопопа Аввакума» (XVII в.), в котором сочетаются жанр духовного завещания, исповеди и проповеди. Мотивы и цели, побуждающие к созданию собственного жизнеописания древнерусского человека и новоевропейской личности, были принципиально различны (Гудзий, 1934). «Там, где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования, возникает первая существенная словесной объективации жизни исповедь» – пишет М.М. Бахтин – «В самоотчете-исповеди нет героя и нет автора, ибо нет позиции для осуществления их взаимоотношения, позиции ценностной вневходимости; герой и автор слиты воедино» (Бахтин, 1979: 124).

Петровские преобразования русского общества способствовали усилению светскости русской литературы и смене мировоззренческих позиций, что привело к формированию автобиографизма и проникновению его в жанры путевых заметок и дневников, духовных завещаний, исповедей, а также к развитию мемуарного жанра. Предметом, достойным изображения, становится уже не только героический подвиг, историческое событие или жизнеописание выдающегося деятеля, но и личные переживания выходца из любого сословия. Автор XVIII века уже видит ценность человеческой личности, ее жизненного опыта и фиксации событий текущей жизни. Однако автобиографическая литература XVII века гораздо менее обширна, чем литература века XIX-го. 153 произведения мемуаристики за восемнадцатое столетие находит известный исследователь этого жанра А.Г. Тартаковский (Тартаковский, 1997: 183). Всеобщая установка петровского общества на «государственное служение» и «общую пользу» противоречила установке на индивидуализацию личности и отражению этого процесса в литературе. Для мемуариста XVIII в. его личная история неотделима от семейной истории, истории рода и предков. Обнаружение многих поколе-

ний позади себя занимало значительное место в содержании мемуарных произведений того времени. Во второй половине XVIII в. авторы личных документов целью их создания видят укрепление семейных связей и традиций. Среди предполагаемых читателей эго-документа лишь члены семьи и потомки автора, но никак не посторонние лица, поэтому установка на публикацию личного документа при жизни автора отсутствовала.

Уже в начале XIX в. взгляд авторов на создание личных документов меняется: в написание автобиографических сочинений вкладывается новый, не обнаруживающийся ранее смысл. Это и стремление к осознанию своей личности в ходе истории, и стремление к самопознанию, и ряд других психологических потребностей, подробно описанных в книге О.Г. Егорова «Русский литературный дневник XIX в. История и теория жанра» (2003). Изменению отношения образованного общества к личным документам способствовала активизация общественной жизни во всех сферах, связанная с надеждами на новые либеральные реформы Александра I.

Подчеркивая историзм мемуаристики первой половины XIX в., А.Г. Тартаковский делает акцент на развитии исторического сознания общества и слиянии биографии автора с историческим процессом. Учеными выделяются и другие факторы, способствующие расцвету дневникового жанра в XIX в.: это и высокий уровень письменной культуры, и рост образования (см.: Тартаковский, 1997). Дневник становится выражением творческих потребностей и инструментом формирования литературного слога для начинающих литераторов. По справедливому замечанию О.Г. Егорова: «Дневник перестает быть элементом частной жизни и литературного быта и становится частью литературного процесса» (Егоров, 2002: 68).

Разделяя биографии на ориентированные на поддержание общепринятых норм и представлений о человеческом благе и те, внутри которых проблематизируются прежние ценности и задаются новые идей-

ные представления о благе, Д.Я. Калугин подчеркивает, что второй «вид жизнеописаний становится актуальным в эпохи, когда возникает необходимость рефлексии над собственным опытом, а жизнь утрачивает однозначность и предзаданность» (Калугин, 2006: 180). Дневниковая биография А.В. Никитенко, в силу прогрессивных взглядов ее автора и жизненных ситуаций, в которых он оказывался благодаря своему деятельному отношению к жизни, вне всяких сомнений должна быть отнесена ко второму типу биографий, выделяемому Калугиным.

Автодокументальная проза А.В. Никитенко состоит из созданной в 1851 году «Моей повести о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был» и Дневника, который Александр Васильевич вел с 1825 по 1877 годы. Начиная изучение конкретных образцов автобиографической литературы, следует конкретизировать их жанровые особенности. Если «Моя повесть...» создавалась Никитенко на основе воспоминаний о детских и юношеских годах и вследствие временной удаленности от описываемых событий может быть отнесена к мемуарному жанру, то дневник создавался Александром Васильевичем синхронно с происходящим в жизни в то время, когда в России «сформировались все основные жанровые особенности дневника» (Егоров, 2002: 69). Большая ценность дневника Никитенко как источника исторических сведений признана уже очень давно. В двухтысячных годах ученые, признав, историографический подход к дневнику Никитенко недостаточным, стали изучать его, прежде всего, с литературоведческих позиций (И.И. Кулакова, О.Г. Егоров), культурно-философский же подход к этому личному документу еще не найден.

Один из первых вопросов, который непременно возникнет перед исследователем дневника конкретного человека – цель и причины его создания. О.Г. Егоров, осуществляя классификацию дневников, выделяет группу дневников, которая служит «заместителем тех содержаний психики,

которые по той или иной причине не могут быть выражены другим способом», а также дневников, созданных в условиях, «связанных с лишением свободы их авторов», – в этом случае они также обладают «заместительной» функцией (Егоров, 2002: 5-6). Продолжением этой мысли будет являться высказывание профессора В.К. Кантора. Рассуждая о личности А.В. Никитенко, он пишет: «Есть люди, остающиеся в истории как яркие звезды совсем не благодаря той деятельности, которая была у всех на виду, а наоборот тем, что делалось для души, наедине с самим собой, где человек был *абсолютно свободен*» (курсив мой. – О.К.) (Кантор, 2006: 111-112). Стремление к свободе самовыражения, постоянный (пожизненный) поиск свободы – не это ли одна из причин ведения Александром Васильевичем дневника на протяжении почти шестидесяти лет, начиная с четырнадцатилетнего возраста и заканчивая предпоследним днем жизни? Рожденный в крепостной неволе, ставший служителем самой «несвободной» сферы службы – цензуры, сам, по сути, ставший ограничителем свободы выражения на страницах печати для многочисленных творцов русского литературного слова, но при этом стремившейся к совершенствованию цензурной системы изнутри, в своем личном документе, может быть, единственном своем «свободном» документе, выразил стремление к освобождению личности от внешних и внутренних оков. В 1827 году, когда студенту Императорского Санкт-Петербургского университета Александру Никитенко в числе двадцати лучших студентов предложат отправиться в Берлин для «усовершенствования их познаний с тем, чтобы, возвратясь, они могли занять профессорские кафедры» (трудиться затем в качестве профессора 14 лет – было обязательным условием этой поездки), автор дневника запишет: «не могу примириться ни с чем, что хоть сколько-нибудь отзывает закрепощением себя. Раны от неволи еще слишком свежи во мне для того, чтобы я добровольно согласился

еще раз испытать ее на себе, хотя бы и в смягченном и облагороженном виде. Соблазн усовершенствоваться в Германии, конечно, велик, но я предпочитаю свободно располагать своей будущностью в России» (Никитенко, 1955а: 61-62). Уже в 1875 году: «Единственный оплот против внутренних колебаний и разных страхов, против всяких мелочей и дрязг ежедневных – это *внутренняя свобода*» (Никитенко, 1956: 339). Концепт «свободы» личной, к которой столь равнодушно относился Никитенко, и свободы как общественно-правовой категории проходит через весь его дневник. Присутствуют в дневнике и замечания, указывающие не только на личную несвободу, но и несвободу дворянского общества, а порой и на противоречие понятий свободы и общества: «общество это в полной зависимости от известных, временно преобладающих условий», «ты хочешь быть свободен – так ты в войне с обществом» (Никитенко, 1955: 126).

В статье «Горчащий привкус ума» В.Л. Глазычев отмечает редкостную способность Никитенко к рефлексивному анализу, «обращенному как на внешние события, в силу чего он умел видеть существо явлений, не обманываясь их упаковкой, так и на самое себя, не принижая своих усилий, но и не страдая головокружением от собственной значительности» (Глазычев 2006). О.Г. Егоров отказывает Никитенко в рефлексии «в смысле скрупулезного анализа душевной жизни, свойственный интроверту» (Егоров, 2002: 82). И с этими обоими утверждениями трудно не согласиться.

С одной стороны, Дневник А.В. Никитенко – это фиксация событий общественной жизни и обнаружение себя в этих событиях. Сферу личных переживаний, семейной жизни Александр Васильевич практически не затрагивает. Запись, завершающая фиксацию событий 1833 года: «Вот уже месяц, как я женат» (Никитенко, 1955а: 130). Эта предельно лаконичная фраза воспринимается очень неожиданно, поражает своей краткостью и отсутствием описания каких бы то ни было деталей

этого важного события, дневник затем прерван на четыре месяца, возобновлен 1 января. Начинать год с дневниковой записи было характерно для А.В. Никитенко.

Культурно-историческая рефлексия в дневнике А.В. Никитенко осуществлялась, главным образом, над областью общественной жизни России, государственной службы, цензурного дела, процессом образования и преподавания в высших учебных заведениях. И в то же время автор Дневника четко видит и фиксирует свою личность в этих институциях, называя себя доктринером и следуя выработанной им концепции как во внешней, так и во внутренней жизни. Не случайно ученые В.К. Кантор и О.Г. Егоров, вслед за Д.С. Мережковским, сравнивают Никитенко с мыслителями-стоиками. Александр Васильевич на страницах дневника обозначает свое понимание высших достоинств человека: стойкость, самообладание, мужество. Он упорно стремится к достижению этих состояний, по собственному признанию, чуть ли не с детства многократно афористично фиксируя их в дневнике, как самовнушение, как девиз.

«*Самообразование, непрерывное самоусовершенствование, внутреннее самоустройство* в видах возможного умственного и нравственного возвышения – вот великая задача, вот труд, который стоит величайших усилий (1854 г.) (Никитенко, 1955а: 396). «Самая необходимая вещь для человека – *самообладание*» (1857 г.) (Никитенко, 1955а: 460), «всё, чем человек укрощает свои страсти и возвышается до *самообладания, самоуправления*, до высшего понимания себя и своей жизни (Никитенко, 1955б: 144) «*Возделывай разумно самого себя* – вот истинная задача духа». (1862 г.) (Никитенко, 1955а: 303). *Сдержанность, мужество, самообладание*. Не вызывай на бой судьбы, не рисуйся перед ней своею храбростью – это глупо, а покоряйся и терпи с достоинством мужа и человека и с уверенностью философа, что жизнь вовсе не заслуживает той важности, какую мы ей даем». (1863 г.) (Никитенко, 1955б: 310). «Держись крепче за что-нибудь, да, держись, чтобы вот этот

прилив и напор темных мыслей не увлек тебя в бездну. *Характер, нравственное самообладание, свобода* – ведь это те старые ступени, на которых ты думал всегда основать и утвердить себя: неужели они сгнили и подломились?» (1864 г.) (Никитенко, 1955а: 469). «*Самопознание, самообладание, самоуправление* – какие трудные и какие необходимые задачи для человека, стремящегося к самоусовершенствованию!» (1868 г.) (Никитенко, 1956: 134). «Работая над самим собою, я всё еще стараюсь расширять круг моих понятий, пополнять кое-какие мои познания, а главное – обставлять мой характер укреплениями так, чтобы в него не могли проникать и его колебать никакие внешние враждебные влияния. В поведении *самообладание и сдержанность*» (1872 г.) (Никитенко, 1956: 253-254). Одна достойнейшая цель мыслящего человека – это *нравственное самообразование и образование характера*. К этому стремился целую мою жизнь, и хотя, конечно, не успел далеко удовлетворить идеалу того и другого, однако я не могу упрекать себя за эту односторонность и теперь остаюсь при том убеждении и при тех же усилиях (Никитенко, 1956: 292-293).

Автор описывает в дневнике свои наблюдения светской и культурной жизни, образовательного процесса и результаты своей деятельности в преподавательском деле. Записи, завершающие 1841 год, открывают череду пессимистических рассуждений, связанных в первую очередь с положением дел цензуры, образования и общественной жизни: «Проклято время, где существует выдуманная, официальная необходимость моральной деятельности без действительной в ней нужды, где общество возлагает на вас обязанности, которые само презирает...» (Никитенко, 1955а: 240). Эта позиция прослеживается на протяжении всего дневника.

Распоряжения правительства, любые изменения, происходящие в области цензуры Никитенко фиксирует в дневнике даже не находясь в должности цензора. После пятнадцатилетней цензурной практики он становится теоретиком цензуры, про-

должает участвовать в цензурной жизни уже в качестве члена различных комитетов по цензуре и книгопечатанию, а также составителя изменений к цензурным уставам и инструкции для цензоров. Не изменив своим либеральным позициям, уже в конце дневника, не проводя подробный анализ своей многолетней цензурной деятельности, автор противопоставляет «запретительные меры» правительства своей «защитительной» работе в области цензурного законодательства (Березина, 2000: 60-84). Рефлексии Никитенко по поводу культурных, литературных и образовательных процессов безусловно представляют не меньший интерес, чем осмысление им цензурной деятельности. Но их анализ – это предмет отдельного исследования.

Дневник Никитенко – это обширная культурно-историческая рефлексия общественной жизни XIX века и осмысление своего места в этой жизни. Рефлексия внутренней жизни постоянно присутствует, но не выходит за пределы обозначенной самим автором доктрины и является отражением собственных его установок на жизнь общественную.

Литература

Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Смысловое целое героя // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 9-190.

Березина, В.Г. «У мысли стоя на часах...: Цензоры России и цензура». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 259 с.

Глазычев, В.Л. «Горчащий привкус ума» [Электронный ресурс] URL: http://www.glazychev.ru/publications/reviews/2006-03_gor4aschy_privkus_uma.htm (Дата обращения: 5.06.2019).

Гудзий, Н.К. Комментарий // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [М.]: Academia, 1934. С. 371-474. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/avvakum/texts/a34/a34-371-.htm> (Дата обращения: 01.0.2019).

Егоров, О.Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование. М.: Флинта, Наука, 2002. 288 с.

Калугин, Д.С. Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного

лица к истории общества // История и повествование. Под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. Москва-Хельсинки: Новое литературное обозрение. 2006. С. 178-195.

Кантор, В.К. А. В. Никитенко: русский либерал как наследник петровских реформ // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 111-112.

Лихачева, В.Д., Лихачев, Д.С. Своеобразие древнерусской литературы // Художественное наследие Древней Руси и современность. Л.: Наука, 1971. С. 52-70.

Никитенко, А.В. Дневник в 3 т. / [Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока]. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 541 с.

Никитенко, А.В. Дневник в 3 т. / [Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока]. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. 650 с.

Никитенко, А.В. Дневник в 3 т. / [Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока]. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1956. 581 с.

Тартаковский, А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археологический центр, 1997. 356 с.

References

Bakhtin, M. M. (1979), "Avtor i geroj v esteticheskoj deyatelnosti. Smyslovoe celoe geroya" [Author and hero in aesthetic activity. The semantic whole of the hero], *E'stetika slovesnogo tvorchestva* [Estetika of verbal creativity], *Iskusstvo*, Moscow, Russia, 9-190 (in Russ.).

Berezina, V. G. (2000), *U mysli stoya na chasax...: Cenzory` Rossii i cenzura* [Stand guard over thoughts...: Russia's Censors and censorship], Publishing house of Petersburg University, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Egorov, O. G. (2002), *Dnevniki russkikh pisatelej 19 veka: Issledovanie*. [Diaries of Russian writers of the 19th century: Study.], Flinta, Moscow, Russia. 177 pp. (in Russ.).

Glazychev, V. L. (2006), *Gorchashchij privkus uma* [Online] URL:http://www.glazychev.ru/publications/reviews/2006-03_gor4aschy_privkus_uma.htm (Accessed: 5 June, 2019).

Gudziy, N. K. (1934), *Kommentarij in: Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya* [The life of Protopope Habakkuk himself and his other writings] [Online] URL: [\[web.ru/feb/avvakum/texts/a34/a34-371-.htm\]\(http://web.ru/feb/avvakum/texts/a34/a34-371-.htm\) \(Accessed: 1 June, 2019\).](http://feb-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Kalugin, D. S. (2006), "Russian biographical narrative of the twentieth century: from the biography of an individual to the history of society", *Istoriya i povestvovanie* [History and storytelling], in Obatnin, I.P. (ed.), *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow-Xel` sinki, Russia, 178-195 (in Russ.).

Kantor, V. K. (2006), "A.V. Nikitenko: Russian liberal as heir to Peter's reforms", *Voprosy Filosofii* [Question of Philosophy], 11, 111-112 (in Russ.).

Likhachyova, V. D. and Likhachyov, D. S. (1971), "The originality of old Russian literature", *Khudozhestvennoe nasledie Drevnej Rusi i sovremennost`* [Artistic heritage of Ancient Russia and modernity], Nauka, Leningrad, Russia, 52-70 (in Russ.).

Nikitenko, A. V. (1955), *Dnevnik v 3 tomakh. T. 1* [Diary in 3 vol.], in Aizenshtok, I.Ya. (ed.), 1, Goslitizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Nikitenko, A. V. (1955), *Dnevnik v 3 tomakh. T. 2* [Diary in 3 vol.], in Aizenshtok, I.Ya. (ed.), 2, Goslitizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Nikitenko, A. V. (1956), *Dnevnik v 3 tomakh. T. 3* [Diary in 3 vol.], in Aizenshtok, I.Ya. (ed.), 3, Goslitizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Tartakovsky, A. G. (1997), *Russkaya memuaristika i istoricheskoe soznanie XIX veka*. [Russian memoirs and historical consciousness of the 19th century], Arxeograficheskiy centr, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Коровина Ольга Вячеславовна, заведующая музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея Централизованной библиотечной системы г. Белгорода, ул. Ватутина, д. 4, г. Белгород, 308013, Россия; olga-helga.1987@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga V. Korovina, Head of the Museum Department of the Pushkin Library-Museum of the Centralized Library System of Belgorod, 4 Vatutin St., Belgorod, 308013, Russia; olga-helga.1987@yandex.ru

УДК 82.091

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-7

Адыгезалова М. Н.

**Синтез: к истории и литературно-философским
контекстам понятия**

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура, ул. Университетская, д. 129,
г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан;
adimelek@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения термина «синтез», его видовой характеристике, вкладу ученых, исследователей, литераторов, поэтов и писателей в изучение данного вопроса. Особое внимание обращено на использование данного термина в искусстве, где среди разновидностей синтеза выделяют жанровый синтез, художественный синтез, универсальный синтез, западно-восточный синтез и синтез литературных традиций. Автор делает попытку прояснить синтез литературных традиций.

Ключевые слова: синтез; виды синтеза; синхронический аспект; диахронический аспект; синкретизм.

Для цитирования: Адыгезалова М.Н. Синтез: к истории и литературно-философским контекстам понятия // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 66-73. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-7

M. N. Adygezalova

**Synthesis: to the history and literary and philosophical contexts
of the concept**

Andizhan State University named after Babur,
129 University St., Andizhan, 170100, Republic of Uzbekistan; *adimelek@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the coming into being of the term “synthesis”, its typological characteristics, the contribution of the scientists, researchers, litterateurs, poets and writers into this issue’s investigation. Particular attention is paid to the use of this term in art, where among the varieties of synthesis we distinguish between genre synthesis, artistic synthesis, universal synthesis, west-east synthesis and the synthesis of literary traditions. The author tries to reveal the synthesis of literary traditions.

Keywords: synthesis; types of synthesis; synchronic aspect; diachronic aspect; syncretism

For citation: Adygezalova M. N. (2020), “Synthesis: to the history and literary and philosophical contexts of the concept”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 66-73, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-7

Введение. В последнее время понятие «синтез» привлекает всё большее внимание исследователей, что заставляет пристальнее рассмотреть данное понятие и особенности его употребления.

Древнегреческое «σύνθεσις» (synthesis) означало «связывание, складывание», соединение различных элементов в единое целое, качественно отличное от простой их суммы (Синтез, web). Первоначально это понятие использовалось в философии, где воспринималось, как «метод научного исследования, состоящий в соединении разнообразных явлений, вещей, качеств, противоположностей или противоречивого множества в единство, в котором противоречия и противоположность сглаживаются или снимаются» (Философский..., 1999: 415). Синтез в философии противопоставляется анализу, а результатом синтеза становится «совершенно новое образование, свойства, которого есть не только внешняя сумма свойств компонентов, но также и результат их взаимопроникновения и взаимовлияния» (там же). По теории Гегеля, синтезом считается ступень развития, которая выступает в паре с анализом и одинакова с тезисом и антитезисом (Пикулева, 1998: 3).

В литературоведении под термином «синтез» подразумевается объединение разрозненных понятий или образов в единое целое (Что такое теза, антитеза, синтез...). В. Кайзер обозначал понятием синтеза содержание произведения (Gehalt). И.Г. Минералова определяет синтез как «соединение разнохарактерных сторон в качественно новое единое целое» (Минералова, 2009: 5).

Основная часть. Термин «синтез» широко применяется в науках о литературе, живописи, музыке, архитектуре. В контексте культуры понятие синтеза приобретает культурологический характер. При рассмотрении различных видов искусства он превращается в художественный синтез; когда же это понятие функционирует в рамках анализа родов, видов и жанров одного искусства, оно подразу-

мекает внутривидовой синтез (см., напр., Синтез в русской и мировой...).

Ученые давно занимаются изучением синтеза и рассматривают его в синхроническом и диахроническом аспектах, концентрируясь на исследовании «сосуществующих признаков и признаков, сменяющихся друг с другом во времени. Первый аспект лежит в теории, второй – в истории литературы» (Ярхо, 2006: 108). В своей «Эстетике» Ю.Б. Борев выделил семь форм синтеза: синкретизм, соподчинение, «склеивание», симбиоз, снятие, концентрация, трансляционное сопряжение (Борев, 1988: 312–313). Первая из них - «синкретизм» (от греч. Synkretismos - соединение) представляет собой «сочетание разнородных воззрений, взглядов, при котором игнорируется необходимость их внутреннего единства и непротиворечия друг другу» (Философский..., 1999: 414). Отмечают, что в данном значении термин «синкретизм» особенно широко использовался в позднюю эпоху античности при смешении религий. Известно также, что в XVI в. синкретистами называли философов, которые пытались занимать промежуточное положение между учениями Платона и Аристотеля (Философский..., 1999: 414). В значении «первоначальной нерасчлененности различных видов искусства» понятие «синкретизма» стало центральным в учении А.Н. Веселовского (Веселовский, 1989: 343).

Родоначальниками теории синтеза в современном его понимании принято считать немецких романтиков - представителей Йенской школы. Они впервые осмыслили синтез как неотъемлемый признак органической «согласованной» культуры. Феномен синтеза занимает романтиков в связи с разрабатывавшимся ими утопическим учением о «всекультуре», в которой сталкиваются и взаимодействуют такие различные явления, как наука и искусство, искусство и философия, язык и мифология, фольклор и естествознание. Синтез для романтиков, как принцип всеобщего взаимодействия и взаиморастворе-

ния, является универсальной формой связи и объединения, как в природе, так и в культуре (Зима, 2005). В то же время, романтики понимали синтез и как слияние двух видов искусства в новый вид. Причем романтики утверждали, что только синтетическое произведение оказывается способным соперничать с природой по широте и силе воздействия на человека (Мурина, 1982: 7–9).

В дальнейшем особое внимание синтезу уделили символисты. Для них синтез не был простым сотрудничеством или органическим слиянием в одном образе разных видов искусств с целью образования новых синтетических художественных структур. Символисты представляли синтез как средство достижения своих «религиозно-мистических задач» (Синтез искусств...). Однако в целом, весь Серебряный век прошел под знаком синтеза: соединение науки и творчества, разных видов искусства, в поиске новых жанров и жанровых форм. О синтезе писали выдающиеся символисты Вяч. Иванов, А. Блок, А. Белый, А.М. Добролюбов, мыслитель В. Соловьев, музыкант Л. Скрябин. Таким образом, в литературных и научных кругах до советского времени термин «синтез» встречался довольно часто. Но впоследствии, с приходом к власти большевиков, из литературоведения слово «синтез» исчезло, так как оно противоречило идеологическим воззрениям новой власти.

Наблюдения за современным использованием термина «синтез» в литературоведении показывают, что в настоящее время больше всего привлекают исследователей такие виды синтеза как: жанровый синтез, художественный синтез, универсальный синтез, западно-восточный синтез и синтез литературных традиций.

Жанровый синтез понимают как «общую тенденцию жанров к взаимообогащению и объединению» (Иванюк, 2007: 115–116), «расширение границ одного жанра за счет органического внесения элементов другого» (Меньщикова, 2013:

174–178) или «конвергенцию» различных жанровых «языков» (Зырянов, 2003: 83–100). Утверждая, что реализм создал хорошие условия для жанрового синтеза, исследователи рассматривают жанровый синтез как процесс, при котором «сливаются» разные жанры. При этом одни ученые задаются вопросом, сохраняют ли «слившиеся» жанры свои жанровые границы или, «растворяясь» в нем, создают новое, более сложное в новых границах жанровое единство (Ермоленко, 2013: 50). Другие же с полной ответственностью дают положительный ответ на данный вопрос: «художественный синтез жанровых форм, особое соединение, сочетание конкретных признаков различных жанров, образующих в единстве новый тип формы, более глубокую жанровую сущность»; такой синтез «создает качественно иное целое, чем сумму составляющих его элементов: характеризуется художественной слитностью, органичностью целого, развитым состоянием последнего» (Гапоненков, 1995: 3).

Б.П. Иванюк видит источник жанрового синтеза в первоначальном синкретизме искусства как выражении мифологизированного всеединства сущего (Иванюк, 2007: 115). Утверждая, что «жанровый синтез реализуется в полижанризме произведения» (Иванюк, 2007: 115), он предлагает пять вариантов и несколько типов жанрового синтеза. Среди вариантов он выделяет контаминацию жанров, инкрустирование произведения жанровыми вставками, малый жанр как структурный атрибут неравновеликого ему жанра, жанровая аллюзия, органическое единство жанровых форм со свойственным ему наличием жанровой доминанты (Иванюк, 2007: 115–116). К типам жанрового синтеза Б. Иванюк относит:

1) внутриродовой синтез (большинство лирических произведений Ф. Тютчева представляют собой сплав оды и элегии);

2) межродовой синтез (пьеса Б. Шоу «Пигмалион» с подзаголовком «роман в пяти действиях»; рассказ-баллада

Ф. Дюрренматта «Минотавр»; роман-мелодрама А. Мердок «Море, море...»);

3) скрещивание собственно литературных и внелитературных жанров (стихотворение-завещание, стихотворение-тост и другие «прикладные» лирические жанры);

4) жанровые образования, которые возникают на пересечении литературы и других видов искусства («роман-джаз» Р. Олдингтона «Смерть героя», «Фуга смерти» П. Целлана, поэма-симфония П. Тычины «Сковорода») (Иванюк, 2007: 115–116).

Говоря о художественном синтезе, чаще подразумевают соединение литературы и философии, ярко отразившееся и в творчестве художников слова, и в работах великих мыслителей. Исследуя художественно-философский синтез, А. Степанова утверждает, что взаимодействие «литературы и философии – явление не новое, скорее, традиционное. Исследователи усматривают его истоки еще в Античности. На разных этапах развития литературы и философии их взаимодействие было достаточно активным (рационализм и литература классицизма, философская проза Вольтера и Руссо в эпоху Просвещения, философские истоки немецкой романтической литературы, позитивизм и литература натурализма). В XX в. это взаимодействие переросло в некую целостность, не позволяющую отделить одно от другого. Значительную роль в этом тесном сближении сыграл «Закат Европы» Освальда Шпенглера, не раз апеллировавшего в своей книге к литературно-философскому синтезу произведений Ф. Достоевского и Л. Толстого» (Степанова, 2015: 102–103). В творчестве многих деятелей культуры проявляется и особого рода *синтетичность* – не просто синтез искусств, а *органическое соединение* искусства с другими, нехудожественными, сферами культуры (Терещенко, 2013: 131–133). Так происходит выход к понятию универсального синтеза, опирающегося на постигаемую целостность («человечество со всеми его отношениями, действиями и

институтами») (Андреев, 2001: 303), то есть к такой, по определению Т. Манна, форме искусства, которое было бы способно представить «все человеческое как нечто единое» (Манн, 1960: 176).

В развитии понятия художественного синтеза как синтеза художественных направлений в литературе особая роль принадлежит символистам, которые рассматривали художественный синтез как «слияние художественных энергий» различных художественно-эстетических течений во имя создания общенародного, всечеловеческого, духовно возвышенного искусства» (Михилёв). В таком же значении «синтез» понимает и Л. Андреев, когда утверждает, что создание «нового синтеза – это снятие противоречия в движении от тезиса к антитезису, и в конечном счете – слияние «художественных энергий» (Андреев, 2001: 297). Об этом же говорит и А. Карпентьер, один из самых авторитетных знатоков мировой литературы, введший понятие барочного симбиоза как эквивалента художественного синтеза для латиноамериканской литературы («всякий симбиоз, всякое смешение порождает барочность» (Карпентьер, 1984: 116)). Таким образом, художественный и концептуальный синтез стали исследовать и как *слияние различных литературных систем*, «появление сложных идеологических и эстетических систем, сама классификация которых во многих случаях затруднена, то ли это реализм, то ли модернизм, то ли необарокко, то ли неоклассицизм» (Андреев, 2000: 253). Их появление Л.Г. Андреев объясняет растущим интересом «реализма и немодернистского искусства к модернизму по мере того, как последний “очевидно чахнет”», возникновением «таких своеобразных явлений, как “постмодернистский романтизм”, “постмодернистский реализм”, экзистенциально-реалистический синтез (пример творчества позднего Сартра, озаменованный стремлением к созданию “универсального метода познания”))» (Андреев, 2000: 253–254).

Особое внимание в литературоведении стали уделять «синтезу» в процессе изучения взаимодействия полярных куль-

тур Востока и Запада. В.Е. Хализев в «Теории литературы», используя слова А.В. Липатова, объясняет синтез как «взаимопереплетение» и «соединение» элементов литературных направлений, пришедших с Запада, с «традициями местной письменности и культуры», что знаменовало «пробуждение национального самосознания, возрождение национальной культуры и создание национальной словесности современного типа» (Хализев, 2000: 370). Несмотря на то, что данный вид синтеза достигает особого расцвета, начиная с первой декады XX в., неоспоримо, что сам этот процесс уходит корнями в далекое прошлое. В. Аминеева предлагает свой краткий обзор и анализ истории развития взаимодействий между культурами Востока и Запада. Она считает, что восточно-западное взаимодействие литератур берет свое начало еще во второй половине II тысячелетия до н.э., когда под влиянием архаической культуры Ближнего Востока формируется древнегреческая литература. Далее в I тысячелетии н.э. наблюдается слияние двух культур: сначала во времена эллинизма, затем с распространением и становлением христианства. В Средние века и эпоху Возрождения взаимовлияние культур не столь существенно, и нельзя говорить о превосходстве одной из литератур, так как контакты косвенны. В XVIII – начале XIX в. европейская литература обогащается персидской, китайской и индийской традициями. Воздействия отмечаются с середины XIX в., когда Запад, воздействуя, изменяет вид восточной культуры. И только в XX в. обмен художественными ценностями происходит в обоих направлениях (Аминеева, 2014).

Философское обобщение аксиологической связи передовых западно-восточных культур в свое время изложил в сборнике «Голоса народов в песнях» И.Г. Гердер. Тем не менее, место первоходца в западно-восточном литературном синтезе, как и понятие «мировая литература» присваивают И.В. Гёте, ученику

И.Г. Гердера. Он широко и многопланово представил связи между национальными литературами в своем «Западно-восточном диване»: «Мое намерение состоит в том, чтобы радостно связать Запад и Восток, прошлое с современным и постигнуть их нравы и образ мышления в их взаимосвязанности, понять одного с помощью другого» (Кессель, 1973: 29). Благодаря синтезу, осуществленному Гёте в своем «Диване», классическая иранская поэзия вошла в мировую литературу. Осознание единства мировой литературы – важная и определяющая закономерность. Хотя европейская литература и до Гёте, и после него играла «восточными мотивами» (сюжетами, образами), немецкому мыслителю удалось преодолеть дихотомию Запада и Востока.

Заключение. В настоящее время изучение развития литературных традиций Европы и Востока является одной из актуальных задач литературоведения, поскольку оно не только способно представить ясную картину творческой эволюции отдельного художника, но также, на основе его творчества, может пролить свет на развитие межкультурных отношений между различными народами, прояснить их историю и помочь адекватному восприятию феномена современного человека, сознание которого сформировано под воздействием различных культур, миропониманий и убеждений, а значит, само представляет собой их синтез, поскольку приводит к появлению особого сознания, которое является не суммой традиций или культур, а совершенно новым образованием, интересным не только антропологии или культурологии, но и в первую очередь, литературоведению.

Литература

Аминеева, В.Р. Теоретические основы сравнительного и сопоставительного литературоведения. Казань, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения 28.11.2018).

Андреев, Л.Г. От «заката Европы» к «концу истории» // «На границах». Зарубежная

литература от Средневековья до современности: сб. работ / Отв. ред. Л.Г. Андреев. М.: «ЭКОН», 2000. С. 240–255.

Андреев, Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия (Художественный синтез и постмодернизм) // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000: Учебное пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С. 292–334

Борев, Ю.Б. Эстетика. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. 496 с.

Веселовский, А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.

Гапоненков, А.А. Проблема жанрового синтеза в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филологич. наук: 10.01.01 Русская литература. Саратов: СГУ, 1995. 18 с.

Ермоленко, С.И. Границы жанра и жанровый синтез в лирике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 49-53

Зима, А.А. Проблема синтеза искусств в осетинской литературе на рубеже XIX–XX веков: Дис. ... канд. филологич. наук: 10.01.02 Владикавказ, 2005 186 с. РГБ ОД, 61:06-10/127 [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net> (дата обращения 24.11.2019).

Зырянов, О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: Феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2003. 548 с.

Иванюк, Б.П. Жанровый синтез: версия словарного описания понятия // Дергачёвские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 5-7 октября 2006 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета; Изд. дом «Союз писателей», 2007. Т. 1. С. 115-116.

Карпентьер, А. Мы искали и нашли себя: Худож. публицистика / Алехо Карпентер: [пер. с исп. / Предисл. В.Б. Земскова]. М.: Прогресс, 1984. 410 с.

Кессель, Л.М. Гёте и «Западно-восточный диван». М., 1973. 118 с.

Манн, Т. О себе и собственном творчестве / Томас Манн. Собр. соч. в 10 т. Т. 9: [пер. с нем.]. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 686 с.

Меньщикова, М.К. Жанровый синтез в драматургии Фридриха Геббеля (к 200-летию

писателя) // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 2. С. 174-178.

Минералова, И.Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 230 с.

Михилёв, А.Д. Концептуальный художественный синтез versus постмодернизм // Мо-ва. Свідомість. Концепт: зб. наук. праць / відп. ред. О.Г. Хомчак [Электронный ресурс] URL: <https://docplayer.ru/29249366-A-d-mihilyov-konceptualnyy-hudozhestvennyy-sintez-versus-postmodernizm.html> (дата обращения 16.02.2020).

Мурина, Е.Б. Проблемы синтеза пространственных искусств (Очерки теории). М.: Искусство, 1982. 192 с.

Пикулева, И.А. Проблема синтеза в литературном наследии Обри Бердсли: автореф. дис. ... канд. филологич. наук (10.01.03) Иваново, 1998. 23 с.

Синтез [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/74900> (дата обращения 25.11.2019).

Синтез в русской и мировой художественной культуре [Электронный ресурс] URL: http://www.konferenc.ru/konferenc17_09_10.html (дата обращения 10.02.2017).

Синтез искусств в прозе А.С. Грина [Электронный ресурс] URL: <https://knowledge.allbest.ru> (дата обращения 25.11.2019).

Степанова, А.А. К вопросу об опыте философско-художественного синтеза в литературе модернизма // POLILOG. STUDIA NEOFILOLOGICZNE NR 5. Украина, Днепрпетровск, 2015. С. 95-106.

Терещенко, К.С. Синтез литературы и естественнонаучных методов в творчестве Э. Золя // Культура народов Причерноморья. 2013. № 259. С. 131-133.

Философский энциклопедический словарь / Сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 1999. 576 с.

Хализев, В.Е. Теория литературы. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

Что такое теза, антитеза, синтез? Примеры из литературы [Электронный ресурс] URL: <http://www.mnogo-otvetov.ru/literature/chto-takoe-teza-antiteza-sintez> (дата обращения 25.11.2019)

Ярхо, Б.И. Методология точного литературоведения. М.: Языки славянских культур, 2006. 927 с.

References

- Amineeva, V.R. (2014), *Teoreticheskie osnovy sravnitel'nogo i sopostavitelnogo literaturovedeniya* [Theoretical bases of comparative and contrastive literary criticism], Kazan [Online] URL: <http://www.twirpx.com> (date of access: November 28, 2018) (in Russ.).
- Andreev, L.G. (2000), "From 'the decline of Europe' to 'the end of history'", *Na granitsakh* ["On the borders"], EKON, Moscow, Russia, 240–255 (in Russ.).
- Andreev, L.G. (2001), "What did the history of the second millennium end with? (Artistic synthesis and postmodernism)", *Zarubezhnaya literatura vtorogo tyisyacheletiya 1000-2000: Uchebnoe posobie* [Foreign literature of the second millennium 1000-2000: Textbook] in Andreev, L.G. (ed.), *Vysshaya shkola*, Moscow, Russia, 292–334 (in Russ.).
- Borev, Yu.B. (1988), *Estetika* [Aesthetics], Politizdat, Moscow, Russia, (in Russ.).
- Chto takoe teza, antiteza, sintez? Primery iz literatury* [What is thesa, antithesis, synthesis? Examples from literature] [Online] URL: <http://www.mnogo-otvetov.ru/literature/chto-takoe-teza-antiteza-sintez> (date of access: November 25, 2019) (in Russ.).
- Ermolenko, S. I. (2013), "The borders of genre and genre synthesis in lyrics", *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4 (2), 49-53 (in Russ.).
- Gaponenkov, A. A. (1995), "The issue of genre synthesis in the novels of F. M. Dostoevsky "Devils" and M. A. Bulgakov "Master and Margarita", Abstract of Ph.D. dissertation in philological sciences, "Russian literature", SGU [SSU], Saratov, Russia (in Russ.).
- Gubsky, E. F. (comp.) (1999), *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], INFRA-M, Moscow, Russia (in Russ.).
- Halizev, V. E. (2000), *Teoriya literatury. Ucheb. 2-e izd.* [Theory of literature. Textb. 2nd ed.], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).
- Ivanyuk, B. P. (2007), "Genre synthesis: the version of dictionary description of the notion", *Dergachevskie chteniya – 2006. Russkaya literatura: natsionalnoe razvitiye i regionalnyye osobennosti: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 5-7 oktyabrya 2006 g.* [Dergachev's reading conference – 2006. Russian literature: national development and regional peculiarities: materials of international scientific conference, Ekaterinburg, October 5-7, 2006], Ural University Publishing house, Ekaterinburg, Russia, V. 1, 115-116 (in Russ.).
- Karpenter, A. (1984), *My iskali i nashli sebya: Hudozh. Publitsistika* [We looked for and have found ourselves: Artistic publicity], Translated by Zemskov, V.B., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).
- Kessel L. M. (1973), *Gete i "Zapadno-vostochnyy divan"* [Goethe and "West-eastern divan"], Moscow, Russia (in Russ.).
- Mann, T. (1960), *Sobr. soch. v 10 t. T. 9: O sebe i sobstvennom tvorchestve* [Collected works in 10 volumes: V. 9: About myself and my creative works], Translated from Germ., Gos. izd-vo hudozh. lit., Moscow, Russia (in Russ.).
- Menschikova, M. K. (2013), "Genre synthesis in the dramaturgy of Fredrik Hebbel", *Liberal Arts in Russia. T. 2* [Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal. Liberal Arts in Russica], 2, 174-178 (in Russ.).
- Mihilyov, A. D. (2012), "Conceptual artistic synthesis versus postmodernism", *Mova. Svidomist. Kontsept: zb.nauk.prats* [Language. Consciousness. Concept: collection of scientific papers], in Homchak, O.G. (ed.) [Online] URL: <https://docplayer.ru/29249366-A-d-mihilyov-kontseptualnyy-hudozhestvennyy-sintez-versus-postmodernizm.html> (date of access: February 16, 2020) (in Russ.).
- Mineralova, I.G. (2009), *Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poetika simvolizma: uchebnoe posobie* [Russian literature of the Silver Age. The poetics of symbolism: textbook], Flinta: Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Murina, E.B. (1982), *Problemy sinteza prostranstvennykh iskusstv (Ocherki teorii)* [The issues of spatial arts' synthesis (Essays on the theory)], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).
- Pikuleva, I.A. (1998), "The issue of synthesis in literary heritage of Obri Berdqli", Abstract of Ph.D. dissertation in philological sciences, Ivanovo, Russia (in Russ.).
- Sintez* [Synthesis] [Online] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/74900> (date of access: November 25, 2019) (in Russ.).
- Sintez iskusstv v proze A.S. Grina* [The synthesis of arts in prose of A.S. Grin] [Online] URL: <https://knowledge.allbest.ru> (date of access: November 25, 2019) (in Russ.).
- Sintez v russkoy i mirovoy hudozhestvennoy culture* [Synthesis in Russian and world artistic culture] [Online] URL: [НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES](http://www.kon-</p>
</div>
<div data-bbox=)

ferenc.ru/konferenc17_09_10.html (date of access: February 10, 2017) (in Russ.).

Stepanova, A. A. (2015), *K voprosu ob opyite filosofsko-hudozhestvennogo sinteza v literature modernizma* [To the issue of experience of philosophic-artistic synthesis in modernistic literature], POLILOG. STUDIA NEOFILOLOGICZNE NR 5, Dnepropetrovsk, Ukraine, 95-106 (in Russ.).

Tereschenko, K. S. Sintez literatury i estestvennonauchnyih metodov v tvorchestve E. Zolya [The synthesis of literature and natural scientific methods in creative works of E. Zolya] *Kultura narodov Prichernomor'ya* [The culture of the Black Sea nations], 2013, 259, 131-133. (in Russ.).

Veselovskiy, A.N. (1989), *Istoricheskaya poetika* [Historic poetics], Vysshaya shkola, Moscow, Russia, (in Russ.).

Yarho, B.I. (2006), *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya* [Methodology of exact literary criticism], Yazyiki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia (in Russ.).

Zima, A.A. (2005), "The issue of artistic synthesis in Ossetic literature on the borderline of the XIX – XX centuries", Abstract of Ph.D. dissertation in philological sciences, RGB OD, 61:06-10/127 [Online] URL: <http://www.dslib.net> (date of access: November 24, 2019) (in Russ.).

Zyiryryanov, O.V. (2003), *Evolyutsiya zhanrovogo soznaniya russkoy liriki: Fenomenologicheskiy aspekt* [The evolution of genre recognition of Russian lyrics: The aspect of phenomena science], Ural University Publishing house, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Адыгезалова Малика Надир гызы, базовый докторант кафедры русского языка и литературы, филологический факультет, Андиганский государственный университет им. З.М. Бабура, ул. Университетская, д. 129, г. Андиган, 170100, Республика Узбекистан; adimelek@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Malika N. Adygezalova, Basic Doctoral Student of the Department of Russian Language and Literature, Department of Philology, Andizhan State University named after Babur, 129 University Street, Andizhan, 170100, Republic of Uzbekistan; adimelek@mail.ru

УДК 32.019.52

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-8

Домбровская А. Ю.¹,
Никулин Е. Р.²

**Дискурсивное поле внешнеполитических установок
в белорусском сегменте социальных медиа:
технологический аспект**

Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия; ¹*au.dombrovskaya@mpgu.su*; ²*egor.nikulin.98@bk.ru*

Аннотация: Исследование посвящено анализу технологий формирования внешнеполитических установок граждан Республики Беларусь. В процессе исследования были изучены теории и концепции, объясняющие роль и место современных Интернет-коммуникаций в политической сфере общества, проанализированы подходы к пониманию “установки” и процесса ее конструирования. Кроме этого, исследованы теоретические аспекты социально-медийной коммуникации, которые стали основой для методологической базы. Осуществлен анализ информационных потоков методом когнитивного картирования в социально-медийной сфере с помощью адаптированных под наши задачи упомянутых выше теорий, разработана и заполнена матрица, которая затем проанализирована в программе SPSS Statistics, на основе чего были сделаны выводы о технологиях формирования внешнеполитических установок белорусов. Интернет-платформой как источником данных выбрана социальная сеть “ВКонтакте”, так как именно она, согласно данным рейтинговых служб и исследований, является самой популярной и политизированной в белорусском Интернет-сегменте.

Ключевые слова: внешнеполитическая установка; информационный поток; дискурс; социальная сеть; внешнеполитическая ориентация, белорусский сегмент.

Для цитирования: Домбровская А.Ю., Никулин Е.Р. Дискурсивное поле внешнеполитических установок в белорусском сегменте социальных медиа: технологический аспект // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 74-89. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-8

A. Yu. Dombrovskaya¹,
E. R. Nikulin²

**Discourse field of foreign policy agenda
in the Belarusian segment of social media: technological aspect**

Moscow State Pedagogical University, bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia; ¹*au.dombrovskaya@mpgu.su*; ²*egor.nikulin.98@bk.ru*

Abstract. This work is devoted to the analysis of technologies for the formation of foreign policy agenda of citizens of the Republic of Belarus. In the course of the study, we investigated theories and concepts that explain the role and place of modern Internet communications in the political sphere of society, analyzed approaches to understanding the “agenda” and the process of its development. In addition, the theoretical aspects of social media communication have been investigated, which

have become the basis for our methodological base. We conducted an analysis of information flows by the method of cognitive mapping in the SM sphere using the above-mentioned theories adapted to our tasks, developed and filled out a matrix, which was subsequently analyzed in the SPSS Statistics program, on the basis of which technologies for the formation of foreign policy agenda of Belarusians were studied. The social network “VKontakte” served as the Internet platform for this work, since, according to rating services and research it is the most popular and politicized in the Belarusian Internet segment.

Keywords: foreign policy agenda; information flow; discourse; social network; foreign policy orientation; Belarusian segment

For citation: Dombrovskaya A. Yu. and Nikulin E. R., (2020), “Discourse field of foreign policy agenda in the Belarusian segment of social media: technological aspect”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 74-89, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-8

Проблемным полем, актуализирующим данное исследование, служит факт того, что на сегодняшний день в медийном пространстве Республики Беларусь (далее РБ) идет активное обсуждение внешнеполитической ориентации страны в условиях уплотнения информационных потоков и активизации дискурса о цивилизационном векторе страны. РБ – одно из немногих постсоветских государств, которое официально имеет союзнические отношения с Российской Федерацией (далее РФ) и декларирует своей приоритетной задачей углубление и ускорение интеграционных процессов с РФ¹. В связи с этим следует заметить, что не только сегодня, но и в ближайшей перспективе (особенно в период транзита власти после ухода с политической сцены А.Г. Лукашенко) внешнеполитическая проблематика белорусского государства станет ключевой темой политического дискурса в стране. Подчеркнем, что контент дискурса будет носить ярко выраженный биполярный характер: с одной стороны, основная тематика информационных потоков будет про-российской, а с другой – прозападной. Данная дихотомичность объясняется кон-

цепцией “Столкновения мировых цивилизаций” С. Хантингтона (Huntington, 1996), где современная РБ является границей Православной (Российской) и Западной цивилизаций.

Поскольку традиционные СМИ в РБ подвергаются государственному контролю и цензурированию², то основные информационные потоки, касающиеся различных проблем белорусского общества, в том числе и сферы наших исследовательских интересов, целесообразно искать в онлайн-сетевой среде. Подчеркнем, что особое место в данном процессе занимает манипулятивная составляющая, с помощью которой политические акторы соседнего государства стремятся реализовать свои интересы в сфере общественного мнения. В связи с этим особый интерес в данном исследовании представляют доминирующие технологии, используемые политическими акторами в онлайн-сетевом пространстве в процессе формирования внешнеполитических установок белорусских пользователей.

Для изучения технологического аспекта формирования внешнеполитических предпочтений граждан РБ следует осуще-

¹ Договор о создании Союзного государства. Информационный портал Союзного государства [Электронный ресурс] URL: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/> (дата обращения: 23.05.2019)

² Беларусь. Ограничение политических и гражданских прав граждан после президентских выборов 2010 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/rapport_Belarus_RUS_web.pdf (дата обращения: 23.09.2019)

ствить комплексный структурный анализ процесса конструирования внешнеполитической ориентации Интернет-пользователей в онлайн-сетевом пространстве РФ.

Теоретическую основу статьи логично разделить на три группы. Первая из них оправдывает реализацию исследования в рамках онлайн-пространства. Вторая способствует разработке понятийного аппарата работы. Третья (прикладная) является основанием составленного нами инструментария (матрицы).

Строить теоретическую базу данной работы, с нашей точки зрения, следует начать с работ М. Кастельса. Именно его труды актуализируют исследования социально-медийного пространства в аспекте усиления влияния контента социальных сетей на установки, в том числе и внешнеполитические. «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» – отмечает М. Кастельс (Castells, 2009).

Также для нас актуально рассмотреть концепцию «эффекта эха» в социальных сетях, разработанную С. Грином (Грин, 2012). Данное «эхо» долго транслирует с помощью мемов те или иные послылы политических акторов или явлений, которые могут быть наполнены внешнеполитическим содержанием. Кроме того, они, как главная причина и проявление «эха», консолидируют людей вокруг общих мемов, что в рамках политического дискурса касательно внешнеполитической ориентации Интернет-пользователей интересно для исследования.

Вышеперечисленные работы показывают актуальность изучения сетевых процессов на наличие в них технологий формирования различных установок, в том числе и внешнеполитических.

Первостепенной задачей реализации данного исследования является определение смысловой составляющей термина

«внешнеполитическая установка». Определений в научной литературе достаточно много, и зачастую они расходятся в основополагающих характеристиках. С нашей точки зрения, наиболее приемлемым для нашего исследования будет адаптировать определения социальной установки, данные П.Н. Шихиревым (Шихирев, 2000) и С.К. Роциным (Роцин, 1980), под тематику нашей работы. Согласно их трудам, социальная установка – это психологическая предрасположенность, готовность личности действовать определенным образом по отношению к определенному объекту. Если рассматривать данное определение в контексте нашей работы, то внешнеполитическую установку целесообразно представить в качестве психологической предрасположенности, имеющей в своей основе искусственно созданную манипулятивную составляющую, а также характеризующейся устойчивым отношением к тому или иному внешнеполитическому объекту в прошлом, настоящем и будущем.

Процесс конструирования установки, с нашей точки зрения, наиболее широко и доступно охарактеризовал советский психолог Д.Н. Узнадзе в своей «Теории установки» (Узнадзе, 1949). По мнению Д.Н. Узнадзе, для формирования установки необходимы потребность и ситуация, при которой индивид в состоянии ее удовлетворить. Автор отмечал, что в случае единичного повторения установка имеет диффузное состояние. В случае неоднократного повторения условий формирования той или иной установки, она становится фиксированной. Следовательно, создавая определенные потребности в обществе и «верные» ситуации для их удовлетворения, можно формировать, в том числе и внешнеполитические, установки общества.

Таким образом, нами определено понятие внешнеполитической установки и процесс ее (искусственного) формирования.

Однако в данной работе мы считаем необходимым опираться на труды еще одного пула исследователей, изучающих

контент информационных потоков политической тематики, для трансформирования их описательных критериев в параметры матрицы для проводимого нами анализа.

Как отмечалось выше, характер формирования внешнеполитических установок имеет манипулятивную основу, поэтому целесообразно проанализировать технологии Интернет-манипуляций. Например, Л.Х. Ибрагимов (Ибрагимов, 2015) анализирует классификацию методов манипуляции общественным сознанием С.В. Володенкова и апробирует их результативность в Интернет-пространстве. С нашей точки зрения, особое внимание в данной работе следует уделить таким технологиям манипулятивного воздействия, как: метод повторения, метод наклеивания ярлыков, метод «общего вагона», метод утечки секретной информации, метод «спирали молчания», метод универсальности, метод объективного подхода и метод семантического манипулирования. Считаем целесообразным более подробно проанализировать каждый из представленных методов манипуляции. Метод повторения и метод наклеивания ярлыков – простые и эффективные инструменты влияния на общественное мнение. Процесс реализации этих инструментов отражен в их названии, поэтому более детальное рассмотрение, по нашему мнению, не имеет смысла. Метод «общего вагона» основывается на стремлении человека быть частью какой-либо социальной общности. При использовании этого метода транслируется посыл, который якобы является присущим для большой социальной группы. Метод утечки секретной информации примечателен тем, что СМИ, использующие данный инструмент, не ответственны за продуцируемый контент. Метод «спирали молчания» заключается в том, чтобы заставить верить общество в то, что идея, выгодная манипуляторам, поддерживается большей частью общества. Мнимое меньшинство по ряду причин не в состоянии стать оппозицией мнимому большинству в медийной сфере.

В результате «спираль» закручивается сильнее, а манипуляторы достигают цели. Метод универсальности реализуется, в первую очередь, через апелляцию к авторитету и эксперту. Метод объективного подхода конструируется на основе фактологического ряда, который произвольно интерпретируется СМИ, а затем в реальность на основе анализа «запускается» тенденция или прогноз, который формирует общественное мнение. Метод семантического манипулирования – освещение СМИ тех или иных явлений политики словами, фразами, которые имеют негативные или позитивные коннотации в рамках данного общества. Каждый из данных методов манипуляции будет являться параметром для анализа контента отобранных нами сообществ в социальных сетях.

Кроме того, в нашем исследовании особое внимание уделяется анализу оппозиционных и провластных информационных потоков с точки зрения их методов воздействия на внешнеполитические установки белорусов. Поэтому важно проанализировать коммуникативный менеджмент политических акторов страны с позиции их технологий продуцирования политического контента в Интернет-пространстве РБ. Например, подтверждает нашу позицию Е.А. Соловьева (Соловьева, 2011), которая рассматривает Интернет-среду в качестве пространства активного противоборства политических акторов страны. Ввиду этого целесообразно рассмотреть дискурс вокруг внешнеполитических установок белорусских пользователей, который, с точки зрения Е.А. Чурашовой (Чурашова, 2013), дифференцируется на дискурс защиты и дискурс обвинения. Отметим, что, несмотря на то, что данная работа анализирует протест 2011 года в РФ, данная типологизация медийного контента актуальна и для нашего исследования. Таким образом, классификация Е.А. Чурашовой трансформируется в следующие параметры нашей работы: дискурс защиты про-

российской или прозападной позиции и дискурс обвинения (нападения) пророссийской или прозападной позиции, а также пятый показатель, который раскрывает иную сторону внешнеполитической ориентации граждан РБ (отражающую некий самобытный посыл).

Таким образом, нами проанализирован ряд концепций и теорий, с помощью которых были выведены параметры анализа информационных потоков в сетевой среде. Помимо параметров, указанных выше, следует отметить еще несколько показателей, которые необходимы для более детального изучения единиц анализа в исследовании. В первую очередь, особый интерес для нас

представляет язык, на котором ведется коммуникация. Как отмечалось выше, наше исследование носит билингвальный характер, поэтому среди параметров в матрице будет отдельным показателем «язык» со следующими переменными: 1 – русский язык; 2 – белорусский язык. Второй, не менее важный параметр, это политическая ориентация автора, продуцирующего внешнеполитический контент в сетевом пространстве. В матрицу включен показатель «политическая ориентация», критериями которого являются: «власть или провластные силы» – 1; «оппозиция» – 2; «обыватели, формально не относящиеся к политической сфере» – 3.

Таблица 1. Макет матрицы исследования
Table 1. Layout of the research matrix

Показатель (параметр) / Indicator (parameter)	Переменная (критерий) / Variable (criterion)
Номер единицы анализа	1, ...
Язык единицы анализа	1-русский язык; 2-белорусский язык
Политическая ориентация авторов контента	1-провластная; 2-оппозиционная; 3-нейтральная
Манипулятивные особенности единицы анализа	1-метод повторения; 2-метод наклеивания ярлыков; 3-метод “общего вагона”; 4-метод утечки секретной информации; 5-метод “спирали молчания”; 6-метод универсальности; 7-метод объективного подхода; 8-метод семантического манипулирования; 9-отсутствие манипуляций, представленных в списке
Внешнеполитическая направленность и модальность единицы анализа	1-“защита” пророссийской позиции; 2-“нападение” на пророссийскую позицию; 3-“защита” прозападной позиции; 4-“нападение” на прозападную позицию; 5-внешнеполитическая сторона не отражает дихотомичность (Россия/Запад), а выражает некую позицию к иным субъектам международного права
Ссылка на единицу анализа в социальной сети	

После составления матрицы для реализации данного исследования целесообразно сформировать пул сообществ для формирования необходимой для анализа выгрузки. С нашей точки зрения, для начала необходимо проанализировать сообщества, связанные с политическими акторами РБ. Например, политические партии являются ведущими политическими акторами, которые во многом определяют вектор внутренней и внешней политики. Особое место они занимают и в процессах формирования внешнеполитических установок. В связи с этим логично предположить, что политические партии играют важную роль в конструировании политического ландшафта РБ, а также являются создателями внешнеполитической повестки дня в медийном пространстве (Федорова, 2017). Согласно данным Центральной комиссии РБ по выборам и проведению республиканских референдумов, на сегодняшний день в РБ насчитывается 15 политических партий¹. Однако политическая ситуация, складывающаяся вокруг них в стране, не позволяет нам в полной мере опираться на них в качестве ведущих политических акторов. Во-первых, по мнению некоторых экспертов, политические партии РБ утратили ряд своих функций (Котляров, 2010), в том числе и агитационную, частью которой является формирование образов субъектов международных отношений. Во-вторых, исходя из рейтингов политических партий, они не

являются реально теми политическими силами, которые определяют внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию в республике. Так, например, по данным Института социологии НАН Беларуси уровень поддержки белорусских партий варьируется в районе статистической погрешности и составляет от 2,6 до 0,7 %². Однако с нашей точки зрения, целесообразно проанализировать представленность этих политических акторов в медийном пространстве по причине отсутствия иных явных институциональных сил на внутривнутриполитической арене РБ.

Для начала следует разделить их на провластные и оппозиционные по отношению к современному политическому курсу, который проводится президентом страны А.Г. Лукашенко. Объясняется данные критерий персонцентричностью политической культуры страны. Нужно это разделение для более полного анализа и дальнейшей классификации технологий формирования внешнеполитических установок белорусских пользователей. Кроме того, пророссийский вектор политики условно ассоциируется с политикой провластных акторов в республике, а прозападный – с оппозиционным блоком акторов. За основу разделения партий по спектру лояльности к президенту страны возьмем работу А. Федута, О. Богуцкого и В. Мартиновича (Федута, Богуцкий, Мартинович, 2003).

¹ Список политических партий // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] URL: <http://rec.gov.by/ru/spisok-politicheskikh-partiy> (дата обращения: 09.09.2019)

² "В пределах статистической ошибки". Институт социологии назвал рейтинг политических партий // Новости TUT.BY [Электронный ресурс] URL: <https://news.tut.by/economics/569360.html?crnd=41371> (дата обращения: 09.09.2019)

Таблица 2. Политическая ориентация партий
Table 2. Political orientation of parties

Провластные партии / Pro-government parties	Оппозиционные партии / Opposition parties
Коммунистическая партия Беларуси	Белорусская партия левых “Справедливый мир”
Республиканская партия труда и справедливости	Белорусская партия “Зелёные”
Республиканская партия	Объединённая гражданская партия
Белорусская аграрная партия	Партия БНФ
Белорусская социально-спортивная партия	Консервативно-Христианская Партия – БНФ
Белорусская патриотическая партия	Белорусская социал-демократическая партия (Грамада)
Социал-демократическая партия Народного Согласия	Партия “Белорусская социал-демократическая Грамада”
	Либерально-демократическая партия

Как отмечалось выше, помимо партий, иных явных и публичных политических сил, способных оказать влияние на общественное мнение, в том числе и в сфере внешнеполитических предпочтений, в РБ не выявлено.

Проанализировав рейтинги социальных сетей Республики Беларусь, мы смогли выявить явного лидера, медийный контент которого станет для нас информационной платформой исследования. Например, согласно данным Targeting.by., лидером среди социальных сетей в белорусском сегменте является ВКонтакте³. По данным другого исследования, проведенного Online Market Intellegence, ВКонтакте – самая популярная социальная

³ Социальные сети в Беларуси: статистика по белорусскому сегменту социальных сетей в 2017 году // Targeting.by. [Электронный ресурс] URL: <https://targeting.by/sotsialnye-seti-belarusi-statistik/> (дата обращения: 09.09.2019)

сеть страны⁴. Вторит этим данным исследование Института социологии НАН Беларуси: ВКонтакте – самая широко используемая белорусами социальная сеть⁵. Таким образом, в данной работе будет фигурировать единственная социальная площадка, которая является безоговорочным лидером в белорусском Интернет-сегменте.

Кроме того, согласно работам С.Н. Федорченко (Федорченко, 2018) и его исследовательской группы, именно ВКонтакте является одной из самых политизированных сетей не только на территории

⁴ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫЯВИЛО САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ СОЦСЕТИ И МЕССЕНДЖЕРЫ В БЕЛАРУСИ // Office Life [Электронный ресурс] URL: <https://officelife.media/news/poll-what-social-networks-are-the-most-popular-in-belarus/> (дата обращения: 09.09.2019)

⁵ Какие соцсети популярнее всего у белорусов? Институт социологии НАН Беларусь [Электронный ресурс] URL: <http://socio.bas-net.by/kakie-sotsseti-populyarnee-vsego-u-belorusov/> (дата обращения: 15.09.2019)

РБ, но и на всем постсоветском пространстве. Отметим также, что, по данным того же исследования, высоким уровнем политизированности отличаются и другие социальные сети, например, Facebook. Однако исходя из анализа численности аудитории социальных сетей в республике, можно уверенно сказать, что иные социальные сети, которые отличаются высокой долей политического контента в своем информационном потоке, не подходят в силу сравнительно невысокого уровня популярности среди Интернет-аудитории РБ.

Следовательно, ВКонтакте будет являться Интернет-платформой данного исследования. Контент этой социальной сети будет являться эмпирической базой единичных объектов анализа: каждый пост определенных нами групп и сообществ мы будем рассматривать в качестве единицы анализа. Характеризовать каждый из них мы будем по описанным выше параметрам.

Следуя логике нашего исследования, следует проанализировать представленность политических партий Республики Беларусь в социальной сети (ВКонтакте).

Таблица 3. Представленность политических партий в социальной сети
Table 3. Representation of political parties in a social network

Название партии / Party name	Кол-во групп в соц.сети / The number of groups in social networks	Кол-во подписчиков в самой многочисленной группе / The number of subscribers in the largest group	Режим доступа / URL
Коммунистическая партия Беларуси	6	7005	https://vk.com/compartyby
Республиканская партия труда и справедливости	1	900	https://vk.com/rptsnewsagency
Республиканская партия	-	-	-
Белорусская аграрная партия	-	-	-
Белорусская социально-спортивная партия	-	-	-
Белорусская патриотическая партия	-	-	-
Социал-демократическая партия Народного Согласия	-	-	-
Белорусская партия левых "Справедливый мир"	2	7882	https://vk.com/spravedlivy_mir

Белорусская партия “Зелёные”	-	-	-
Объединённая гражданская партия	-	-	-
Партия БНФ	6	1665	https://vk.com/club4932319
Консервативно-Христианская Партия – БНФ	1	517	https://vk.com/narodnajapartyja
Белорусская социал-демократическая партия (Грамада)	-	-	-
Партия “Белорусская социал-демократическая Грамада”	2	218	https://vk.com/bsdp.hramada
Либерально-демократическая партия	3	2784	https://vk.com/ldprb

Таким образом, мы видим явный перекос представленности в медийной сфере политических партий в сторону оппозиционного блока. Скорее всего, такое положение дел связано с тем, что, во-первых, провластный блок опирается в своем коммуникационном менеджменте не на Интернет-среду, а на телевидение, в то время как оппозиция практически не имеет доступа к телевизионному информационному потоку, а во-вторых, правительственный блок представляет из себя совокупность одного крупного политического игрока (Коммунистическая партия) и ряда «карликовых» партий, которые лишены собственных полноценных политических амбиций, в отличие от оппозиции, которая преследует собственные интересы и реализует собственную коммуникационную стратегию согласно своим целям и задачам. Следовательно, в рамках нашего анализа мы будем рассматривать контент четырех политических партий: Коммунистическая партия Беларуси, Белорусская партия левых “Справедливый мир”,

Партия БНФ, Либерально-демократическая партия. Отметим, что сетевые группы, число подписчиков которых не достигает 1000, не взяты нами для анализа их контента, так как их потенциал влияния на Интернет-аудиторию очень мал.

Следует отметить, что в эпоху Интернет-коммуникаций политическая агитация отходит от формального (сугубо институционального) подхода. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно анализировать группы, которые напрямую не связаны с официальными политическими институтами страны. Согласно медийным рейтингам, нам следует обратить внимание на два сообщества, контент которых состоит в том числе и из политического дискурса⁶. Первая из них, «Чай з малинавым варэннем» – сообщество, популярное в белорусском сегменте Интернета своим ироничным и саркастическим контентом,

⁶ Топ-10 белорусских групп ВКонтакте, на которые стоит подписаться // Наша Нива [Электронный ресурс] URL: <https://nn.by/?c=ar&i=191072&lang=ru> (дата обращения: 09.09.2019)

который отражает политическую реальность страны. Второе сообщество – «Мая краіна Беларусь», интересное для нас тем, что языком, на котором ведется группа, является белорусский. Кроме того, политические темы занимают определенную долю в продуцируемом информационном контенте группы. Помимо упомянутых групп также интерес для нашего исследования представляют менее популярные, но более политизированные сообщества ВКонтакте: «СТОП ЛУКА», «Калі ласка – Беларусь», «За сильную и процветающую Беларусь» и «Чеснок».

Таким образом, нами отобрано для когнитивного картирования информационного потока 10 социальных сообществ сети ВКонтакте: КХП-БНФ – Народная партия (режим доступа: <https://vk.com/narodnajarartyja>); Либерально-демократическая партия (режим доступа: <https://vk.com/ldprb>); Белорусская партия левых “Справедливый мир” (режим

доступа: https://vk.com/spravedlivy_mir); Коммунистическая партия Беларуси (режим доступа: <https://vk.com/compartyby>); “Чай з малинавым варэннем” (режим доступа: <https://vk.com/belteamews>); “Мая краіна Беларусь” (режим доступа: <https://vk.com/majakrainabelarus>); “STOP LUKA” (режим доступа: <https://vk.com/stopluka>), “Калі ласка – Беларусь” (режим доступа: <https://vk.com/kalilaskabelarus>), “За сильную и процветающую Беларусь” (режим доступа: <https://vk.com/club24982282>) и “Чеснок” (режим доступа: https://vk.com/4esnok_by). Подчеркнем, что глубина анализа – период с 01.01.2019 до 20.05.2019.

После анализа матрицы исследования, состоящей из 452 единиц анализа, (режим доступа: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/11jTnx1zdjZkUQ2GtKFJUT3fqvgB5EvOGx12pjcX1DQ/edit?usp=sharing>) в программе SPSS Statistics нами были получены следующие результаты:

Осевой анализ:

Язык

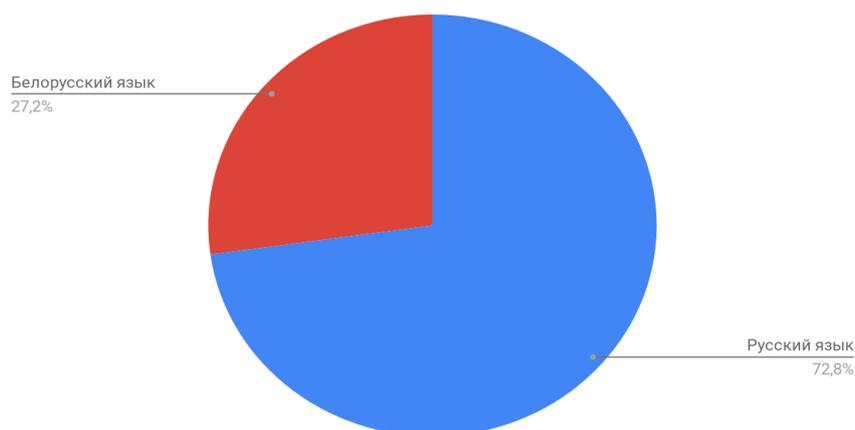


Рис. 1. Язык внешнеполитического дискурса
Fig. 1. Language of foreign policy discourse

Как видно из данных таблицы, русский язык является ведущим языком об

щения белорусов в Интернет-среде.

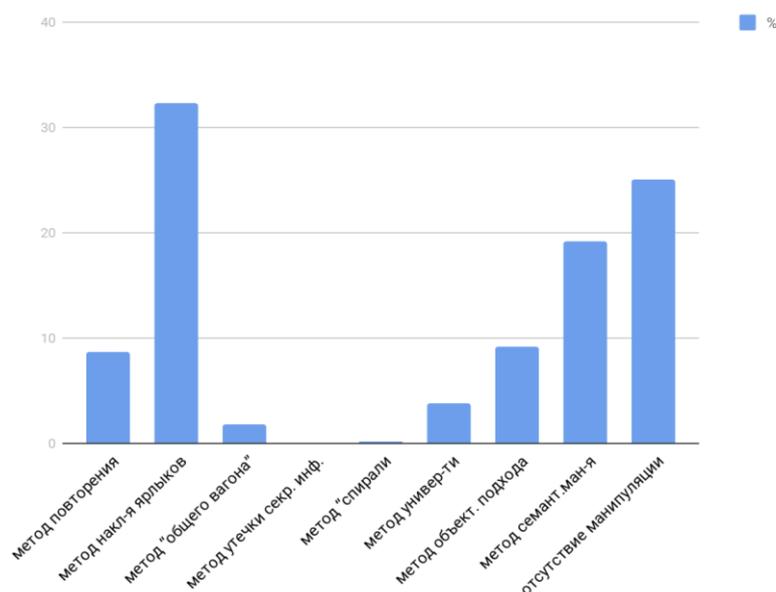


Рис. 2. Технологии манипуляций внешнеполитического дискурса
Fig. 2. Technology manipulation of foreign policy discourse

Метод повторения, наклеивания ярлыков и семантического манипулирования оказались самыми популярными у политических акторов РБ для формирования внешнеполитических установок. Объясняется это простотой и эффективностью данных методов манипулирования общественным сознанием.

Метод повторения проявлялся в основном в виде заголовка текста или фразы манипулятивного характера в тексте («Бабиш перепутал страну с регионом») и картинки в посте ниже текста, на которой была такая же запись.

Метод наклеивания ярлыков проявлялся главным образом в адрес восточных соседей (слова «убийцы», «оккупанты» встречались часто в правоориентированных сообществах).

Метод семантического манипулирования связан со словами, которые вызывали бы в обществе неприятные коннотации. Зачастую в рамках современного дискурса используются «заменители» из прошлых эпох для именования политических акторов внутри РБ и за ее пределами. Например, вместе со словами «россияне» или «русские» рядом находилось слово «НКВДшник».

Что касается большей доли «безманипулятивных» единиц анализа, то стоит отметить в данной ситуации узость выбранных нами методов манипуляции. В дальнейшем считаем необходимым расширить список и добавить в него целый ряд механизмов манипулятивного влияния.

Внешиполитическая направленность

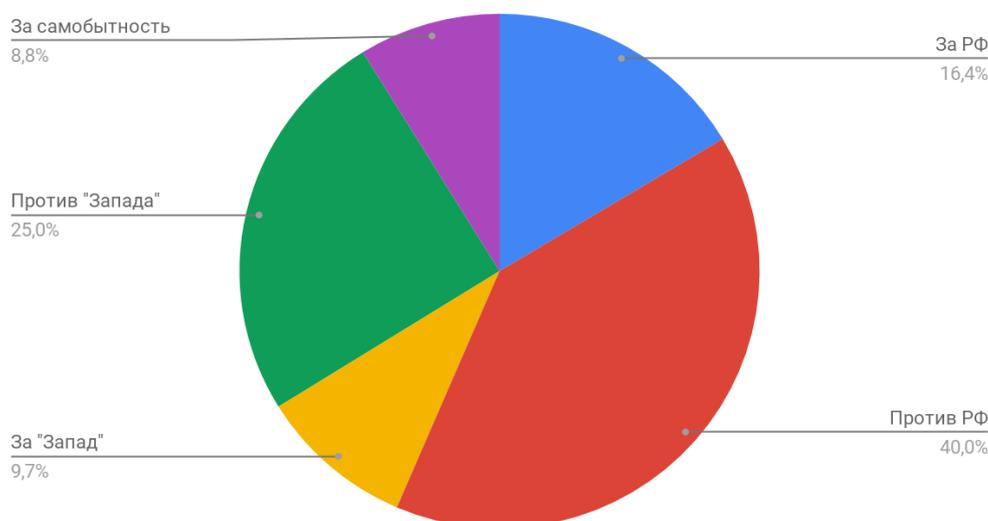


Рис. 3. Внешнеполитическая ориентация дискурса
Fig. 3. Foreign policy orientation of the discourse

Как видно из рисунка, наше предположение относительно дихотомичности внешнеполитического дискурса в РБ оправдалось. Стоит отметить, что контент с российской тематикой преобладает над

всеми остальными. Скорее всего, подобная ситуация связана с уплотнением информационного потока, связанного с проблематикой ускорения интеграции в рамках Союзного государства.

Кросс-табуляционный анализ (сопряжение нескольких параметров):

Язык и позиция

Таблица 4. Сопряжения языка и политической направленности актора
Table 4. The conjugation of the language and political orientation of the actor

	Провластная Позиция / Pro- government position	Оппозиционная позиция / Opposition posi- tion	Нейтральная Позиция / Neutral position
Русский язык / Russian language	11 %	16,8 %	44,9 %
Белорусский язык / Belarusian language	0	0,8 %	26,5 %

Как видно из таблицы, языком официального политического дискурса является русский. Однако ситуация с белорусским языком и его использование для не-

формального политического общения может свидетельствовать о его «перетекании» в среднесрочной перспективе в ведущий политический язык сетевой среды.

Позиция и манипуляция

Провластные и оппозиционные сообщества используют одинаковые манипулятивные механизмы и примерно в равном количестве. Самыми манипулятивными

являются группы, декларирующие нейтральную политическую позицию. В связи с этим следует отметить, что основной внешнеполитический дискурс идет именно в нейтральных сообществах.

Внешинополитическая направленность и язык

Таблица 5. Сопряжение языка и внешнеполитическая позиция
Table 5. Language conjugation and foreign policy position

	“Защита” РФ / "Protection" of the RF	“Против” РФ / “Against” the RF	“Защита” Запада" / Protection" of the West	“Против” Запада“ / Against” the West	Самобытность / Identity
Русский язык / Russian language	16 %	19 %	5,7 %	24,7 %	7,3 %
Белорусский язык / Belarusian language	0,4 %	21 %	3,9 %	0,2 %	1,8 %

Белорусский язык используется главным образом для «нападения» на пророссийскую сторону и «защиты» прозападной позиции, что логично было предположить. Однако русский язык в большей степени используется для «нападения» на пророс-

сийскую сторону, чем для ее защиты. Возможно, это связано с тем, что русский язык, как отмечалось выше, является «официальным» языком политического дискурса в медийной сфере.

Внешинополитическая направленность и позиция

Таблица 6. Сопряжение внешнеполитической ориентации и политической позиции
Table 6. The combination of foreign policy orientation and political position

	“Защита” РФ / "Protection" of the RF	“Против” РФ / “Against” the RF	“Защита” Запада" / Protection" of the West	“Против” Запада“ / Against” the West	Самобытность / Identity
Провластная позиция / Progovernment position	6,4 %	0,5 %	0,2 %	2,4 %	1,5 %

<i>Оппозиционная позиция / Opposition position</i>	0,5 %	11,5 %	2,8 %	0	2,8 %
<i>Нейтральная позиция / Neutral position</i>	9,5 %	28 %	6,8 %	22,5 %	4,6 %

С нашей точки зрения, данные этой таблицы предсказуемы: провластные сетевые группы пророссийски ориентированы, а оппозиционные и нейтральные (среди нейтральных сообществ уровень употребления белорусского языка самый высокий) группы – прозападны. Однако общая тенденция прослеживается явно: в белорусском Интернет-сегменте есть запрос на критику как пророссийского курса, так и прозападного. Это говорит о том, что белорусское общество стремится в равной степени обособиться от России и Запада, что, на наш взгляд, связано с подъемом «правых» идей в РБ.

Таким образом, на основе автоматизированного анализа данных нами было сделано несколько основных выводов:

- языком политического дискурса в сетевом пространстве служит русский язык;

- наиболее высоким уровнем манипулятивности характеризуются нейтральные сообщества;

- белорусский язык преобладает в нейтральных сообществах и в единицах анализа (политических высказываниях) с антироссийским показателем внешнеполитической ориентации;

- основной внешнеполитический дискурс связан с РФ;

- внешнеполитическая позиция провластных групп – пророссийская, оппозиционных – прозападная, у нейтральных – негативная по отношению к Западу и к России;

- основными методами манипуляций являются: метод повторения, метод

наклеивания ярлыков и метод семантического манипулирования.

В перспективе данное исследование может быть основой для более масштабных работ с большим количеством параметров и более широкой выборочной совокупностью единиц анализа. Также возможна модернизация отбора сообществ в связи с более детальным изучением белорусского политического ландшафта и нахождением в нем новых политических акторов, выходящих за рамки институционального подхода. Более того, анализ релевантных информационных потоков целесообразно расширить за счет SMA (наиболее оптимальные инструменты: IQBuzz или YouScan).

Литература

Грин, С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети, мобилизация // Интернет-издание «Слон Ру» [Электронный ресурс] URL: http://slon.ru/russia/twitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml (дата обращения: 13.09.2019).

Ибрагимов, Л.Х. Технологии интернет-манипуляции в сетевом пространстве политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 2 (40) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-internet-manipulyatsii-v-setevom-prostranstve-politiki> (дата обращения: 11.09.2019).

Котляров, И.В. Политические партии Беларуси в начале XXI в.: социально-политический анализ // Социологический альманах. 2010. № 1 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-belarusi-v-nachale-xxi-v-sotsialno->

politicheskii-analiz (дата обращения: 09.05.2019).

Роцин, С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980. 304 с.

Соловьева, Е.А. Информационное противоборство в сети Интернет: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionnoe-protivoborstvo-v-seti-internetpolitologicheskii-analiz> (дата обращения: 09.09.2019).

Узнадзе, Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Москва, 1949

Федорова, Е.Д. Теория установления повестки дня // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23985> (дата обращения: 09.09.2019).

Федорченко, С.Н. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3 [Электронный ресурс] URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (дата обращения: 09.05.2019).

Федута, А., Богущкий, О., Мартинович, В. Политические партии Беларуси – необходимая часть гражданского общества: Материалы семинара. Минск: Фонд имени Фридриха Эберта, 2003. 113 с.

Чурашова, Е.А. Дискурсивные стратегии политической коммуникации в кризисной ситуации: автореф. дис. ... канд. политич. наук. 2013. [Электронный ресурс] URL: kpfu.ru/portal/docs/F1290978712/avtoreferat.Churashova.docx. (дата обращения: 09.09.2019).

Шихирев, П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 448 с.

Castells, M. The Rise of the network society [Электронный ресурс] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (дата обращения: 23.09.19).

Huntington, S.P. The clash of civilizations [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/semuel-huntington/stolknovenie-civilizaciy/chitat-onlayn/> (дата обращения: 23.09.2019).

References

Castells, M. (2010), *The Rise of the network society* [Online] URL:

<https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (Accessed: 23.09.19).

Churashova, E.A. (2013), “Discursive strategies for political communication in a crisis situation”, Abstract of Ph.D. dissertation, political science [Online] URL: kpfu.ru/portal/docs/F1290978712/avtoreferat.Churashova.docx. (Accessed: 09.09.2019) (in Russ.).

Fedorchenko, S.N. (2018), “The final chord: the third wave of research on the politicization of Internet social networks”, *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of political research], 2 (3) [Online] URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/23664/view> (Accessed: 09.05.2019) (in Russ.).

Fedorova, E.D. (2017), “The theory of setting the agenda”, *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific researches], (5) [Online] URL: <http://human.snauka.ru/2017/05/23985> (Accessed: 09.09.2019) (in Russ.).

Feduta, A., Bogutskiy, O., Martinovich, V. (2003), *Politicheskie partii Belarusi — neobkhodimaya chast' grazhdanskogo obschestva: Materialy seminara* [Political parties in Belarus are a necessary part of civil society: materials of the seminar], Fond imeni Fridrikha Eberta, Minsk, Belarus (in Russ.).

Grin, S. (2012), “‘Twitter’ and protest in Russia: memes, networks, mobilization”, *Slon Ru*” [Online] URL: http://slon.ru/russia/twitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml (Accessed: 13.09.2019) (in Russ.).

Huntington, S.P. *The clash of civilizations* [Online] URL: <https://www.stetson.edu/artsci/political-science/media/clash.pdf> (Accessed: 23.09.2019)

Ibragimov, L.Kh. (2015), “Technologies of Internet manipulation in the network space of politics”, *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ehkonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, Economics, law], 2 (40) [Online] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-internet-manipulyatsii-v-setevom-prostranstve-politiki> (Accessed: 11.09.2019) (in Russ.).

Kotlyarov, I.V. (2010), “Political parties in Belarus at the beginning of the XXI century: socio-political analysis”, *Sotsiologicheskij al'manakh* [A sociological almanac], 1 [Online] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie->

partii-belarusi-v-nachale-xxi-v-sotsialno-politicheskiy-analiz (Accessed: 09.05.2019) (in Russ.).

Roshchin, S.K. (1980), *Zapadnaya psikhologiya kak instrument ideologii i politiki* [Western psychology as an instrument of ideology and politics], Moscow, Russia (in Russ.).

Shikhirev, P.N. (2000), *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern social psychology], IP RAN, KSP+, Moscow, Delovaya kniga, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Solov'eva, E.A. (2011), "Information confrontation on the Internet: political analysis", Ph.D. Thesis, political science [Online] URL: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-e-protivoborstvo-v-seti-internetpolitologicheskii-analiz> (Accessed: 09.09.2019).

Uznadze, D.N. (1949), *Ehksperimental'nye osnovy psikhologii ustanovki* [Experimental foundations of installation psychology], Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия; au.dombrovskaya@mpgu.su

Никулин Егор Романович, студент 4-го курса Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия; egor.nikulin.98@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Anna Yu. Dombrovskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Scientific Work, Moscow State Pedagogical University, bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia; au.dombrovskaya@mpgu.su

Egor R. Nikulin, Student of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia; egor.nikulin.98@bk.ru

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 001

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-9

Масалов А. Г.

Методология научных исследований
и прикладной аналитики (заметки рецензента)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

Аннотация. Рецензируемый учебник посвящен тематическим вопросам методологии научных исследований и прикладной аналитики. В книге представлены объяснения сути, природы и онтологии аналитики как рода специфической мыслительной деятельности. Издание предназначено для руководителей и сотрудников научных организаций, аналитических центров, научных работников и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций, заказчиков и потребителей прикладных аналитических и научных произведений, для аспирантов и докторантов, студентов вузов, а также всех, кто интересуется обозначенным тематическим горизонтом.

Ключевые слова: прикладная аналитика; метод; наука; исследование; концепт; онтология.

Для цитирования: Масалов, А.Г. Методология научных исследований и прикладной аналитики (заметки рецензента) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 90-94. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-9

A. G. Masalov

Methodology of scientific research and applied analytics
(reviewer's notes)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
masalov@bsu.edu.ru

Abstract. The textbook is devoted to thematic issues of research methodology and applied analytics. The book explains the essence, nature, and ontology of analytics as a kind of specific thought activity. The publication is intended for managers and employees of scientific organizations, analytical centers, researchers and teaching staff of educational organizations, customers and consumers of applied analytical and scientific works, for postgraduates and doctoral students, university students, as well as anyone interested in the designated thematic horizon.

Keywords: applied analytics; method; science; research; concept; ontology

For citation: Masalov A.G. (2020), “Methodology of scientific research and applied analytics (reviewer's notes)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 90-94, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-9

Успех научного исследования зависит не только от объема профессиональных знаний, интеллекта и творческих способностей ученого. Результат во многом определяется выбором правильной методологии исследования, что становится непростой задачей при многообразии научных подходов и стратегий в современных гуманитарных дисциплинах.

В «Правилах для руководства ума» Декарт определил метод как «достоверные и легкие правила, строго соблюдая которые человек никогда не примет ничего ложного за истинное и, не затрачивая напрасно никакого усилия ума... придет к истинному познанию всего того, что он будет способен познать» (Декарт, 1989: 86). Очевидно, что для такого достижения максимальных результатов при минимальных затратах усилий и ресурсов требуется основательная методологическая подготовка. Именно этой непростой, но весьма актуальной цели призван послужить предлагаемый авторами учебник (Понкин, Редькина, 2020).

Первая глава «Онтология научных исследований и прикладной аналитики» посвящена, как явствует из названия, основополагающим концепциям и понятиям, таким как: наука, мышление, аналитика, научный концепт и др. Авторами исследуется специфика аналитики как формы глубокого и системного познания предмета, делается вывод о существенной роли специального языка научного анализа, затрагивается роль интуиции в процессе познания; приводится классификация методов аналитики и анализируются ее параметры, а также роль в области исследований права.

Рассмотрение ряда существующих определений основного понятия венчается авторской дефиницией: «аналитика – реализуемый в интеллектуально-мыслитель-

ной деятельности активный комплексный исследовательско-интерпретационный подход, направленный (сфокусированный) на выявление (обнаружение), исследование, измерение (оценку), референцирование и сопоставление значимых данных, выявление, исследование и моделирование природы и онтологий вещей и процессов, закономерностей и тенденций, на экстрактирование субстратов образов и онтологий, а также процесс обработки указанного познаваемого (осмысливаемого) с высокой степенью его аналитико-синтетической переработки и с его трансформацией в характеризующиеся формализованностью, новизной и релевантностью предиктивные сценарии (модели) и прогнозы, рекомендации и предписания для принятия релевантных, эффективных решений» (Понкин, Редькина: 37).

Заслуживает внимания и научный потенциал темы онтологии аналитики – авторы отмечают необходимость «общими усилиями создать уточненную и операционабельную формализованную топологию аналитики» (Понкин, Редькина: 46).

Во второй главе «Язык науки и прикладной аналитики», констатируя факт непригодности бытового языка для целей науки, авторы формулируют проблему необходимости развития специального языка аналитики. Контур затрагиваемых вопросов охватывает синтаксическую, логическую, стилевую, лексическую и даже психологическую специфику научного текста.

«Существенно важно, – отмечают авторы, – чтобы любая сложная, развернутая, терминологически высоко-насыщенная текстовая конструкция могла бы быть валидирована посредством последовательной – логической деконструкции (декомпозиции, разбора) на релевантную и доста-

точно емкую смысловую сердцевину (или несущий концептуальный остов, каркас) интегративного смысла этой текстовой конструкции и достаивающие концептуальные (или иные научно-конструктивные) элементы. Чтобы не получалось так, что за "накрученными словесными наворотами" стояла бы содержательная, смысловая пустота, словно луковица, последовательное очищение которой – разбор по слоям, слой за слоем – не приводит в итоге к какой-то иной по составу сердцевине, которая уже не подлежит разбору, обладая самостоятельной ценностью или представляя самостоятельный интерес» (Понкин, Редькина: 135). В то же время авторы указывают случаи, когда «употребление сложных научных текстовых конструкций может быть целесообразным и релевантным (даже вынужденным) решением» (Понкин, Редькина: 144), обусловленным свойствами объекта. Также рассмотрена специфика прикладной аналитики в области юридических исследований, в том числе моменты употребления нетипичных лексических конструкций.

Отдельное внимание уделяется применению инженерного стиля письма в научных текстах. «Оперирование краткими лексическими формами» призвано обеспечить экономную и одновременно полноценную, исчерпывающую подачу научного материала. Принцип инженерного письма, отмечают авторы, – «сокращать фразу до размеров мысли» (Понкин, Редькина: 148).

Интересен авторский концепт «инженерного» письма в контексте онтологичности мышления. «Упрощение онтологизированных образов научных конструкций означает применение принципов разумной рациональности и релевантной соразмерности к научным конструктам (переполненным бессодержательными или – малосодержательными, "рыхлыми" мыслями) и представляет собой интегральный научно-исследовательский инструмента-

рий, отражающий устоявшийся смысл понятия "упрощение" (как действия по снижению внутренней чрезмерной сложности, запутанности, конфликтности чего-либо) применительно к научному конструкту, предусматривающий "прошивку" (в том числе с применением метода синтеза) научного конструкта внешним упорядочивающим теоретико-концептуальным порядком и тщательную депозицию (отделение и отбрасывание) после этого из общего лексического объема научного конструкта всех излишних лексем и лексических конструкций, без которых возможно обойтись без критического ущерба для концептуально-смыслового ядра» (Понкин, Редькина: 151).

В качестве примеров приводятся: снабжение сложных научных текстов краткими реферативными выжимками (executive summaries); качественная работа рецензента, призванного проникать в суть работы (здесь может быть применен метод упрощения формы научных конструкций); краткие тексты для выступлений руководителей различных уровней.

Третья глава книги, наиболее объемная и содержательная, посвящена общенаучным методам исследований, которые широко применяются в прикладной аналитике. Например, метод анализа, синтеза, абстрагирования, дедуктивный, индуктивный, классификации, моделирования, аппроксимации, и др. Каждый разбирается достаточно подробно, с опорой на высказывания ряда научных авторитетов, приводятся их авторские трактовки. Так, согласно авторской интерпретации, метод анализа – это «исследовательский метод, предусматривающий и реализующий мысленный разбор (деконструкцию, расслоение, членение, размыкание) единого онтологически-целого на сумму онтологически-частных единиц членения – субонтологий или "деконструктов" (структурных или онтологических элементов – частей, подчастей, подсистем и т.д.), либо экстракти-

рование (вычленение, извлечение из неделимого целого) линеек признаков, аспектов, “слоев”, функций, потенциалов и т.п. более частного (низкого) порядка, с последующим исследованием этих онтологически-частных единиц членения или экстрактирования по отдельности или в авторских аранжировках (сочетаниях по подмножествам) и всесторонним выявлением через это природы, содержания и особенностей изначального единого онтологически-целого» (Понкин, Редькина: 157). Несмотря на некоторую громоздкость формулировок (что обусловлено в том числе и спецификой предмета), итоговое обобщение каждого параграфа в учебнике целесообразно.

Для решения неформализованных аналитических задач используются специальные методы аналитики. Некоторые из них рассматриваются в четвертой главе настоящего учебника. Прежде всего автор (автором раздела является И.В. Понкин) обращает внимание читателей на роль интуиции в ситуациях, требующих постановки «конкретизирующих и обеспечительных задач в рамках общей задачи» (См.: Понкин, Редькина: 344), когда необходимо (пред)установить общие связи и свойства объекта. В работе приводится ряд определений понятия интуиции с опорой на работы ряда специалистов в области научной интуиции (В.Ф. Асмус, М. Бунге, А.Н. Круглов и др.).

Наряду с интуитивным методом, автор также выделяет методы фреймирования, эксплицитно-структурированного, имплицитно-структурированного и дескриптивно-экспликативного (описательно-разъяснительного) теоретизирования. Более подробно, с приведением авторской интерпретации, рассматривается первый из них, прочие даны лаконично в виде определений (учебник содержит краткую версию данного раздела).

К числу достоинств книги, безусловно, можно отнести системность и последова-

тельность изложения материала, приверженность четкому определению понятий, что делает учебник доступным для широкого круга читателей с разным уровнем научного опыта и философской подготовки.

Каждая глава предваряется сжатым, но достаточным очертанием горизонта разбираемых далее вопросов и положений.

Актуальным представляется приведенный в Заключении критический анализ ситуации в сфере создания учебных пособий по методологии профессиональной разработки научных продуктов (диссертаций, монографий, научных статей и пр.) в России. Объем настоящего учебника не позволил рассмотреть ряд исследовательских методов, таких как наблюдение, измерение, метод экспертных оценок, компаративный, что, впрочем, отмечают и сами авторы. Тем не менее, настоящий учебник представляется весьма полезным введением в дисциплину прикладной аналитики, особенно в отношении юридических наук.

Литература

Декарт, Р. Правила для руководства ума. 1628. // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 77-153.

Понкин, И.В., Редькина, А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник / ООО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2020. 365 с.

References

Descartes, R. (1989), “Rules for the Guide of the Mind. 1628”, *Works in 2 vols, vol. 1, Mysl'*, Moscow, Russia, 77-153 (in Russ.).

Ponkin, I.V., Redkina, A.I. (2020), *Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoj analitiki: Uchebnik* [Methodology of scientific research and applied Analytics: Textbook], Buki Vedi, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *masalov@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books of the Scientific Library named after Nikolai Strakhov, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *masalov@bsu.edu.ru*

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-010

N. S. Yegorov

**Internet and personality of digital natives:
the problem of virtual boundaries**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
jivaturik@yandex.ru

Abstract. The paper dwells on the problem of the relationship of reality and Internet virtuality. The competitive structures of virtual interactions in the mental continuums of the Internet and related changes in the semantic structure of the individual are clarified. These changes are transformed at the intersection of traditional life practices and newly emerging, multiplying virtual environments. The question of the bases and forms of recognition of the new social network and local personal reality of communications is raised; the general and everyday changes in the life of a human Internet user are clarified; in this regard, we analyze the value structures of public consciousness, the dominants of its sacred otherness, changed as a result of the emergence of new information technologies and their carriers, the generation of "digital natives".

Keywords: information society; Internet virtuality; competition of spaces; changing personality; digital natives

For citation: Yegorov N. S. (2020), "Internet and personality of digital natives: the problem of virtual boundaries", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 95-102, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-10

Егоров Н. С.

**Интернет и личность «цифровых аборигенов»:
к проблеме виртуальных границ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; *jivaturik@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрена проблема соотношения реальности и интернет-виртуальности. Уточняются конкурентные структуры виртуальных взаимодействий в ментальных континуумах Интернета и связанные с этим перемены в смысловой структуре личности, преобразующейся на пересечении традиционных жизненных практик и вновь возникающих, приумножающихся виртуальных сред. Ставится вопрос об основаниях и формах распознавания новой социально-сетевой и локальной личностной реальности коммуникаций; уточняются общие и повседневные (бытовые) перемены в жизни человека-пользователя мирового Интернета; в связи с этим анализируются ценностные структуры общественного самосознания, доминанты его сакрального инобытия, изменившиеся в следствие появления новых информационных технологий и их носителей, поколения «цифровых аборигенов».

Ключевые слова: информационное общество; интернет-виртуальность; конкуренция пространств; преобразующаяся личность; «цифровые аборигены».

Для цитирования: Егоров Н.С. Интернет и личность «цифровых аборигенов»: к проблеме виртуальных границ // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 95-102. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-10

Currently, all spheres of human's life have been influenced by the Internet: it transforms the system of education, ways of communication, and changes the society. The issue of interaction between the real life and the Internet as another virtual reality appeared at the end of the XX century¹. Many researchers investigated an important role of the Internet in modern life becoming more and more complex; the changing personality is like looking in the mirror of all those virtually communal or interactive being. This is not to say that the being of the changing personality or its practically reflective mirror is philosophically clear; there are a lot of opportunities to analyze it. In the following article, I would like to discuss a hypothesis on the situated semantic boundaries of its virtual representation (or, in other words, its social otherness).

In his book "The Great Disruption", Francis Fukuyama argues that the Internet is designed to reshape our society. After the end of history proclaimed by this philosopher, the information revolution will supposedly allow us to regain our lost unity: the unity of the space of work (organized by digital means of communication) and the space of family life. The new social order will return us to the existing social order (Fukuyama, 1999). Then, Jean Baudrillard criticizes Francis Fukuyama for being overly optimistic and writes that the Internet is not the solution to problems, but is the problem itself ("In Fragments") (Baudrillard, 2007). Baudrillard does not explain exactly what kind of universal changes the Internet creates, but from his reflections on media, we can understand that the threat of the Internet is that it provokes the mindless

consumption of signs; it leads to the disappearance of the value of the real world; it suggests life in the space of images that become the metalanguage of an absent world (Comp.: Baudrillard 1970). To understand the problem modernly based on common sense it is necessary to explore how the Internet creates a new space-time zone, a new way of communication, and forms a new matrix of social contacts, individual as well as net-local (See, f.e.: Zhao, 2006).

It can be assumed that there are two dominant concepts to understand the interactions of real life and the Internet at the moment: 1) automodern by Robert Samuels (Samuels, 2008) and 2) digimodernism (digital modernism) by Alan Kirby (Kirby 2009). Automodern focuses on the parallel processes of automation and personal autonomy, which are the main contradiction of modern life, and digimodernism is based on the identification of a new type of textuality that arose in the process of computerization. In Russia, the research of the works of Robert Samuels and Alan Kirby is carried out by I.V. Nechaev (Nechaev, 2010a); (Nechaev, 2010b). But the problem of boundary between life reality and the web space is not studied enough. Moreover, the problem of how the Internet impacts the life world, which is out of web space, is of great interest. It is especially interesting, what way does the Internet impact the consciousness of the society and everyday life of a person?

It is more and more factually diverse how objective reality is replaced by internet-world; the Internet becomes one more mental human habitat. It can be realized as "a human need to visionary doublet the world. In this sense TV and computer tools of visualization help to understand human's nature. Necessities of fancy being, when the world is represented as an adventure, are anthropological

¹ Manuel Castells already in 1996 called opportunity of access to the Internet the most important for modern culture. See: (Castells, 1996), comp.: (Webster, 2006).

features” (Mikeshina, Openkov, 1997). This problem is especially important for people, who are born in the era of the Internet – “digital natives” (Bennett, Karvin, Maton, 2008). Disappearing of space-temporary boundaries since the early childhood becomes the feature of outlook formation (Maksimova, 2013: 6). Analyzing this phenomenon, we understand the reality more exactly making the space for a new or personally updated consciousness of the digital natives (Brown, 2000); (Tapscott, 2008).

The imagination about the Internet develops from the view of new axiology of spaces. One of the spaces is thought to be more important, the other – less important. N. Koroleva and V. Chernomoretz write about the results of their empirical research: “permanent users have special adaptation to being in web space <...> the sense center of their life goes to the sphere of virtual reality” (Koroleva, Chernomoretz, 2004: 176). They are based on the research conducted by K. S. Young and D. N. Greenfield (Young, 1998); (Greenfield, 1999). One of the reasons for free transition of sense center to the sphere of virtual reality is that web space doesn't lose reality in its amount: it gives the feeling of information infinity to a person. It occurs because of limited possibilities of information usage. Thus, a user doesn't see any difference between the size of the Internet and a real world (Helsper, Eynon, 2009); (Moran, 2016).

Changing personality as the individual images of a person reflected and localized in virtual mirrors is in the tense attitude to the real world. One of the ways of interpreting the English acronym of “PC” is in understanding it as “Personal Culture” (Samuels, 2008: 229). The latter is more stative and demanding than controlled web space. It is easy for the user to give preference to Internet virtuality, so network gamers are often much more concerned about their game appearance than about the appearance of their own.

This attitude towards the Internet environment is sometimes understood as a form of escapism (Shapinskaja, 2014), but this definition is not really sufficient, for the gamer

his/her virtual social status is important no less than the real one because of which in the Internet space there is more important “society” for him (Allison, Wahlde, Shockley, Gabbard, 2006). This “society” consists of gamers, people who hold similar views. “Active communication and self-expression in a social network can serve as a vivid example of the fact that the Internet as a medium is the “real” social sphere of a modern teenager, since it provides a young person with all the same social functions that he needs in his “real” life in accordance with psychological age characteristics” (Kramarenko, Somov, 2013: 44).

In some cases, the importance of virtual space can go as far as sacralization. If we follow the logic of M. Eliade, the virtuality becomes sacred, and the reality becomes profane. Here is how A. Zabiako describes the sacralization of the Internet environment: “The contours of a different type of cyberreligion are opening before us. <...> in the coordinate system of this mentality, computer virtual reality acts as a higher reality, supervaluable other being, which is beyond the boundaries of everyday existence and dominates over it” (Zabijako, Voronkova, Lapin, Pratyana: 2012: 32).

It's important to consider the issue of space competitiveness from the point of view of simple timekeeping, you can trace the correlation: the more time a person spends on the Web, the less time he has to live in real space. Consequently, less attention is paid to reality and household as part of it. The number of necessary things in housing is also reduced. The Internet is driving things such as radio, television, children's toys, books, and even musical instruments out of living space. The Internet virtuality offers alternatives to meet information and entertainment needs. Instead of traditional media – video channels; computer games instead of toys; instead of “live music” – audio from the Web. All these tools to meet various needs in material form are located on the screen of a computer, tablet or phone. Since one gadget performs the function of such bulky objects as a bookcase, the

living space is empty. Thus, as the value of some things weakens, we observe a phenomenon that can be called consumption hygiene.

If until the twentieth century, redundancy in home life was associated with the status of the owner, was a measure of his wealth and success, then in the modern world the redundancy of objects, forms, colors of the interior is associated with foolishness, kitsch. In a room that is freed from a large number of furniture and household items, we see the prerequisites for the popularity of minimalism in interior design. Currently, minimalism has been a style that not only frees the room from the objects that are displaced by the Internet, but also minimizes the factors that distract the user from being in Internet virtuality. Minimalism provokes detachment from reality by minimizing diversity, contrasts, and brightness – all that attracts a person's attention (Newport, 2019). Thus, we conclude that the minimalism of interiors is currently largely popular because it is convenient for Internet users and meets their needs.

Undoubtedly, the influence of the Internet on the user extends to the information society as a whole. This influence will inevitably lead to changes in society. The World Wide Web is not only self-arranging within itself, but also arranges a society. An example of the increasing influence of the Internet on political life is “e-democracy” or “virtual democracy”. E-democracy is a form of interaction between people and authorities, in which the processes of informing and involving citizens in politics, voting, joint discussion and decision-making, control over their implementation, etc. implemented on the basis of the latest information and communication technologies (Macintosh, 2004).

We should note the changes that the World Wide Web brings to public consciousness. Social consciousness is the spiritual side of society, that acts as a set of ideas, thoughts, people's ideas about themselves (self-awareness), about events and phenomena of reality, about society as a whole (worldview) (Schlitz, Vieten, Miller, 2010). Let's consider how the society worldview is changing,

thanks to the influence of the Internet space on the examples of such signs of modern society as planetarity, blurring of the social vertical and transparency.

1. Planetary, or global, social consciousness. The Internet user is in the world of the “global village”, according to M. McLuhan. The Internet (INTERNational NETWORK) is an international network. The distance between the source of information and the consumer ceases to matter, so the user feels himself to be a part of the global information field. However, it should be noted that some states (China with the Great Chinese Firewall, North Korea with the internal network of Kwanmen) artificially limit the planetary nature of the Internet.

2. A blur social vertical. The Internet does not have a fixed hierarchical structure. The Internet is multipolar; it is built as a distributed and self-organizing system. The device of the social network can also be called horizontal, since users have equal opportunities. Any user can write to anyone else who has opened access for correspondence. At the same time, any user can restrict access to their profile. Thus, we see that users are equalized by one set of features. S. Katrechko notes that the type of society characteristic of social networks can be correlated with the anarchist ideal of society as “a horizontal collection of freely coexisting small communities” (Kramarenko, Somov, 2013: 63). M. Egoumenides also writes about this correlation (Egoumenides, 2014: 208). J. P. Barlow considers anti- or non-statehood one of the features of the network (Barlow, 1996). Another factor that influences the blurring of the vertical is the change in social roles and high social mobility within the Internet space. Social networks level status signs (income, power, education). The Internet as a fast disseminator of information offers a wide range of opportunities for instantly gaining wide publicity or for destroying a reputation. This makes the social structure more mobile than in the “before digital era”.

3. Transparency. Transparency is the lack of secrecy, the availability of any infor-

mation (Carpenter, 2000). Openness, universal access to information – these are the achievements of modern society that took shape thanks to the Internet and social networks. A social network gives information an environment in which it can freely be distributed, broadcast through news feeds and personal messages. At the same time, there are no ethical or market restrictions in the social network, which allow users to access information that is not disseminated through traditional media (Yegorov, 2018). Having mentioned the positive impact of transparency on society as a whole, it should be noted that transparency is a threat to the private information of a particular person.

There is no doubt that the Internet is a phenomenon, which shapes modern public consciousness, therefore, freedom of access to the World Wide Web is becoming a measure of the development of the information society. Access to the Internet determines the right of citizenship in the information age (Brown, 2003).

Thus, we see that reality and Internet virtuality in the modern world compete. The Internet not only displaces reality from the user's life, but also causes the transformation of such segments of reality as life and the organization of social life processes.

The influence of the World Wide Web is so great that public consciousness is changing as a result of the emergence of new informational realities.

The outcome of these findings is the fundamental problem of real world autonomy. This problem remains open for further study that aims at fixing new boundaries between Internet virtuality and reality.

References

- Allison, S. E., von Wahlde, L., Shockley, T. & Gabbard, G. O. (2006), "The development of the self in the era of the Internet and role-playing fantasy games". *The American Journal of Psychiatry*, 163 (3), 381–385.
- Barlow, J. P. (1996), *A Declaration of the Independence of Cyberspace*, [Online], available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed 29.03.2019).
- Baudrillard, J. (2007), *Fragments*, Verso Books. London, UK, 154 pp.
- Baudrillard, J. (1970), *La société de consommation: ses mythes et ses structures*, SGPP, Paris, France, 304 pp. (in French).
- Bennett, S., Karvin, L. & Maton, K. (2008), "The 'digital natives' debate: A critical review of the evidence", *British Journal of Educational Technology*, 5 (4), 1-12.
- Brown, J. (2000), "Growing up digital: How the web changes work, education, and the way people learn", *Journal of the United States Distance Learning Association*, 16(2), 31-36.
- Brown, J. (2003), "Crossing the Digital Divide". *Computers, Ethics and Society*. Oxford University Press, 162–171.
- Carpenter, B. (2000), *Internet Transparency*. [Online], available at: <https://www.hjp.at/doc/rfc/rfc2775.html> (accessed 29.03.2019).
- Castells, M. (1996), *The Rise of the Network Society*, Blackwell Publishers. Malden, US, 556 pp.
- Egoumenides, M. (2014), *Philosophical Anarchism and Political Obligation*, Bloomsbury, New York, London, 282 pp.
- Fukuyama, F. (1999), *The great disruption: human nature and the reconstitution of social order*, The Free Press, New York, US, 354 pp.
- Greenfield, D. N. (1999), *Virtual Addiction: Help for Netheads, Cyberfreaks, and Those Who Love Them*, New Harbinger Publ, Oakland, US [Online], available at: https://virtual-addiction.com/wp-content/pdf/nature_internet_addiction.pdf (accessed 29.03.2019).
- Helsper, E., Eynon, R. (2009), "Digital natives: where is the evidence", *British educational research journal*, 36 (3), 1-18.
- Katrechko, S. L. (2014), "Transformacija soznaniya v jepohu Interneta" [Transformation of consciousness in the era of the Internet], *Vlijanie interneta na soznanie i strukturu znaniya* [The influence of the Internet on the consciousness and structure of knowledge], IF RAN, Moscow, 57-70 (in Russ.).
- Kirby, A. (2009), *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*, Continuum Publishing Corporation, New York, US.
- Koroleva, N. N. (2004), "Vlijanie kommunikacii v seti Internet na lichnostnye osobennosti pol'zovatelej" [The influence of communication on the Internet on the personal characteristics of

users], *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 9, 168-179 (in Russ.).

Kramarenko, N.S., Somov, D.S. (2013), "Virtual'nyj mir kak novoe prostranstvo samoosushchestvlenija cheloveka" [Virtual world as a new space for human self-fulfillment], *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija*, 4 (129), 42-48 (in Russ.).

Macintosh, A. (2004), "Characterizing E-Participation in Policy-Making", *Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences (HICCS)* [Online], available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.98.6150&rep=rep1&type=pdf> (accessed 29.03.2019).

Maksimova, O. A. (2013), "Cifrovoe pokolenie: stil' zhizni i konstruirovanie identichnosti v virtual'nom prostranstve" [Digital Generation: Lifestyle and Identity Design in Virtual Space], *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 22 (313), 6-10 (in Russ.).

Mikeshina, L. A. and Openkov, M. Ju. (1997), *Novye obrazy poznanija i real'nosti* [New images of knowledge and reality], Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. Moscow, Russia, 240 pp. (in Russ.).

Moran, K. (2016), *Millennials as Digital Natives: Myths and Realities*. [Online], available at: <https://www.nngroup.com/articles/millennials-digital-natives/> (accessed 29.03.2019).

Nechaev, I. V. (2010a), "Avtomodernizm kak napravlenie sovremennoj zapadnoj kul'turfilosofii" [Auto-modernism as a direction of modern Western cultural philosophy], *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 119, 76-84.

Nechaev, I. V. (2010b), "Didzhimodernizm v «kul'turnom landshafte» post-postmodernizma (konceptija A. Kirbi)" [Digimodernism in the "cultural landscape" of post-postmodernism (concept of A. Kirby)], *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 124 pp. [Online], available at: <https://docplayer.ru/27974067-Didzhimodernizm-v-kulturnom-landshafte-post-postmodernizma-konceptiya-a-kirbi.html> (accessed 29.03.2019).

Newport, C. (2019), *Digital Minimalism: Choosing a Focused Life in a Noisy World*. Portfolio. New York, US, 304 pp.

Samuels, R. (2008) "Auto-modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education", *Digital*

Youth, Innovation, and the Unexpected, The MIT Press, 219-240.

Schlitz, M.M., Vieten, C. and Miller, E.M. (2010), "Worldview Transformation and the Development of Social Consciousness", *Journal of Consciousness Studies*, 17: 18–36.

Shapinskaja, E. N. (2014), "Virtual'naja real'nost' kak prostranstvo jeskapizma: bezgraničnye vozmožnosti i novye opasnosti" [Virtual reality as a space of escapism: endless possibilities and new dangers], *Kul'tura kul'tury*, №4 (4), 55-69.

Tapscott, D. (2008), *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*, McGraw Hill. New York, US, 368 pp.

Webster, F. (2006), *Theories of the Information Society*, Routledge, London, UK, 314 pp.

Yegorov, N. S. (2018), "Man in the social networks of cyberspace", *Sovremennye nauchnye issledovanija i razrabotki*, 4 (21), V. 1, 198.

Young, K. S. (1998), *Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction – and a Winning Strategy for Recovery*. John Wiley & Sons, New York, US, 256 pp.

Zabijako, A. P., Voronkova, E. A., Lapin, A. V. and Pratyina, D. A. (2012), *Kiberreligija: nauka kak faktor religioznyh transformacij* [Cyberreligion: science as a factor in religious transformations], Amurskij gos. un-t, biblioteka zhurnala "Religiovedenie", Blagoveshchensk, 208 pp. (in Russ.).

Zhao, S. (2006), "The Internet and the Transformation of the Reality of Everyday Life: Toward a New Analytic Stance in Sociology", *Sociological Inquiry*, 76, 458–474.

Литература

Егоров, Н.С. Человек в социальных сетях киберпространства // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 4 (21). Т. 1. С. 196-198.

Забияко, А.П., Воронкова, Е.А., Лапин, А.В., Пратына, Д.А. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012. 208 с.

Катречко, С.Л. Трансформация сознания в эпоху Интернета. // Влияние интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН. 2004. С. 57-70.

Королева, Н.Н. Влияние коммуникации в сети Интернет на личностные особенности

пользователей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2004. № 9. С. 168-179.

Крамаренко, Н.С., Сомов, Д.С. Виртуальный мир как новое пространство самоосуществления человека // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4 (129). С. 42-48.

Максимова, О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 6-10.

Микешина, Л.А., Опенков, М.Ю. Новые образы познания и реальности. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 240 с.

Нечаев, И.В. Диджимодернизм в «культурном ландшафте» пост-постмодернизма (концепция А. Кирби) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2010. № 124 [Online] URL: <https://docplayer.ru/27974067-Didzhimodernizm-v-kulturnom-landshafte-post-postmodernizma-koncepciya-a-kirbi.html> (дата обращения: 29.03.2020).

Нечаев, И.В. Автомодернизм как направление современной западной культурфилософии // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2010. № 119. С. 76-84.

Шапинская, Е.Н. Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности // Культура культуры. 2014. № 4 (4). С. 55-69.

Allison, S. E., von Wahlde, L., Shockley, T., Gabbard, G. O. The development of the self in the era of the Internet and role-playing fantasy games // The American Journal of Psychiatry. No. 163 (3), 2006. Pp. 381–385.

Barlow, J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Online], available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed 29.03.2019).

Baudrillard, J. Fragments. London: Verso Books, 2007. 154 p.

Baudrillard, J. La société de consommation: ses mythes et ses structures. Paris: SGPP, 1970. 304 p.

Bennett, S., Karvin, L., Maton, K. The 'digital natives' debate: A critical review of the evidence // British Journal of Educational Technology. No. 5 (4), 2008. Pp. 1-12.

Brown, J. Crossing the Digital Divide // Computers, Ethics and Society. Oxford University Press, 2003. Pp. 162–171.

Brown, J. Growing up digital: How the web changes work, education, and the way people learn // Journal of the United States Distance Learning Association. No. 16 (2), 2000. Pp. 31-36.

Carpenter, B. Internet Transparency. 2000. [Online], available at: <https://www.hjp.at/doc/rfc/rfc2775.html> (accessed 29.03.2019).

Castells, M. The Rise of the Network Society. Malden: Blackwell Publishers. 1996. 556 p.

Fukuyama, F. The great disruption: human nature and the reconstitution of social order. New York: The Free Press, 1999. 354 pp.

Greenfield, D. N. Virtual Addiction: Help for Netheads, Cyberfreaks, and Those Who Love Them. Oakland: New Harbinger Publ, 1999. [Online], available at: https://virtual-addiction.com/wp-content/pdf/nature_internet_addiction.pdf (accessed 29.03.2019).

Helsper, E., Eynon, R. Digital natives: where is the evidence // British educational research journal. No. 36 (3), 2009. Pp. 1-18.

Kirby, A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York: Continuum Publishing Corporation, 2009.

Macintosh, A. Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences (HICCS), 2004. [Online], available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.98.6150&rep=rep1&type=pdf> (accessed 29.03.2019).

Moran, K. Millennials as Digital Natives: Myths and Realities. 2016. [Online], available at: <https://www.nngroup.com/articles/millennials-digital-natives/> (accessed 29.03.2019).

Newport, C. Digital Minimalism: Choosing a Focused Life in a Noisy World. New York: Portfolio, 2019. 304 p.

Samuels, R. Auto-modernity after Post-modernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth // Innovation, and the Unexpected. MA, The MIT Press, 2008. Pp. 219-240.

Schlitz, M.M., Vieten, C., Miller, E.M. Worldview Transformation and the Development

of Social Consciousness // Journal of Consciousness Studies. No. 17, 2010. Pp. 18–36.

Tapscott, D. Grown up digital, some ideas how the net generation is redefining work, culture, media. New York: McGraw Hill, 2008. 368 pp.

Webster, F. Theories of the Information Society. London: Routledge. 2006. 314 p.

Young, K.S. Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction – and a Winning Strategy for Recovery. New York: John Wiley & Sons, 1998. 256 p.

Zhao, S. The Internet and the Transformation of the Reality of Everyday Life: Toward a New Analytic Stance in Sociology // Sociological Inquiry. No. 76, 2006. Pp. 458–474.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita S. Yegorov, Graduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *jivaturik@yandex.ru*

ОБ АВТОРЕ:

Егоров Никита Сергеевич, магистрант, кафедра философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *jivaturik@yandex.ru*

УДК 266.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-11

Маслакова А. В.

**Религиозные сообщества в медиа-пространстве:
информационные инициативы Марфо-Мариинского
сестричества милосердия (Белгород)¹**

Марфо-Мариинское сестричество милосердия г. Белгорода Белгородской и Старооскольской
Епархии Русской Православной Церкви, ул. Пушкина, д. 19, г. Белгород, 308015, Россия;
mm-sestra@mail.ru

Аннотация. В статье уточняются особенности информационных инициатив Марфо-Мариинского сестричества милосердия (Белгород), раскрываются направления деятельности пресс-службы сестричества в контексте специфики православной медиасферы в России.

Ключевые слова: медиа-пространство; пресс-служба; сестричество; социальные сети

Для цитирования: Маслакова А. В. Религиозные сообщества в медиа-пространстве: информационные инициативы Марфо-Мариинского сестричества милосердия (Белгород) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 103-107. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-11

A. V. Maslakova

**Religious communities in the media space: information initiatives
of the Marfo-Mariinsky sisterhood of mercy (Belgorod)**

Martha and Mary Sisterhood of Mercy of Belgorod of the Russian Orthodox Church,
19 Pushkin St., Belgorod, 308015, Russia; *mm-sestra@mail.ru*

Abstract. The article offers the results of studies on the specifics of the Orthodox media sphere in Russia, and reveals the directions of the press service of the Martha-Mariinsky Sisterhood of Charity (Belgorod). Media is an important source of informational interactions in religious communities. For more than twenty years, the sisterhood press service has been promoting the idea of mercy in the media. The press service of the Sisterhood disseminates reliable information about the Orthodox faith, informs the residents of Holy Belogorye about the activities of the Sisterhood, planned events, and attracts volunteers. The Marfo-Mariinsky Sisterhood of Charity is represented on modern social networks (Instagram, Odnoklassniki, VKontakte, Facebook, YouTube, Twitter), has its own website and publishes the journal Virtue. Sisters of Mercy write books, perform on radio and television.

Keywords: media space; press service; Sisterhood; social networks

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа» (Белгород, 21-22 октября 2019 г.). Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00403.

For citation: Maslakova A.V. (2020), "Religious communities in the media space: information initiatives of the Marfo-Mariinsky sisterhood of mercy (Belgorod)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 103-107, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-11

Современный уровень развития общества характеризуется широким применением информационных технологий в разных сферах. В работах Гришаевой Е.И. и Шумковой В.А. отмечается, что медиа-пространство, как новая информационная инициатива, привносит новые практики в нашу повседневную жизнь (Гришаева, Шумкова, 2018). Религиозные сообщества также представлены в медиа. Как и другие религиозные организации, Русская православная церковь активно осваивает медиа-пространство.

Доброхотова М.А. отмечает появление православных печатных периодических изданий, ориентированных на конкретную аудиторию (например, женщин, родителей), повышение качества выпускаемого продукта (бумага, наличие иллюстраций), привлечение спонсоров, включение в состав редакции, кроме священнослужителей, и светских специалистов (психологов, социологов и др.), публикацию новостей из сети Интернет, доступной не всем читателям, знакомство читателей не только с церковными, но и с общественными событиями) (Доброхотова, 2014).

В соответствии с указом Московского Патриархата¹, Церковь большое внимание уделяет развитию православной журналистики, действуют популярные православные сайты («Правмир.ру», «Православие.ру»), активно развиваются социальные сети, что открывает новые возможности для евангельской проповеди.

Имеет пресс-службу и местная православная религиозная организация Марфо-Мариинское сестричество милосердия города Белгорода Белгородской и Старооскольской епархии РПЦ. Деятельность пресс-службы сестричества направлена на

информирование жителей Святого Белогорья о деятельности сестричества, анонсирование планирующихся мероприятий.

Традиционными стали подготовленные пресс-службой сестричества материалы информационной и просветительской направленности для областных, городских, районных изданий. Не менее важным направлением деятельности пресс-службы сестричества является сотрудничество с ведущими информационными порталами города, теле-и-радиокомпаниями. Доклады представителей пресс-службы представлены в городских и областных форумах, конференциях, брифингах, чтениях общецерковного значения.

Как и представители других членов медиа-пространства, сотрудники пресс-службы занимаются разработкой рекламных баннеров, проводимых сестричеством акций, подготовкой благодарственных писем руководителям организаций и частным лицам. Подготовленные сотрудниками пресс-службы сестричества материалы являются важным ресурсом информации о нуждах подопечных, побуждения людей к участию в акциях, вступлению в ряды добровольцев сестричества, передачи достоверной информации о православной вере.

Прошло более двадцати двух лет с тех пор, как пресс-служба сестричества начала популяризацию идей реабилитации традиционных и разработку вновь возникающих смыслов милосердного служения в средствах массовой информации, что, безусловно, сыграло важную роль в формировании общественного сознания граждан. Многосторонняя работа по освещению традиций милосердного служения в СМИ началась с публикации 29 июля 1994 года в белгородской газете «Смена» статьи о восстановлении храма Покрова Пресвятой Богородицы протоиереем Сер-

¹ См. об этом подробнее в научной статье: (Штеле, 2017).

геем Ключко (Истомина, 1994). Через некоторое время в районной газете «Знамя» была создана рубрика, занимающая отдельную страницу, представленная листком сестричества милосердия «Добродетель». Идеи просвещения граждан о милосердном служении получили дальнейшее распространение при участии частного издательства «Крестьянское дело». Именно тогда и листок «Добродетель» получил статус самостоятельного издания. Пресс-службой сестричества с января 2005 года издается журнал «Добродетель»². За 15 лет вышло 42 номера, содержание которых (судьбы, талантливые люди, Божий промысел и Его присутствие в мире, многолетний опыт благотворительности и служения людям) способствовало тому, что очень быстро журнал приобрел популярность.

В разнообразных рубриках журнала, таких, как «Слово пастыря» (беседы духовника сестричества протоиерея Сергия Ключко), «Именины» (истории из жизни святых), «Русский дом», «Кому нужны чужие дети», «Уста младенца», «Тюрьма и воля», «Житейские истории», «Голос сердца» и других, каждый человек может найти тепло, надежду, добро и радость. Это касается даже тех, кто не задумывается о милосердии, пока не прочитает страницы журнала.

И тяжело больные пациенты больниц, и жители интернатов, и пожилые одинокие люди, и те, кто отбывает наказание находят в журнале духовный совет, который необходим именно им. Почему? Потому, что каждая рубрика журнала – это отдельная история переживания Бога и Его любви белгородцами, ключик ко спасению: освящение милосердных дел, биография сестер, повествующая об их пути к нелегкому, но очень благородному делу оказания помощи нуждающемуся. Всегда трогают сердца читателей стихотворения детей, получающих поддержку, тепло и любовь сестер Марфо-Мариинского

сестричества. Большая информативность и искренние статьи журнала позволяют привлечь новые кадры и благотворителей (частных лиц и организации). Всегда есть материал, который обязательно оказывается востребованным, поскольку темы статей, составляющих номер, очень разнообразны.

В 2019 году издано два номера журнала, которые разосланы в больницы, тюрьмы, православные организации, сестричества других городов из Ассоциации СМИ сестриществ милосердия РПЦ, с которыми редакция журнала поддерживает постоянную связь. Номера журнала также получили сестры милосердия, благотворители и авторы статей. Пресс-служба сестричества сотрудничает с иногородними журналами «Покров», «Монастырский вестник», «Журнал патриархии», с телеканалом «Союз» и др. Ведется сотрудничество с белгородским журналом для родителей «Мамина Азбука»³.

Важным событием медиа-пространства Русской православной церкви 2019 года стало членство руководителя пресс-службы сестричества в информационном отделе Белгородской митрополии. Руководитель пресс-службы сестричества уже два года является редактором группы Белгородской митрополии в сети ВКонтакте⁴. На официальном сайте и в группе Белгородской митрополии регулярно размещается информация о деятельности сестричества. Еженедельно новости о деятельности сестричества публикуются на сайте Белгородской и Старооскольской епархии РПЦ МП⁵, на сайте «БелПресса». Так, например, были опубликованы статьи «Добровольцы милосердия. Каждый может присоединиться к ним в их добром деле»⁶, «Корабль спасения. Как живут

³ <http://baby31.ru/pdf/flip43.pdf>

⁴ <https://vk.com/belmitropol>

⁵ <http://www.beleparh.ru/index.php/novosti-blagochinij/i-belgorodskoe-blagochinie/9343-marfo-mariinskoe-sestrichestvo-miloserdiya-g-belgoroda-ob-yavlyaet-o-starte-novoj-aktsii-blagaya-vest-v-kazhduyu-palatu>

⁶ <https://www.belpressa.ru/25526.html>

² <http://belmiloserdie.ru/zhurnal-dobrodetel/>

и трудятся сёстры милосердия»⁷. Также пресс-служба фигурирует в программах «Путь, истина и жизнь» ГТРК «Мир Белогорья», в новостных блоках ГТРК Белгород, на круглосуточном кабельном канале «Белгород 24», в новостной ленте Belgorod.BezFormata.com⁸. На сайте «Православие.ру» размещена статья «Причастные к божественному домостроительству»⁹.

Деятельность сестричества активно отображена в таких известных социальных сетях, как:

1) Инстаграм¹⁰;

2) Одноклассники¹¹;

3) ВКонтakte созданы две группы: Марфо-Мариинское сестричество г. Белгород¹², которая насчитывает 3145 участников и где ежедневно группу посещают от 800 до 1400 человек и «Актив ‘Православные добровольцы’»¹³, которая насчитывает 1603 участника, здесь публикуются объявления о наборе добровольцев, ежедневно группу посещают от 200 до 700 человек в день;

4) Facebook¹⁴;

5) Youtube¹⁵;

6) Twitter¹⁶.

Есть планы освоения Telegram, развития своего канала на YouTube.

Марфо-Мариинское сестричество милосердия размещает информацию в следующих новостных блоках: #ммсм_евангелие, #Расписаниебогослужений_Никольскийхрам, #ммсм мысли святителя Феофана Затворника, #ммсм_помоги, #ммсм_акция, #днев-

никисестры, #ммсм_календарь,
#ммсм_история, #ммсм_открытие,
#ммсм_инфо, #ммсм_выставки,
#ммсм_видео, #ммсм_конкурс,
#ммсм_просиммолитв, #ммсм_духовник,
#ммсм_цитаты, #ммсм_притчи,
#ммсм_сборзакрывает, #дневникибрата,
#опыт_служения, #ммсм_тюрьма,
#ммсм_выпомогли, #ммсм_стихи,
#ммсм_литстраница, #ммсм_отчет.

Марфо-Мариинское сестричество милосердия имеет сайт <http://belmiloserdie.ru>, на главной странице которого есть контактная информация (адрес, телефон)¹⁷. Постоянными разделами сайта являются: «Сестричество», «Проекты», «Направления», «Дневники сестры», «Вы помогли», журнал «Добродетель». Каждый из разделов очень информативен. Большой популярностью пользуется раздел «Дневники сестры»¹⁸. Последние записи в «дневниках» посвящены участию в IX Общецерковном съезде по социальному служению и прославлению «Заступницы усердной рода христианского» Казанской иконы Божией Матери, незримой покровительницы русских людей в час испытаний. В «дневниках» сестры не просто повествуют о милосердных делах, а рассказывают о вере в Бога, святых местах, людях, своих чувствах. Так, сестры рассказали о величественном шестипрестольном Спасо-Преображенском соборе (г. Болхов Орловской области), где покоятся мощи священноисповедника Георгия Коссова, всю жизнь творившего дела милосердия (построил кирпичный завод, страннический дом, трехпрестольный храм во имя Преображения Господня, указывал, прежде всего, христианские средства излечения недугов); о Свято-Введенском Макариевском Жабынском мужском монастыре, где стали свидетелями чуда отображения лика преподобного Макария Жабынского на стекле киота иконы, что находится возле раки с мощами святого; Оптинной Пустыни, где встретили добровольца

⁷ <https://www.belpressa.ru/society/socialnaya-sfera/23696.html>

⁸ <https://belgorod.bezformata.com/listnews/organizovalo-belgorodskoe-sestrichestvo/74663014/>

⁹ <https://pravoslavie.ru/91781.htm>

¹⁰ instagram.com/belmiloserdie

¹¹ <https://ok.ru/belmiloserdie>

¹² <https://vk.com/belmiloserdie>

¹³ <https://vk.com/belmiloserdiedobrovol>

¹⁴ <https://www.facebook.com/belmiloserdie31/>

¹⁵

<https://www.youtube.com/channel/UCbUD7gs0gCpfXN1Saz8z>

¹⁶ <https://twitter.com/belmiloserdie>

¹⁷ <http://belmiloserdie.ru>

¹⁸ <http://belmiloserdie.ru/dnevnik-sestry/>

Сильвестра и с трепетом приложились к мощам Амвросия Оптинского, который и после смерти продолжает служить людям, даря им особую Божию защиту и благодать. «Один этот путь – чудо, Божья милость к нам! Ведь всё наше путешествие – это большая импровизация. Невозможно передать чувства необыкновенного духовного подъема и мира, которое мы испытали. Слава Богу за все!». Эти строки завершают запись о поездке на IX Общецерковный съезд по социальному служению.

Таким образом, информационные инициативы Марфо-Мариинского сестричества милосердия направлены на транслирование достоверной информации о православной вере, информирование граждан о деятельности сестричества, о проходящих в сестричестве мероприятиях, акциях, конкурсах, сборах, милосердных делах, о святых местах, привлечение молодежи к делам милосердия, осуществление духовного воспитания. Марфо-Мариинское сестричество милосердия представлено в современных социальных сетях, имеет свой сайт, выпускает журнал, сестры милосердия пишут книги, выступают на радио и телевидении.

Литература

Гришаева, Е.И., Шумкова, В.А. Традиционные православные медиа: структура, особенности формирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 291–308.

Доброхотова, М.А. Специфика православной медиасферы в России на примере печатных периодических изданий // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. Вып. 2 (25). С. 134–142.

Жуковская, Е.А. Методические указания по организации работы епархиальной пресс-службы. М.: Изд. дом: Управление делами Московской Патриархии. Синодальный информационный отдел., 2010. 72 с.

Истомина, О. Не оскудеет рука дающего // Смена. № 1557. 29 июля 1994.

Штеле, А. В поисках нового языка: медийная стратегия патриарха Кирилла // Московский центр Карнеги. 16 мая 2017 [Электронный ресурс] URL:

<https://carnegie.ru/2017/05/16/ru-pub-69951> (дата обращения: 25.11.2019).

References

Dobrokhotova, M. A. (2014), “Specificity of Orthodox media in Russia on the example of periodicals” *Vesntik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Vestnik of Perm University. Series: History], 2 (25), 134-142 (in Russ.).

Grishaeva, E.I., Shumkova, V. A. (2018), “Traditional Orthodox media: structure, features of formation”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie I sotsialnie peremny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 2, 291-308 (in Russ.).

Istomina, O. (1994), “The hand of the giver will not be impoverished”, *Smena*, 1557, July 29. (in Russ.).

Steele, A. (2017), “In search of a new language: the media strategy of Patriarch Kirill”, Carnegie Moscow center, May 16, [Online] URL: <https://carnegie.ru/2017/05/16/ru-pub-69951> (Date of access: November 25, 2019) (in Russ.).

Zhukovskaya, E.A. (2010), *Metodicheskie ukazaniya po organizatsii raboty eparkhialnoy press-sluzhby* [Guidelines for organizing the work of the diocesan press service], Office of the Moscow Patriarchate. Synodal information department, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Маслакова Анастасия Валерьевна, руководитель пресс-службы местной православной религиозной организации Марфо-Мариинское сестричество милосердия г. Белгорода Белгородской и Старооскольской Епархии Русской Православной Церкви, ул. Пушкина, д. 19, г. Белгород 308015, Россия; mm-sestra@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia V. Maslakova, Head of the Press Service, Local Orthodox religious organization Martha and Mary Sisterhood of Mercy of Belgorod of Belgorod and Sary Oskol Diocese of the Russian Orthodox Church, 19 Pushkin St., Belgorod 308015, Russia; mm-sestra@mail.ru

